

Научно-
образовательный
и методический
рецензируемый
журнал

ISSN 2223-1277

Человек.
Культура.
Образование

№ 1 (31) / 2019

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

№ 1 (31) 2019

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2019

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, д-р гуман. наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс);

Бразговская Елена Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Бурлыкина Майя Ивановна, д-р культурологии, профессор, директор музея истории просвещения Коми края Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Гончаров Сергей Александрович, д-р филол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Гурленова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р истор. наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Зюев Николай Федосеевич, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто);

Леонов Иван Владимирович, д-р культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, сопредседатель Санкт-Петербургского и Ленинградской области отделения Научно-образовательного культурологического общества (Россия, Санкт-Петербург);

Мосолова Любовь Михайловна, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Муравьев Виктор Викторович, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сотникова Ольга Александровна, д-р пед. наук, и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Скотт Тое, д-р философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Осло, Норвегия);

Сурво Арно, д-р философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, д-р философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаетов Юрий Петрович, д-р истор. наук, профессор, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Шапинская Екатерина Николаевна, д-р философ. наук, профессор, зам. руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва).

Редакция журнала:

В. В. Муравьев, О. В. Золотарев, Л. В. Гурленова

Главный редактор Л. В. Гурленова

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Гудырева Любовь Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель Издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Руденко Людмила Николаевна, зам. руководителя по издательской деятельности Издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Вокуев Николай Евгеньевич, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru

Стоимость подписки 618 руб. на полгода

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Философия культуры

Волкова С. В. Современные дисциплинарные техники в образовании: проблемы и перспективы	
Volkova S.V. Modern disciplinary techniques in education: problems and prospects.....	6
Воробьева О. Б. Российская студенческая молодежь современности и эзотерическая традиция: моменты взаимодействия	
Vorobyeva O.B. Modern Russian student youth and the esoteric tradition: moments of interaction.....	19
Pozdniakova E. U. The models of time in contemporary humanities	
Позднякова Е. Ю. Модели времени в современных гуманитарных исследованиях.....	27

Культурология

Богданова О. В. Дедикация как стратегия и код культурного текста	
Vogdanova O. V. Dedication as a strategy and code of cultural text.....	34
Измайлова Э. В. «Тематический анализ» культуры детства: общая характеристика и перспективы применения	
Izmailova E.V. «Thematic analysis» of the culture of childhood: general characteristics and perspectives of application.....	50
Колик А. В., Лейман И. И. Культурно-исторический контекст пищевых брендов: сравнительный анализ коммуникативных практик Беларуси и России	
Kolik A., Leyman I. Cultural and historical context of food brands: comparative analysis of the communicative practices of Belarus and Russia.....	63
Морозова Д. Л. Почтовая открытка как элемент культуры повседневности XIX в. (на примере альбомов «Вторники» Ф. Г. Беренштама 1895–1900 гг.)	
Morozova D. Postcard as an element of the culture of everyday life of the XIX century (by the example of the «Tuesdays» albums by F. Bernstamm of the 1895–1900).....	79

Материалы, публикуемые в рамках конференции
«Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве» (13–15 декабря 2018 года, г. Сыктывкар)

Гурленова Л. В., Данилов Б.А. В. Сорокин об интеллигенции и власти: на материале сборника «Белый квадрат»	
Gurlenova L. V., Danilov B. A. V. Sorokin about the intellectuals and the power: on material of the collection «White Square».....	93
Зюзев Н. Ф. Антропологические воззрения Питирима Сорокина	
Zyuzev N. F. The Anthropology of Pitirim Sorokin.....	103
Конова И. Г. Текст-встреча: коммуникативное пространство авторской песни	
Konova I. G. Text-meeting: communicative space of the 'author song'.....	127

Кузюрина Е. М. Политическая эстетика и ее роль в построении социума в Народной Польше (1947–1956 гг.)	
Kuziurina E. M. Political aesthetics and its role in the construction of society in People's Poland (1947–1956).....	137
Макарова Л. М. Сценография Мариана Колодзеев как пространство коммуникации	
Makarova L. M. Scenography of Marian Kolodziej as a communication's space.....	152
Максимова О. Л. Философия образования в контексте философии лимитизма К. Ф. Жакова	
Maksimova O. L. Philosophy of education in the context of K. F. Zhakov's limitism philosophy.....	166

Педагогика

Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Мосягина О. В., Харитонова Е. Е. Метапредмет «Связь» в формировании различных компетенций при создании научного индивидуального проекта обучающимися на базе среднего профессионального образования	
Arkhipova I. A., Karbachinskaya N. B., Mosyagina O. V., Kharitonova E. E. Metasubject «Connection» in forming of various competences during the students creation of a scientific individual project on the basis of secondary professional education.....	178
Иванищева О. Н. Веб-квест как эффективная технология профессионализации будущих журналистов	
Ivanishcheva O. N. Web quest as an effective technology professionalization of future journalists.....	190
Сажина С. Д. Компетентностный подход как условие подготовки руководителей образовательных организаций на современном этапе	
Sazhina S. D. Competence-based approach as a condition of training of heads of educational organizations at the present stage.....	205
Сердюк Е. В. О технологии вовлечения студентов в иноязычную деятельность	
Serdyuk E.V. Technology of student engagement into foreign language practice.....	217
Трофимова Ю. И. Использование понятия «опыт» в объяснении процесса овладения иностранным языком	
Trofimova Y. I. Use of the concept of experience in the explanation of language acquisition process.....	226
Культура Арктики: традиции и современность	
Иванищева О. Н. Холод как саамский культурный феномен	
Ivanishcheva O. N. Cold as a Saami cultural phenomenon.....	233
Авторы выпуска.....	247

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 165.62

С. В. Волкова

Современные дисциплинарные техники в образовании: проблемы и перспективы

В центре внимания автора – философия М. Фуко. Описывая традиционные и современные техники контроля в образовании, автор ищет ответ на вопрос: является ли современное образовательное пространство паноптическим, где власть осуществляется посредством постоянного наблюдения и монито-ринга. Автор приходит к выводу, что, несмотря на широко внедряемые сегодня электронные средства контроля, дисциплинарный надзор в современном образовании не является тотальным, а остается дискретным, сохраняя открытыми возможности сопротивления и уклонения. В статье освещаются те опасности, которые таят в себе широко распространяющиеся сегодня электронные техники контроля в образовании.

Ключевые слова: философия образования, педагогика, школа, власть, дисциплина, паноптизм, Фуко, цифровые технологии, надзор.

S. V. Volkova. Modern disciplinary techniques in education: problems and prospects

The author's focus is on the philosophy of M. Foucault. Describing traditional and modern techniques of control in education, the author looks for an answer to the question: whether the modern educational space is a panoptical space of power, where the latter is exercised through

---

© Волкова С. В., 2019

constant observation and monitoring. The author comes to the conclusion that, despite the fact that electronic means of control are widely introduced today, disciplinary supervision in modern education is not total, but remains discrete, keeping open the possibilities of resistance and evasion. The article highlights the dangers of electronic control techniques in education, which are widely spread today.

Keywords: *philosophy of education, pedagogy, school, power, discipline, panopticism, Foucault, digital technologies, surveillance.*

На сегодняшний день образование выступает тем объектом, который притягивает внимание разнообразных научных дисциплин и в том числе философии. При этом, поскольку функционирование различных областей человеческой жизнедеятельности – от повседневной-бытовой до профессиональной – зависит от знаний, которыми обладает индивид, то и образование часто предстает как сфера циркуляции и трансляции знания. Одновременно с этим, однако, образование является и пространством, в котором разворачиваются поведенческие стратегии, intersubjective отношения, важное место среди которых занимают отношения послушания и подчинения, т.е. феномены власти. В этой связи целью настоящей статьи будет анализ тех форм власти, которые имеют место в современных школах. Речь пойдет по преимуществу о зарубежных (западных) школах, однако эти же черты в той или иной степени присущи и отечественным образовательным учреждениям.

Как известно, тему власти в образовательных пространствах поднял в 70-е годы XX века М. Фуко. С тех пор, однако, прошло более 40 лет, и было бы целесообразным взглянуть на данную тему с позиции настоящего и выделить как сохранившиеся, так и изменившиеся черты феномена власти в современном образовательном пространстве.

Итак, если вспомнить М. Фуко, то главным в его философии был феномен дисциплинарной власти. Ключевой характеристикой последней является стремление «блюсти поведение» индивидов, добиваясь их послушания, а одним из механизмов осуществления этой власти – принцип «паноптизма», или «всеподнадзорности» [2, с. 320]. Суть паноптизма в том, что власть над индивидами не устанавливается путем применения грубой силы, принуждения и запретов. Паноптизм приводит инди-

вида «в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которое обеспечивает автоматическое функционирование власти» [3, с. 294]. В целом концепция власти, функционирующая по модели паноптикума, оказывается узнаваемой и привычной всем, кто учился в школе или имеет к ней отношение. В самом деле можно вспомнить ситуацию, когда школьники после шумной перемены еще продолжают смеяться, разговаривать и толкаться, однако после того, как в классе появляется учитель, они затихают и выстраиваются в ровные ряды, стоя у своих парт. При этом не может не впечатлять то, как меняются позы, поведение учеников под взглядом учителя. Напрашивается аналогия с кукловодом в театре, который незаметным образом приводит в движение кукол при помощи невидимых нитей. Так и в школе: опытный педагог одним только взглядом может заставить своих учеников, только что резвившихся и забывших, где они находятся, послушно выполнять то, что от них требуется.

Но это не все. Как утверждает Фуко, надзор должен быть постоянным в своих результатах, даже если он осуществляется с перерывами, а «совершенство власти... делает необязательным ее действительное отправление» [3, с. 294]. В самом деле обеспечить непрерывное наблюдение за учениками и в классе, и в коридоре невозможно. Среди шума и суеты, которые иногда возникают на уроке и тем более на перемене, ученики часто вообще забывают о том, что за ними могут наблюдать. В этой связи надзор, осуществляемый в школе, носит дискретный характер и включает в себя регулярные напоминания учителем о своем присутствии в качестве наблюдателя. Часто учителю достаточно просто подать сигнал в знак неодобрения наблюдаемого им поведения, чтобы ученик снова начал следовать установленному порядку и соблюдать соответствующие правила. Так, М. Галлахер приводит пример, когда один из учеников во время урока встал и начал танцевать. Когда учитель неодобрительно покачал головой, ученик перестал танцевать и занял свое место за партой [5, с. 266]. Как явствует из этого примера, одного только факта присутствия учителя в классе недостаточно для того, чтобы убедить ученика в том, что за его поведением наблюдают. Учителю пришлось напомнить, что ему все видно, что все происходящее в классе схвачено его «оком власти».

В целом, несмотря на окуляроцентризм проекта Фуко, нет никаких оснований полагать, что дисциплинарный надзор в школе должен быть ограничен исключительно областью зрения. Не секрет, что одним из самых распространенных требований в школе является требование соблюдать тишину. Вспомним, например, ситуации, когда учитель объясняет нечто у доски, когда дети выполняют самостоятельную работу или когда они выстраиваются, чтобы идти в спортзал и т. д. На каждом из этих этапов учитель регулирует уровень шума и следит за тем, чтобы он не превышал допустимую норму. «Я слышу, как вы работаете», – говорит учитель, не поднимая головы, и продолжает что-то записывать у себя в тетради. Таким образом ученики осознают, что о нарушении дисциплины учитель знает не только благодаря тому, что он «все видит», но и благодаря тому, что он «все слышит».

По-видимому, можно утверждать, что школьный режим звукового «наблюдения» более точно соответствует дисциплинарной модели, чем визуальное наблюдение, поскольку последнее легче скрыть. Действительно, проверить, находишься ли ты в зоне видимости и наблюдает ли за тобой учитель, оказывается проще, чем понять, слышит ли учитель, что ты делаешь что-то не то. Если в первом случае достаточно просто посмотреть на учителя, то способов верификации во втором случае фактически нет. Узнать, услышит ли учитель, что ты отвлекся и перешептываешься с соседом, можно будет только постфактум. Однако, как свидетельствует повседневный школьный опыт, ученики часто и не ведут себя так, как будто их могут услышать в любое время. В приведенных выше примерах мы видим, что учителям приходится неоднократно напоминать детям о том, что их слышат, для того чтобы наблюдение и управление в классе было эффективным. В то же время способность учителя выявлять нарушения дисциплины, даже когда данное событие не разворачивается у него на глазах, действительно способно порождать иллюзию тотального надзора. Таким образом, аудионаблюдение, или, говоря образно, «ухо власти», является не менее важным механизмом надзора в школе, чем «око власти».

До сих пор речь шла о давно известных формах контроля. Сегодня, однако, с развитием электронных технологий в школу

пришли новые формы власти, направленные на то, чтобы идентифицировать и отслеживать присутствие в школьном пространстве. Одной из таких форм является система видеонаблюдения, введение которой изначально обосновывалось как мера, направленная исключительно на обеспечение безопасности. Надо сказать, что опыт использования школьных систем видеонаблюдения чрезвычайно разнообразен. В некоторых школах установлены всего несколько видеокамер, контролирующих небольшие пространства, в то время как в других школах видеокамеры позволяют проводить мониторинг практически всей территории школы, включая классы, фойе, спортивные сооружения. В некоторых школах видеокамеры устанавливают даже в таких местах, как туалеты, раздевалки и душевые.

Любопытно обратить внимание на особенности восприятия видеонаблюдения участниками образовательного пространства. Как показывают интервью с учителями и учащимися, наличие в сознании индивида ощущения, что он является объектом наблюдения, не постоянно, а дискретно, то есть возникает время от времени. Далее, интересно, что у учителей и учеников отношение к видеонаблюдению различное. Как правило, большинство учителей убеждены, что система видеонаблюдения в школе используется для наблюдения за учениками, а не с целью мониторинга работы преподавателей¹. Так, директор одной из российских школ следующим образом прокомментировала установку камер видеонаблюдения в школе: «Установка камер видеонаблюдения очень облегчила мне и коллективу воспитательную работу. У нас появилась возможность следить онлайн за сложными детьми. Нам теперь намного проще пресекать различного рода хулиганства, которые нередко позволяли себе ученики на уроках и переменах. Камеры у нас установлены в коридорах, в некоторых классах, в спортзале. Педагогическо-

---

¹ Опросы, проведенные в Великобритании, показывают, что 85 % учителей подтвердили присутствие видеонаблюдения в школах, где они работают, из них примерно 25 % выразили озабоченность по поводу установки систем скрытого видеонаблюдения. URL: <https://www.atl.org.uk/latest/press-release/85-teachers-have-cctv-their-schools-and-nearly-25-worry-about-hidden-cameras> (дата обращения: 4 сентября 2013).

му коллективу нашей школы вначале эта идея не понравилась. Но после того как они поняли, что целью этого нововведения является не слежка за работой учителя, а обеспечение порядка в школе, никаких претензий больше с их стороны не было» [1].

Радикально иное, однако, восприятие видеонаблюдения у учащихся. Последние уверены, что видеонаблюдение ведется непропорционально и направлено в первую очередь на них. В частности, учащиеся отмечают, что те школьные помещения, куда имеют доступ только учителя (учительская, туалет для персонала и т. д.), камерами не оборудованы. Вот как прокомментировал данную ситуацию один из учеников: «В туалетах для учащихся установлены камеры. Я не думаю, что видеонаблюдение ведется в туалетах для школьного персонала. Цель видеонаблюдения в туалетах – следить за тем, чтобы не курили, не дрались, не прятались там во время уроков. Поэтому камеры стоят в туалетах для учеников. В туалете для школьного персонала они не нужны» [15, с. 48]. Такое неравномерное распределение видеонаблюдения учащиеся воспринимают как ущемление их права на неприкосновенность частной жизни, как демонстрацию несправедливости и недоверия к ним со стороны персонала школы и общества в целом. Ученики утверждают, что школа начинает напоминать тюрьму, а сами они ощущают себя преступниками.

Еще одной формой контроля учащихся в современном обществе является АДИС – Автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система. Использование данной системы распространилось по всему миру. Особенно широкое применение она нашла в европейских странах – Бельгии и Швеции. Ключевым аргументом, обосновывающим необходимость внедрения АДИС в образовательные учреждения, является существенное ускорение прохождения различных формальных процедур, например регистрации в библиотеке или оплаты обеда в столовой. В то же время данная система выполняет и надзорные функции. Например, она предполагает исключение возможности траты детьми родительских денег на какие-то иные цели, кроме оплаты обеда (завтрака). К числу функций АДИС можно отнести и обеспечение родительского контроля за тем, что дети приобретают в столовой во время обеденного перерыва. Неко-

торые системы запрограммированы таким образом, что родители могут внести в программу изменения и «запретить» покупать еду, которая будет нарушать режим диетического питания ученика, вызывать угрозу аллергической реакции или же просто не отвечать предпочтениям родителей. Популярностью среди родителей пользуются системы, которые позволяют получать еженедельные отчеты с подробным описанием того, что ребенок покупал на обед. Как правило, подобные отчеты от школьного персонала поступают родителям по электронной почте. Для того чтобы генерировать интерес и соблюдение правил здорового питания, некоторые школы даже вводят систему баллов для учеников, которые отказываются от нездоровой пищи. В конце года накопленные учеником баллы конвертируются в призы. Таким образом, мы видим, как использование АДИС позволяет поставить под контроль пищевые привычки учеников¹.

Наконец, можно назвать еще одну форму контроля, присутствующую сегодня в школьном пространстве – это система радиочастотной идентификации или, как ее еще называют, «система микрочипов». Данная система была опробована в Великобритании, на Филиппинах, Японии, США. Обычно микрочипы радиочастотной идентификации встраивают в удостоверение школьника, которое тот обязан предъявлять на входе в учебное заведение. Учащийся должен постоянно носить данное удостоверение с собой. В некоторых школах чипы вшивают в школьную форму. В первом приближении может показаться, что целью введения системы микрочипов является обеспечение безопасности учащихся, однако при более внимательном рассмотрении обнаруживаются и иные аспекты применения данной технологии. Так, на Филиппинах удостоверения школьников со встроенными микрочипами используют для мониторинга по-

---

¹ На достижение этой же цели было направлено внедрение в школы такой технологии, как «запакованный обед». В Англии была реализована следующая программа. Обед, принесенный школьником из дома, вскрывали, фотографировали с целью оценить его пищевую ценность [4]. Однако родители школьников негативно восприняли данную инициативу, расценив ее как чрезвычайно агрессивный контроль со стороны школы и выразили свой протест, передавая детям в школу «вредную еду» (чипсы и т. п.) [13].

сещаемости и контроля за перемещениями учащихся по школе. Подобная ситуация имеет место и в Бразилии, где ученики некоторых школ носят так называемую умную школьную форму с изображением школьного герба, под которым скрывается встроенный микрочип. Чиновники системы образования обосновывают использование данной технологии как эффективное средство борьбы за посещаемость школ.

Уместно заметить, что изначально технология микрочипов была разработана для отслеживания перевозки грузов и скота и только впоследствии она была использована для работы с людьми. Развитие и удешевление данной технологии повысило ее доступность и одновременно сделало уязвимой для взлома, в связи с чем стала реальной угрозой неправомерного использования информации в ущерб интересам учащихся. Например, для злоумышленников открывается возможность контролировать местонахождение ученика за пределами школы, стоит им только получить его идентификационный номер [15, с. 15–39]. Правозащитники указывают также, что использование данной технологии в школе является нарушением прав учащихся на свободу слова и собраний, поскольку она позволяет контролировать местонахождение как отдельного ученика, так и собрание группы учащихся. К правозащитникам и гражданским активистам присоединяются представители религиозных организаций, считающие интенсивный электронный контроль за поведением и местонахождением школьников технологией расчеловечивания.

Итак, мы назвали основные формы осуществления власти в современном образовательном пространстве. Исходя из философско-антропологической перспективы было бы резонным заметить, что все отмеченные технологические формы контроля проистекают в итоге из идеи истолкования человека в качестве субъекта и стремления этого субъекта развернуть мир в картину, то есть принципиально просматриваемый, наличный для его взгляда предмет. Следуя мысли М. Хайдеггера, можно сказать, что современная «картинизация», или опредмечивание мира, распространяется и на самого человека, в данном случае учащегося, проблематизируя его субъектное начало. Удастся ли этим технологическим формам контроля аннулировать субъектное начало учащихся и низвести их до положения объекта? В

целом, на наш взгляд, можно выделить несколько стратегий поведения учащихся, противостоящих десубъективации и стремящихся сохранить «авторские права» на собственную жизнь.

Одна из часто реализуемых стратегий сопротивления представляет собой симуляцию послушания в ожидании открытия «окна возможностей» для нарушения правил. Так, Э. Хоуп в течение недели наблюдал за тремя учениками восьмого класса общеобразовательной школы, пользующимися доступом в Интернет в учебно-информационном центре. В пятницу вечером, когда центр покинул последний сотрудник, учащиеся тут же воспользовались этой ситуацией и были замечены в посещении сайта, на котором содержалась информация, предназначенная для удаления [6]. Как демонстрирует данный пример, стоит только ученику убедиться, что за ним не наблюдают и ему не грозит наказание, как он уже не считает нужным корректировать свое поведение в соответствии с установленными правилами.

Другой стратегией сопротивления выступает стремление учащегося самому занять позицию наблюдателя. Широкое распространение мобильных телефонов со встроенной видеокamerой позволяет сегодня ученику (студенту) быть субъектом, участвующим в наблюдении-надзоре, например осуществлять видеосъемку происходящего в классе, учебной аудитории и за их пределами, а затем выкладывать данное видео в Интернете. В. Стивс, исследовавший внедрение электронных технологий в повседневную жизнь школ в Канаде, приводит следующий случай. Ученики одной из школ намеренно отказывались выполнять требования педагога, пытаясь вывести его на эмоциональную реакцию. Провокация удалась. Реакция педагога была снята на видеокamerу телефона, и видео распространено на канале YouTube [11, с. 94]. Сегодня существуют сайты, где студенты могут высказывать свое мнение и давать оценку преподавателям и их профессиональной деятельности, тем самым как бы объективируя персонал образовательного учреждения. Кроме того, довольно часто учащиеся обсуждают возможности школьного надзора в соцсетях, делятся опытом сопротивления установленным нормам и правилам. В целом данная стратегия сопротивления – это возможность напомнить школьному персоналу, воспринимаемому в качестве наблюдателей, что сегодня наблюда-

ют они, а завтра – наблюдают за ними. Вспоминая Фуко, можно сказать, что если в «Паноптикуме» Бентама заключенные всегда являлись только объектом наблюдения, то в современном образовательном пространстве наблюдатель (персонал школы, вуза) часто сам оказывается в статусе поднадзорного.

Наконец, еще одной стратегией сопротивления власти оказывается симуляция подчинения, игра. Размышляя о современных властных отношениях и пытаясь объяснить феномен толерантного отношения к широким возможностям надзора и контроля в обществе, исследователи подчеркивают, что зачастую в современной культуре надзор не всегда является механизмом дисциплинарной власти, но становится средством развлечения, игры, перформанса. Рост популярности телевизионных реалити-шоу в определенной степени трансформировал отношение к видеонадзору, который теперь воспринимается с точки зрения его развлекательного потенциала. Не случайно С. Жижек, рассуждая о популярности реалити-шоу, провозглашает крах бентам-оруэлловской картины мира, построенной на наблюдении: тот факт, что за тобой наблюдают, уже не вызывает страха, напротив – когда такого наблюдения нет, человек начинает испытывать беспокойство, начинает сомневаться в собственном существовании [16]. Применительно к образовательным пространствам речь идет о том, что сегодня наряду с тактикой укрытия от надзора в «мертвых зонах» получает распространение стратегия, выражающаяся в стремлении, напротив, увеличивать свое присутствие перед объективами видеокамер, как бы заигрывая с невидимым наблюдателем, даже провоцируя его путем разыгрывания перед камерами своего собственного спектакля, как если бы должностное лицо, сидящее перед монитором, являлось зрителем. Сегодня известны случаи, когда школьники снимают на видеокамеру телефона свое «вызывающее поведение» и выкладывают такого рода видео в Интернет¹.

---

¹ Э. Хоуп приводит пример, когда ученик 10 класса снял на видеокамеру телефона, как он вместе с друзьями распивает алкогольный коктейль в туалете торгового центра, и распространил данное видео в YouTube [8]. Таких видеоподтверждений собственного девиантного поведения, распространяемых в сети Интернет школьниками, можно встретить достаточно много.

Итак, какой вывод напрашивается из сказанного? Уровень технологического развития современной культуры позволяет, с одной стороны, говорить о применимости и пригодности концепции дисциплинарной власти Фуко в качестве инструмента для описания современного способа отправления власти в образовательном пространстве. Прежде всего, очевидным является тот факт, что широко распространенные техники видеонаблюдения формируют то самое паноптическое пространство власти, которое описывает Мишель Фуко: разветвленная сеть анонимного надзора, повсюду устанавливающая некое единое скрытое от глаз надзираемых «око власти». В то же время, как мы показали, на сегодняшний день можно говорить о существовании некоего резерва возможностей, позволяющего избегать тотального контроля. В целом, оценивая эту амбивалентную ситуацию, можно выделить несколько вещей, которые вызывают опасения. Во-первых, это нивелирование ценностей доверия и конфиденциальности в связи с потенциальным расширением технологий видеонаблюдения. Во-вторых, под давлением чрезмерных требований дисциплинарного дискурса у школьника может формироваться маска послушания, которую он будет «надевать» всё чаще, симулируя подчинение и ожидая возможности для проявления спонтанности, инициативности и творческого выражения. Наконец, в-третьих, распространение игровой стратегии сопротивления видеонаблюдению чревато максимизацией симулятивного, игрового поведения в самой реальности. Привычным и естественным может стать поведение, для которого единственно значимой целью оказывается эффективность и убедительность игровой роли, а не стремление быть самим собой. Полагаем, что эти опасные тенденции должны быть под пристальным вниманием не только философов, социологов, но и общественности в целом.

Библиографический список

1. Камеры видеонаблюдения: вторжение в личную жизнь или необходимая мера безопасности? // Республика. 25.09.2014. URL: <http://respublikarso.org/elections/820-kamery-videonablyudeniya-vtorzhenie-v-lichnyu-zhizn-ili-neobhodimaya-mera-bezopasnosti.html> (дата обращения: 11.11.2017)

2. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
4. «Big Brother» school lunchbox scheme abandoned // The Telegraph. 2010. 2 July. URL: <https://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/7867809/Big-Brother-school-lunchbox-scheme-abandoned.html> (accessed: 23.08.2018)
5. Gallagher, M. Are schools panoptic? // *Surveillance and Society*, 2010, № 7(3–4), pp. 262–272.
6. Hope, A. *Internet Risk @ School: Cultures of Control in State Education*. Saarbrücken: Lambert Press, 2011. 236 p.
7. Hope, A. Panopticism, play and the resistance of surveillance: case studies of the observation of student Internet use in UK schools // *British Journal of Sociology of Education*, Vol. 26, No. 3, July 2005, pp. 359–373.
8. Hope, A. Student resistance to the surveillance curriculum // *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 20, No. 4, pp. 319–334.
9. Koskela, H. «Cam era»: The Contemporary Urban Panopticon // *Surveillance and Society*, 2003, № 1 (3), pp. 292–313.
10. Lyon, D. *Surveillance Society: Monitoring Everyday Life*. Buckingham, Open University Press, 2001. 189 p.
11. Monahan, T., Torres, R. *Schools Under Surveillance: Cultures of Control in Public Education*. Rutgers University Press, 2010. 264 p.
12. Nemorin, S. Post-panoptic pedagogies: the changing nature of school surveillance in the digital age // *Surveillance and Society*, 2017, 15 (2), pp. 239–253.
13. Parents feed pupils through gate // BBC News, 2006, 15 September. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/south_yorkshire/5349392.stm (accessed: 23.08.2018).
14. yorkshire/5349392.stm (accessed: 23.08.2018).
15. Robbins, K., Webster F. *Times of the Technoculture: From the Information Society to the Virtual Life*. London: Routledge, 1999. 328 p.
16. Taylor, E. *Surveillance Schools: Security, Discipline and Control in Contemporary Education*. London: Palgrave Pivot, 2013. 139 p.
17. Žižek S. Big Brother, or, the Triumph of the Gaze Over the Eye // CTRL [Space]: Rhetorics of Surveillance from Bentham to Big Brother. Edited by Thomas Y. Levin, Ursula Frohne and Peter Weibel. Karlsruhe: Center for Art and Media, Cambridge: Mass. MIT Press, 2002, pp. 224–227

References

1. Kamery videonablyudeniya: vtorzhenie v lichnyuyu zhizn' ili neobhodimaya mera bezopasnosti? [CCTV cameras: invasion of privacy or a necessary security measure?]. *Respublika*, 25.09.2014 (In Russ.). Available

at: <http://respublikarso.org/elections/820-kamery-videonablyudeniya-vmorzhnenie-v-lichnyuy-zhizn-ili-neobhodimaya-mera-bezopasnosti.html> (accessed 11.11.2017)

2. Fuko M. *Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Moscow, Praxis Publ., 2002. 384 p. (In Russ.)

3. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and punish: the birth of the prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)

4. «Big Brother» school lunchbox scheme abandoned. The Telegraph. 2010. 2 July. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/7867809/Big-Brother-school-lunchbox-scheme-abandoned.html> (accessed: 23.08.2018)

5. Gallagher M. Are Schools Panoptic? *Surveillance and Society*, 2010, no. 7(3-4), pp. 262–272.

6. Hope A. *Internet Risk @ School: Cultures of Control in State Education*. Saarbrücken, Lambert Press, 2011, 236 p.

7. Hope A. Panopticism, Play and the Resistance of Surveillance: Case Studies of the Observation of Student Internet Use in UK Schools. *British Journal of Sociology of Education*, 2005, vol. 26, no. 3 (July), pp. 359–373.

8. Hope A. Student Resistance to the Surveillance Curriculum. *International Studies in Sociology of Education*, 2010, vol. 20, no. 4, pp. 319–334.

9. Koskela H. «Cam era»: The Contemporary Urban Panopticon. *Surveillance and Society*, 2003, no. 1 (3), pp. 292–313

10. Lyon D. *Surveillance Society: Monitoring Everyday Life*. Buckingham, Open University Press, 2001, 189 p.

11. Monahan T., Torres R. *Schools Under Surveillance: Cultures of Control in Public Education*. Rutgers University Press, 2010, 264 p.

12. Nemorin S. Post-panoptic Pedagogies: the Changing Nature of School Surveillance in the Digital Age. *Surveillance and Society*, 2017, no. 15 (2), pp. 239–253.

13. Parents Feed Pupils Through Gate. BBC News, 2006, 15 September. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/

14. south.yorkshire/5349392.stm (accessed: 23.08.2018)

15. Robbins K., Webster F. *Times of the Technoculture: From the Information Society to the Virtual Life*. London, Routledge, 1999, 328 p.

16. Taylor E. *Surveillance Schools: Security, Discipline and Control in Contemporary Education*. London, Palgrave Pivot, 2013, 139 p.

17. Žižek S. Big Brother, or, the Triumph of the Gaze Over the Eye. CTRL [Space]: Rhetorics of Surveillance from Bentham to Big Brother. Edited by Thomas Y. Levin, Ursula Frohne and Peter Weibel. Karlsruhe, Center for Art and Media, Cambridge, MIT Press, 2002, pp. 224–227.

О. Б. Воробьева

Российская студенческая молодежь современности и эзотерическая традиция: моменты взаимодействия

Всплеск интереса населения России к эзотерическому знанию был отмечен в 90-е годы XX века. Эзотерическая традиция предоставила духовные практики, заполнившие духовный вакуум преимущественно молодежи и интеллигенции, образовавшийся в силу огромного атеистического периода России и ушедшей коммунистической идеологии.

Исследование показало, что у молодого поколения 18–22 лет нет заинтересованности в более строгих учениях, оперирующих сложной терминологией, требующих длительной подготовки и поэтапного погружения в учение. Но, с другой стороны, это указывает на вовлеченность молодежи в социальные процессы, учебу, семью и демонстрирует наполненность духовного «Я».

Ключевые слова: молодежь, эзотерическая традиция, оккультизм, магия, астрология, хиромантия, саморазвитие, эзотерическая философия, теософия, антропософия.

O. B. Vorobyeva. Modern Russian student youth and the esoteric tradition: moments of interaction.

A surge in the interest of the Russian population in esoteric knowledge was noted in the 90s of the XX century. The esoteric culture provided spiritual practices that filled the spiritual vacuum of mainly young people and intellectuals, which was formed due to the huge atheistic period of Russia and the past communist ideology.

The study showed that the younger generation of 18–22 years old is not interested in more rigorous exercises, operating with complex terminology, requiring lengthy preparation and phased immersion in the teaching. But, on the other hand, this indicates the involvement of young people in social processes, studies, and family, and demonstrates the full-ness of the spiritual «I».

Keywords: youth, esoteric tradition, occultism, magic, astrology, palmistry, self-development, esoteric philosophy, theosophy, anthroposophy.

Эзотерическая культура является древнейшей системой знаний (греч. «esoterós» – внутреннее, личностное, закрытое), с одной стороны, и с другой – со стороны науки – культурологиче-

ской константой, всегда вызывавшей интерес к рассматриваемому феномену со стороны ученых. Смысловые значения эзотерической традиции были проанализированы Ю. Л. Израелевым, Ю. В. Курносковым, Н. И. Мартишиной, С. Б. Крымским и многими другими. «Эзотерическая культура есть антропологическая теория и практика, которая дополняет и одухотворяет обычные понятия физической эволюции» [13]. «Она принципиально динамична, – пишет В. Е. Кемеров, – и в своей метафизической запредельности, и в деятельности самих людей... В этом – ее соблазны, в этом – ее опасности» [6, с. 60].

Систематизация эзотерической культуры – предмет исследования Ж. Тондрио, В. А. Хршановского, В. Кроу и других. Так, группа исследователей – Н. И. Неманов, М. А. Рожнова – выделяют два направления в составе эзотерической культуры: учения, стремящиеся к «богоощущению», «озарению», и учения, формирующие оккультные тенденции [10].

Эзотерическая традиция в первом случае – древнейшая система технологий развития совершенной в духовном и физическом плане личности. Посвященные в нее «определялись соответствующими качествами ума и нравственности, духовной зрелостью, которые ... вместили бы в себя знания и могли быть ему открытыми в сложном процессе саморазвития и самореализации» [1, с. 3]. Учения оккультного направления включают в себя практики низкого духовного уровня, направленные, как правило, на реализацию эгоистических потребностей человека. Иногда оккультизм как термин используется исследователями как синоним эзотерики в целом, что является неверным.

Многие систематизаторы оккультных учений выделяют в особый отдел их бытовые формы. Так, М. И. Шахнович собрал в отдельный союз, названный «бытовой магией», гадания, знахарство и другие направления, то есть то, что практически вплелось в обыденную нормативную плоскость традиционной культуры [16, с. 4].

Русский оккультный центр среди большого числа оккультных направлений выделил отдел народного оккультизма, куда вошли сонники, оракулы, гадания, травники, все виды магии (любовная, охранительная) [6]. «Магия изучала ... химические элементы и их состав, животных, различные виды растений и плоды, камни и злаки. Она исследовала квинтэссенцию и мощь

всего. Поэтому она и производит свои действия» [2, т. 1, с. 409]. «Траволечение, гадания, использование минералов и амулетов – этими учениями магия поделилась с “непосвященными” людьми» [1, с. 57].

Таким образом, эзотерическая культура была и будет тесно вплетаться в обыденную жизнь социума любой эпохи и постепенно терять статус «esoteros». Население самостоятельно, бессистемно осваивает результаты многовековых плодов тайных знаний. Этому способствуют: популяризаторство эзотерических знаний в СМИ, тиражирование литературных источников всех направлений деятельности эзотерики и штаты практикующих людей.

В истории философии прослеживаются три направления, сформировавшие представления о мире. Первое предполагает в основе миропорядка человеческий разум и носит название «материализм». Второе – критицизм, который утверждает лежащее выше разума человека безличное начало, некий мировой закон. Третье направление – метафизическое – видит в основе мира божественное начало. «Возникшую проблему синтеза этих точек зрения взяла на себя эзотерическая философия. Эзотерическая философия связала их в универсальную систему, указала каждой из этих тенденций место, где отдельное мировоззрение имеет право на существование» [1, с. 58].

Центральное место в эзотерической философии занимает учение теософии (термин александрийских философов III в. н. э.), получившее популярность в современной культуре благодаря Е. П. Блаватской и ее последователям (А. Безант, А. Бейли). Целью теософии стало раскрытие тождественности сакрального смысла всех религиозных символов, на основе чего выстроилась теория объединения всех вероисповеданий.

Антропософия Р. Штейнера рассматривает человека как сверхчувственное существо, имеющее возможности духовного совершенства.

Живая Этика (Агни-Йога) Рерихов обнаружила сакральные связи культуры и художественного творчества, теософии, буддизма, христианства. «Живая Этика – нравственно-духовное учение, синтезирующее древнюю мудрость Азии с научно-философскими достижениями западной мысли. Точные научные формулировки

переплетаются здесь с преданиями Востока, этические принципы поведения – со средствами глубокого самопознания... Таким образом побуждение внутренних сил человека переплетается с нравственным самосовершенствованием» [1, с. 143].

Интерес общества к эзотерической традиции в России возник в перестроечные 90-е годы XX века, когда происходили процессы дестабилизации социума: подмена одной идеологии другой, смена ценностных основ, поступление ранее закрытой информации и деятельности. В образовавшийся духовный вакуум и вместила себя традиция сакрального знания. Большая часть населения так или иначе вплела эзотерическую традицию в личностную форму культуры. Социум вступил на путь постижения эзотерического знания, причем достаточно избирательно прибегая к его ценностям. При этом люди, занимающиеся интеллектуальной деятельностью, востребовали ее психофизиологические тенденции. Целью овладения этими и многими другими практиками является приобретение спокойных мыслительных процессов, психофизическое оздоровление, достижение долголетия. Другая часть населения направила свой интерес к оккультным тенденциям эзотерической традиции, востребованным с целью реализации собственных эгоистических потребностей.

Сегодня по прошествии практически тридцати лет доступности населению эзотерической культуры можно говорить о некой «итоговой» точке использования ценностей эзотерики. Цель исследования – выявить у обучающейся молодежи вузов потребность в эзотерическом знании.

Нами проведено анкетирование в студенческих кругах (480 участников, возраст испытуемых 18–22 года). Результаты изложены в таблице в порядке уменьшения популярности эзотерического направления.

<i>Направления эзотерической традиции</i>	<i>Количество обратившихся</i>	<i>Доля в %</i>	<i>Количество женщин</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Астрология (личный гороскоп, будущие события и судьба по положению небесных тел)	476	99	62

1	2	3	4
Мантическое искусство (гадание, сонники)	278	58	231
Оборонительная магия (ношение амулета, талисмана, оберега) – кроме религиозных символических элементов (крестик, иконка)	68	14	41
Любовная магия (заговоры, обряды на любовь)	17	3,5	16
Хиромантия (о себе и личном будущем по ладони)	23	4,8	18
Агни-Йога (учение Рерихов, А. Безант)	0	0	0
Теософия, учение Е. П. Блаватской	0	0	0
Антропософия Р. Штейнера	0	0	0
Никогда не интересовался ни одним из данных направлений	4	0,83	0

Из таблицы видно, что наибольшей популярностью у студенческой молодежи пользуются астрология и мантическое искусство, то есть направления эзотерической культуры, которые предназначены для прогноза будущей личной жизни и составления «картины» тех задатков, сильных сторон характера, на которые надо опираться в будущей деятельности и процессах социализации в коллективах разных уровней. Из 480 опрошиваемых студентов 476, то есть почти каждый, обращались к тем или иным астрологическим знаниям. Надо сказать, именно такая популярность астрологии используется СМИ для охвата все большей аудитории.

Многого происходящего в жизни человека объяснить нельзя, поэтому институт предсказаний – это важнейшая часть информационной системы любого общества. Идея о связи человека с небесными явлениями в состоянии доказать, что человек не случайно оказался в этом мире вообще и в данной ситуации в частности. Гороскоп придает ему самоуважение, а также раскрывает его тесную связь со Вселенной, превращает его в непосредственного участника космической жизни. «Астрология имеет даже преимущество перед религией, так как позволяет обой-

тись без сложных вопросов: о существовании личного бога, о загадке творения, происхождения зла и так далее. Следуя указаниям гороскопа, человек оказывается в состоянии ощутить себя в гармонии с Космосом...» [1, с. 131].

Продолжая тему о причинах выбора людьми в пользу оккультных направлений, предоставляющих возможность словом или действием изменять, руководить судьбой, ставить прогнозы на развитие, а не исповедуемой религии, надо отметить, что «здесь начинает работать закон ближней мотивации, согласно которому человек выбирает такие средства и способы решения проблемы, которые позволяют сделать это быстрее» [5, с. 56].

Большая часть обратившихся к эзотерическим знаниям – девушки, что объясняется их высокой эмоциональностью, стремлением к появлению семьи и благополучию в ней.

Ни один из молодых участников опроса не обращался и – более того – даже не слышал о философских системах эзотерической традиции – Агни-Йоге, антропософии, теософии.

Таким образом, результаты исследования позволяют сказать: эзотерическая культура для молодежи переросла в нормативно-ценностный комплекс повседневности и выполняет прогностическую функцию и функцию аккумулятора знаний о личностных способностях и будущих возможностях в доступных для понимания формах. У молодого обучающегося в вузе в возрасте 18–22 лет нет заинтересованности в более строгих учениях, оперирующих сложной терминологией, требующих длительной подготовки и поэтапного погружения в учение. Но, с другой стороны, это указывает на вовлеченность молодежи в социальные процессы, учебу, семью и демонстрирует заполненность духовного «Я». Здесь правомерно утверждать присутствие в последнем религиозной составляющей: укрепившая за последние двадцать с лишним лет позиции традиционная религия твердо заняла свое место в душах молодого поколения. Самосовершенствование, поиск себя как личности происходит совместно с традициями исповедуемой религии и ценностями образовательного процесса.

Библиографический список

1. Белякова О. Б. Феномен эзотерической культуры: антропологические, аксиологические, культурологические обоснования: дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2003. 187 с.

2. Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии: в 2 т. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. Т. 1. 832 с.
3. Брагин Г. М. Об обыденной форме оккультизма. Отношение человека к иррациональному. Свердловск: Изд-во УГУ, 2000. 142 с.
4. Визгин В. П. Наука, религия и эзотерическая традиция // Философия науки в историческом контексте. СПб., 2003. С. 13–46.
5. Воробьева О. Б. К вопросу о пересечении эзотерической культуры и традиционной религиозности в современном обществе // Уральский научный вестник. 2018. № 1. Т. 4. С. 55–57.
6. Иванова Е. С. Истоки тайноведения. Симферополь: Таврия, 1994. 446 с.
7. Кемеров В. Е. Метафизика-динамика // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 60.
8. Леки М. Из глубины. М.: ОКСМО, 2005. 102 с.
9. Молодцова Л. Н. Традиционное знание и современная наука о человеке. М.: Янус, 1996. 268с.
10. Неманов И. Н., Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Когда духи показывают когти. М.: Политиздат, 1969. 270 с.
11. Режабек Е. Я. В поисках рациональности (статьи разных лет). М.: Академический проект, 2007. 384 с.
12. Сафронов А. Г. Эволюция представлений о духовности в эзотерических системах мира. Харьков: ХНУ, 1999. С. 56–62.
13. Синнет А. П. Оккультный мир. URL: <https://e-libra.ru/read/129695-okkul-tnyu-mir.html> (дата обращения: 7.12.2018).
14. Скворцов Л. В. Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание. М.: Прогресс, 2000. 122 с.
15. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.
16. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. СПб.: Наука, 1997. 240 с.

References

1. Belyakova O.B. *Fenomen ehzotericheskoy kul'tury: antropologicheskie, aksiologicheskie, kul'turologicheskie obosnovaniya. Diss. cand. philos. nauk* [The phenomenon of esoteric culture: anthropological, axiological, cultural studies. Cand. philos. sci. diss.]. Tambov, 2003, 187p. (In Russ.)
2. Blavatskaya E.P. *Razoblachennaya Izida. Klyuch k tajnam drevnej i sovremennoj nauki i teosofii: v 2 t.* [Exposed Isis. The key to the secrets of ancient and modern science and theosophy. In 2 vol. Of vol. 1]. Moscow, ENKSMO-Press Publ., 2001, 832 p. (In Russ.)
3. Bragin G. M. *Ob obydennoj forme okkul'tizma. Otnoshenie cheloveka k irracional'nomu* [On the ordinary form of the occult. Human attitude to the irrational]. Sverdlovsk, UGU Publ., 2000, 142p. (In Russ.)

4. Vizgin V. P. Nauka, religiya i ehzotericheskaya tradiciya [Science, religion and the esoteric tradition First article]. *Filosofiya nauki v istoricheskom kontekste* [Philosophy of science in a historical context]. St. Petersburg Publ., 2003, pp. 13–46. (In Russ.)
5. Vorob'eva O. B. *K voprosu o peresechenii ehzotericheskoy kul'tury i tradicionnoj religioznosti v sovremennom obshchestve* [On the question of the intersection of esoteric culture and traditional religiosity in modern society. First article]. *Ural'skij nauchnyj vestnik* [Ural Scientific Herald], 2018, no. 2, vol. 4, pp. 55–57. (In Russ.)
6. Ivanova E. S. *Istoki tajnovedeniya* [The origins of mystery]. Simferopol', Tavriya Publ., 1994. 446 p. (In Russ.)
7. Kemerov V. E. *Metafizika-dinamika* [Metaphysics-Dynamics. First article]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1998, no. 8, p. 60. (In Russ.)
8. Leki M. *Iz glubiny* [From the depth]. Moscow, OKSMO Publ., 2005. 102 p. (In Russ.)
9. Molodcova L. N. *Tradicionnoe znanie i sovremennaya nauka o cheloveke* [Traditional knowledge and modern science of man.]. Moscow, Yanus Publ., 1996, 268 p. (In Russ.)
10. Nemanov I. N., Rozhnova M. A., Rozhnov V. E. *Kogda duhi pokazyvayut kogti* [When the spirits show claws]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, 270 p. (In Russ.)
11. Rezhabek E. YA. *V poiskah racional'nosti (stat'i raznyh let)* [In search of rationality (articles from different years)]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2007, 384 p. (In Russ.)
12. Safronov A. G. *Ehvoljuciya predstavlenij o duhovnosti v ehzotericheskikh sistemah mira* [The evolution of ideas about spirituality in the esoteric systems of the world. The evolution of ideas about spirituality in the esoteric systems of the world First article]. Har'kov, HNU Publ., 1999, pp. 56–62. (In Russ.)
13. Sinnet A. P. *Okkul'tnyj mir* [Occult world]. Available at: <https://e-libra.ru/read/129695-okkul-tnyy-mir.html> (accessed 7.12.2018)
14. Skvorcov L. V. *Gipoteticheskij ehzoterizm i gumanitarnoesamosoznanie* [Hypothetical esotericism and humanitarian self-consciousness]. Moscow, Progress Publ., 2000, 122 p. (In Russ.)
15. Sorokin P. A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shij sistemah iskusstva, istiny, ehtiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij* [Social and cultural dynamics: a study of changes in the large systems of art, truth, ethics, law and social relations]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2000, 1056 p. (In Russ.)
16. Shahnovich M. I. *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya* [Primitive Mythology and Philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, 240 p. (In Russ.)

E. U. Pozdniakova

The models of time in contemporary humanities

The models of time described in contemporary humanities are under discussion in the article. One of important problems, discussed in these works is the problem of correlation between «natural» and «social» time. «Natural» time is represented as cyclical, based on personal perception of natural cycles, and personal time («lived time») is described as linear. These models are added by perceptual and conceptual models which are varieties of subjective time. Conceptual time is an abstract time; it is extremely generalized. Perceptual time is perceived by human senses; it plays an important role in the process of reality reflection.

Keywords: *time perception, cyclic and linear time, natural and social time, perceptual and conceptual time, subjective and objective time, temporary terms.*

Е. Ю. Позднякова. Модели времени в современных гуманитарных исследованиях

В статье рассматриваются модели времени, описываемые в современных гуманитарных исследованиях. Одной из важных проблем, поднимаемых в данных работах, является проблема соотношения природного и социального времени. «Природное» время представляется как цикличное, основанное на восприятии природных циклов человеком, а время, переживаемое личностью, описывается как линейное. Эти модели дополняются концептуальной и перцептуальной моделями, представляющими собой разновидности субъективного времени. Концептуальное время – время абстрактное, понятийное, предельно обобщенное; в то время как перцептуальное время – это чувственно воспринимаемое время, которое играет большую роль в процессе отражения человеком объективной действительности.

Ключевые слова: *восприятие времени, цикличное и линейное время, природное и социальное время, перцептуальное и концептуальное время, субъективное и объективное время, темпоральные термины.*

In the end of the XX – the beginning of the XXI century the studies of space and time and their reflection in language were updated. This problem is not new, but in contemporary studies the relationships

between the man and the world are described from a different point of view. The innovative anthropocentrist approach in the humanities is focused on a lot of new questions such as:

how people understand the world;

how they represent the reality;

how the person perceives the surrounding world.

The scientists' interests have shifted from the study of macro-level structures (language, society, and nation) to the micro-level (man). It leads to «anthropologization» not only in linguistics, but also in history and culture. However, the appeal to the man, to his personal experience in the humanities comes back to the first half of the XX century. Thus, the formation of the history of daily life, one of the most popular fields of historical research now, refers to the French school «Annals» founded by Lucien Febvre and Marc Bloch [2]. The turn to understanding of history as «science about people in time» refers to 1929, when the publication of journal «The annals of economic and social history» («Annales d'histoire économique et sociale») began.

Among the first British historians, who turned their attention to the man, to the story of his daily life, was E. P. Thompson, who wrote «The making of the English working class» in 1963. In the article «Time, work-discipline and industrial capitalism» [8] E. P. Thompson turns to the problem of transformation of «lived» time into abstract clock-time. Clock time is considered as a part of the process by which doing becomes indifferent to itself: part of the transformation of doing into labour. E. P. Thompson writes: «It is commonplace that the years between 1300 and 1650 saw within the intellectual culture of Western Europe important changes in the apprehension of time» [8, p. 56]. In the past the measurement of time was commonly related to familiar processes in the cycle of work or domestic chores, it depended on the natural rhythms of life. Now the abstraction of time is inseparable from the abstraction of labour. Time is beginning to become money, the employer's money, writes the historian.

The problem of time perception is also under discussion in linguistic research. There is a specific correlation between «natural» and «social» time. «Natural» time is represented as cyclical, based on personal perception of natural cycles, and personal time is described as linear, «divided by "the point of presence" into the past, the future

and the present, that connects them into a single stream» [1, p. 688]. «If the sense of time is based on the perception of natural cycles, the mental structures are associated with linear time», points out N. D. Arutiunova [1, p. 688]. «In these two models the category of time is presented as a conceptual and linguistic (or linguaculturological) category, which expresses the abstraction of time, existing in man's consciousness and in culture» [6, p. 19]. These models, traditionally studied by historians (E. P. Thompson), culturologists (N. A. Berdiaev, A. I. Gurevich, etc.) and linguists (N. A. Arutiunova, N. S. Sergieva, E. V. Paducheva, V. I. Postovalova, E. S. Yakovleva, etc.), are added by subjective and objective models of time.

In the early XXth century Edward Sapir and Benjamin L. Whorf noted that the perception of the category of time is relative. It mostly depends on the language and language habits of a social group. E. Sapir states that human beings do not live in objective world alone, nor alone in the world of social activity, but are very much at the mercy of the particular language which has become the medium of expression for their society [5, p. 131]. The «real» world mostly depends on the speech community, its language habits and linguistic systems in our minds. B. Whorf wrote: «Concepts of "time" and "matter" are not given in substantially the same form by experience to all men but depend upon the nature of the language or languages through the use of which they have been developed» [10]. The author divides the subjective sense of time as «something becoming later and later» and the objectified or imaginary representation, in which «concepts of time lose contact with the subjective experience of "becoming later" and are objectified as counted quantities, especially as lengths, made up of units as a length can be visibly marked off into inches. A "length of time" is envisioned as a row of similar units, like a row of bottles» [10]. In his opinion, in Standard Average European (SAE) languages the present and the future are thought as «places», and time is a path linking them. Other languages, for example, Native American languages, are oriented mostly towards process. Contemporary linguists also indicate the relativity of perception of time and space linking this feature with anthropocentricity, «when the reference point is not immanent space and time, but a person's location in space; time flows, but in different models of the world this process is perceived and interpreted differently» [9, p. 75].

The differentiation between subjective and objective time goes back to the scientific interpretation of this concept, according to which space and time are the forms of existence of moving substance, while «... in advance the only real time was recognized the “absolute” time of Newtonian mechanics, reflecting the features of mechanical motion, and the phenomenon of time – such as it is given to a man – was related to this absolute time of Newtonian mechanics as his subjective experience» [4, p. 322–323]. However, in contemporary conceptions there are absolutely different structures of time, time depends not only on the phenomenon of objective reality (the movement of planets around the Sun), but also on subjective experience (events of human life). S. L. Rubinstein points out that «subjectively experienced time is not only apparent, imaginary time of moving substance, which is inappropriately reflected by a human in his experience, but it is the relative time of life (behavior) of this system – a human, that quite objectively reflects the life plan of a person» [4, p. 323].

Subjective time includes the perceptual and conceptual models of time, which represent the variety of subjective time. Conceptual time is an abstract time; it is extremely generalized. Perceptual time is perceived by human senses; it plays an important role in the process of reality reflection. E. P. Thompson believes that «no culture re-appears in the same form» and the return to the traditional perception of time is impossible. The historian states, «if men are to meet both the demands of a highly-synchronized automated industry, and of greatly enlarged areas of “free time”, they must somehow combine in a new synthesis elements of the old and of the new, finding an imagery based neither upon the seasons nor upon the market but upon human occasions» [8, p. 96]. Is it possible to have this kind of synthesis? Scientists don't have a definite answer to this question, neither has E. P. Thompson.

Nevertheless, we should note that according to linguistic studies described models of time coexist and complement each other in the Russian language (and in the Russian culture as a whole). E. S. Yakovleva writes that «the perception of life as localized outward is replaced, or rather added with the perception of life in the categories of inner reflection which necessarily involves personal orientation» [11, p. 66]. E. S. Yakovleva also points out that there are two variants of perception of life – external and internal – and they both are

connected with time and time-terms: «Hour (as well as moment, minute, second) is projecting the events in the inner world: mental, spiritual, which is presented in the system of temporary specifiers, they are intended to describe the mental plan of life. Day (as well as days, times, epoch, years) describes the external world: social, age, natural, cultural and historical aspects; the members of this list are the representatives of a “real” life plan» [11, p. 65]. We may add that the perception of life is closely connected with the perception of time, «time is inseparable from a man, but a man is inseparable from time» [1, p. 688], so the category of time can also be considered as external and internal time.

N. S. Sergieva notes that «the distinction between conceptual and perceptual models does not mean their contradiction. Both models belong to the person as a subject of cognition, perception and action» [6, p. 19] that allows the researcher consider these models of space and time as mediated by culture and experienced by a person.

According to N. D. Arutiunova, «it is the person who is at the point of presence, which conditionally divides the time line into components, <...> the linguistic models of time can be divided into those in which the main figure is a person, and those that are focused on time itself. In the first case the time line represents the flow of life or the line of destiny; in the second – the movement of natural substances – water or air» [1, p. 689]. Models of time, correlated with the line of human destiny are referred to by linguist as the models of «Human Way», the second – the models of «Time Flow». The models of «Human Way» are oriented on person’s experience; they represent the perceptual model of subjective time. The temporary markers of this model are found in folk-conversational speech; among the most important temporary terms are the followings:

- **Time (historical):** *rus. peremiena* (‘перемена’) – ‘time (historical)’ [6, V. 3, p. 40].
- **Year:** *rus. godok* (‘годок’), *godochek* (‘годочек’) – ‘a year’ [3, p. 47].
- **Nowadays:** *rus. nonche* (‘нонче’) – ‘now, at present’ [3, p. 48].
- **Lately:** *rus. davecha* (‘давеча’) – ‘some time ago, recently’ [3, p. 47].
- **Live:** *rus. perevekovat’* (‘перевековать’) – ‘to live smb’s life’ [6, V. 3, p. 33]; *rus. chasovat’* (‘часовать’) – ‘to count time left’ [6, V. 4, p. 208].

- **Life time and age:** *rus. bytnost'* ('бытность') – 'a lifetime, presence' [3, p. 47]; *rus. smaliechku* ('смалечку') – 'since childhood, early age' [6, V. 4, p. 96]; *rus. malionochka* ('малёночка') – 'a girl-teenager' [3, p. 8]; *rus. vekovukha* ('вековуха') – 'a spinster' [6, V. 1, p. 127].

The perception of time in folk-conversational speech depends mostly on subjective experience, for example:

- *rus. bedovat'* ('бедовать') – 'to starve; live in poverty' [6, V. 1, p. 50];

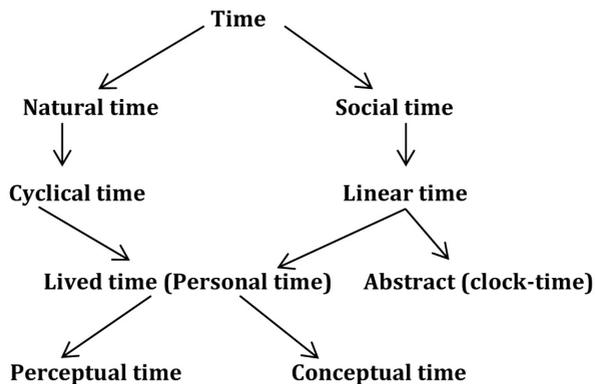
- *rus. zshit' kripko* ('жить крепко') – 'to live rich, wealthy'. [6, V. 2, p. 86];

- *rus. zshit' miagko* ('жить мягко') – 'to be soft, warm, gentle with people' [6, V. 2, p. 86];

- *rus. zshit' tolsto* ('жить толсто') – 'to live rich' [6, V. 2, p. 87].

The given examples show that the perception of time in folk-conversational speech is closely connected with subjective experience. The temporary terms represent the time of persons' life: times, epochs, years describe not only the external world but either the internal world of a person.

Thus, the models of natural (cyclic) and social (linear time) are recognized as the most important in contemporary researches. Social time is mediated by culture and experienced by a person.

Picture 1. The models of time

The models of perceptual and conceptual time are considered as varieties of subjective time, while personal («lived») time is opposed to abstract (clock) time (in the concept of historian Thompson)

(picture 1). The models of natural and social, external and internal, cyclic and linear time are connected in personal time experienced by a human.

References

1. Arutiunova, N. D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and world of a person]. Moscow, 896 p.
2. Kriukov, A. V. (2016). *Istoria povsednevnosti vo vzgliadakh osnovatelei shkoly «Annalov»* [The history of everyday life in the views of the founders of school «Annals»]. In *Humanities scientific studies*, 11, available at: <http://human.snauka.ru/2016/11/17640>.
3. Pozdniakova, E. U. (2009). *Slovar' narodno-razgovornoj rechi covremennogo russkogo goroda* [The dictionary of folk-conversational speech of modern Russian city]. Barnaul, 136 p.
4. Rubinstein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Existence and consciousness. The human and the world]. St. Petersburg, 512 p.
5. Sapir, E. (2003) *The status of linguistics as a science / Iazyki kak obraz mira* [Languages as a world view]. St. Petersburg, 127–138.
6. Sergieva, N. S. (2009). *Khronotop zhiznennogo puti v russkom iazykovom soznanii* [The khronotop of life way in Russian linguistic consciousness]. Moscow, 42 p.
7. *Slovar' russkikh govorov Altaia (1993–1997)*. [The dictionary of Russian dialects of Altai]. Barnaul. V. 1–4.
8. Thompson, E. P. (1967). *Time, work-discipline, and industrial capitalism / Past and Present*, No. 38. (Dec., 1967), 56–97. URL: <http://www.jstor.org/about/terms.html>.
9. Tsyv'ian, T. V. (2005). *Model mira i eie lingvicheskie osnovy* [The model of the world and its' linguistic bases]. Moscow, 280 p.
10. Whorf, B. L. (1941). *The relation of habitual thought and behavior to language*. Reprinted from pp. 75–93, *Language, culture, and personality, essays in memory of Edward Sapir*, edited by Leslie Spier (Menasha, Wis.: Sapir Memorial Publication Fund, 1941), available at: <https://web.stanford.edu/dept/SUL/library/extra4/sloan/mousesite/Secondary/Whorfframe2.html>.
11. Yakovleva, E. S. (1998). *O poniatii «kulturaia pamiat» v primenenii k semantike slova* [About the category of «cultural memory» in application to the semantics of the word]. In *Problems of linguistics*, 3, 43–73.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 82-1/-9

О. В. Богданова

Дедикация как стратегия и код культурного текста

В статье анализируются посвятительные (дедикативные – от англ. dedicate) стратегии культурного текста, предпринимается попытка переосмыслить научно-теоретическое представление о жанре посвящения. Помимо заголовочного комплекса, к которому обыкновенно относят посвящение как элемент художественной рамы, автор статьи рассматривает типы посвящения в «середине» повествования (акrostих) и в его финале, фактически за текстом (датировка как способ посвятительной интенции). Автор исследования предлагает новые основания и критерии, новые терминологические варианты, которые могут быть учтены и использованы при дальнейшем освещении проблем, связанных с научным осмыслением дедикативных стратегий.

Ключевые слова: культура, теория культурного кода, художественный текст, посвящение, дедикативные стратегии, критерии дедикации.

O. V. Bogdanova. Dedication as a strategy and code of cultural text

The article analyzes the cultural dedicatory strategy. The author attempts to rethink the scientific and theoretical understanding of the genre of initiation, considers the types of initiation. The author believes that in contrast to the «header frame» dedication can be part of the whole

work. Dedication may be at the beginning of the work, in the middle of it and the end of it. The researcher considers not only the head dedication, but also the acrostic and the date of the works. The author of the study offers new bases and criteria, the new terminological variants for the analysis of different types of initiations.

Keywords: *culture, the theory of the cultural code, literary text, dedication, dedicative strategy, criteria of dedicate.*

Дедикативные (посвященческие) стратегии (от *англ. dedication, франц. dédicace*) присущи разнообразным воплощениям *культурного текста*, будь то текст литературы, музыки, живописи и проч. Намерение посвятить текст некоему адресату – как в прошлом, так и в настоящем – сопровождает культурные артефакты, обретая различные формы реализации в зависимости от вида искусства, от его специфики. Так, в музыке посвятельная интенция может выражаться в инскрипте на титуле музыкальной партитуры, но может оказаться и узнаваемым мотивным рядом внутри текста произведения. В живописной практике посвящение чаще всего связано с тематическим аспектом полотна, но может быть осуществлено и через колористическую насыщенность визуального пространства картины. Однако наиболее выразительные и многообразные формы посвященческие стратегии обретают в литературном произведении, становясь и жанровым воплощением (под)формы, и характерной особенностью метатекстуального литературного пространства в целом.

Посвящение, или дедикация, в литературе – элемент перитекста, компонент верхнего уровня текстовой реальности, который входит в «рамочное пространство» (так называемую раму) художественного произведения (словесного, живописного, музыкального и др.). Кажется, можно было бы сказать проще, что посвящение – это те вводные, или вступительные, строки к произведению, которые указывают на лицо, которому данное произведение адресовано или поднесено в качестве дара. Именно так посвящение обычно и интерпретируется современными исследователями [3, 5, 8].

«Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Посвящение (автора) – <...> в широком смысле заявление

автора, что он делает из своего произведения (литературного, научного, художественного) почетное подношение тому или иному лицу или его памяти, группе лиц <...>, учреждению или даже отвлеченному понятию <...>» [10].

«Новый толковый словарь русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой: «Посвящение – <...> Надпись в начале произведения, указывающая, в честь кого оно написано или кому посвящается автором» [6, с. 120].

«Поэтический словарь» А. П. Квятковского: «Посвящение – поэтический жанр, лирическое стихотворение, предваряющее большое произведение...» [3, с. 129].

Наблюдения специалистов верны, однако приведенные дефиниции не вполне точны и не вполне релевантны. Они требуют существенных дополнений.

Действительно, посвящение входит в так называемый заголовочный комплекс, включающий в себя имя (или псевдоним) автора, заглавие произведения, подзаголовок (им может быть, например, жанровая дефиниция), посвящение или эпитафия к (всему) тексту. И кажется, что именно так осуществляется дедикация – причем в различных областях искусства (например, в музыкальном или литературном произведении).

Между тем, если присмотреться к функциям, формам и особенностям воплощения дедикативного дискурса, то станет очевидным, что посвящение далеко не всегда оказывается частью заголовочного комплекса и далеко не всегда выражается некими визуализированными словами или строками, предшествующими основному тексту и содержащему обращение к адресату. Это особенно верно относительно живописного или скульптурного произведения, где поле проявления посвятительного намерения оказывается значительно шире и многообразнее. Между тем и в области музыкального и словесного творчества (художественного или научного) стратегия дедикации может оказаться весьма разнообразной. Для более репрезентативной иллюстрации остановимся на дедикациях в литературном произведении.

Прежде всего, говоря о различных формах функционирования дедикаций, можно указать на то, что посвящения могут быть *титульными*, *внетитульными* и *без(с)титульными*, т. е.

быть графически оформленными и зафиксированными в заголовочном комплексе произведения, на внешнем уровне текстового пространства или вовсе отсутствовать среди элементов рамочного обрамления. Об этом речь пойдет ниже.

Другой критерий, важный для установления институтивности форм дедикативных намерений, – это *тип адресанта*.

Как правило, посвящение инициируется непосредственно автором создаваемого произведения, вводится в текст самим писателем-создателем. Однако встречаются и посвящения, сделанные издателями, публикаторами или переводчиками. И таким образом «посвятительные послания» уже на самом предварительном уровне могут быть квалифицированы как авторские (райтерские – от *англ. writer*) и неавторские. Последние имеют опосредованное отношение к художественному творчеству, к авторской интенции писателя, ибо никак не зависят от субъективного художнического замысла и мало соотносимы с творческим процессом. Основной и особый интерес представляют собой посвящения авторские, писательские, творческие, выражающие и воплощающие целевые намерения адресанта.

Тип адресата – еще один критерий, который позволяет говорить о разнообразии дедикативных форм и их автономной самостоятельности.

Самая распространенная и одновременно самая традиционная форма воплощения адресной дедикации – посвящение как фиксированный *текстовый инскрипт*, т. е. вынесение имени или целой строки (строк), обращенной (обращенных) к адресату поэтического послания¹. Титульные инскрипты прочно закрепились в художественной литературе, выработали специфические стилевые доминанты и именно о них (как правило) идет речь, когда говорят о посвящениях как части заголовочной рамы произведения.

---

¹ Следует отличать текстовый инскрипт (условно – публичный) от дарственной надписи, сделанной индивидуально, например на титуле книги или на одном экземпляре типографской афиши (всп. В. Маяковский – посвящение Л. Ю. Брик на афише поэмы «Люблю»). Авторская дарственная надпись на книге (афише, портрете) – сфера научного интереса филографов.

Среди титульных инскриптивных дедикаций первыми возникли *посвящения патронатные*¹.

Хорошо известно, что на раннем этапе формы посвящения зарождались как выражение благодарности некоему знатному покровителю, как форма восхваления патрона-мецената (Гораций – «Меценату») и в своей основе имели характер панегирический, сервильный (от лат. *servilis* – раболепный), комплиментарный. (Рядом с патронатными посвящениями оказывались и посвящения эпитафического характера.) Подобные формы дедикации носили характер вынужденности, так как создавались за особую плату и выносились на титул по соображениям необходимости – «оправдать» финансовые дотации мецената-покровителя. Как следствие, патронатные дедикативные формы не отражали творческих импульсов автора-создателя, потому, как и в случае с неавторскими посвящениями, их роль в рамках собственно литературных стратегий ограничена².

Между тем среди титульных патронатных посвящений были и такие, в которых панегирическая направленность покровителям и меценатам имела глубинные основания и была связана с целевым полаганием автора. В русской литературе это особенно ярко прослеживается на примерах одического творчества поэтов-классицистов (М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, Г. Р. Державин и др.).

Отечественные писатели восемнадцатого столетия оказывались в меньшей степени зависимы от социальных и финансовых стимулов, ибо в России того периода литературой занимались преимущественно представители высших слоев общества, люди состоятельные и обеспеченные, их посвячительная адресация в большей мере репрезентировала не выражение зависи-

---

¹ Специальное исследование по «патронатным» посвящениям – Г. Б. Уитли «The dedication of books to patron and friend» (1887).

² Однако среди подобного рода дедикаций особое место занимает случай с Лоренсом Стерном, который открывал роман «Жизнь и мнения Тристрама Шэнди, джентльмена» вызовом-бравадой: «Посвящение продается» – как бы говоря, что автор готов продать романное посвящение любому. Ср. А. С. Пушкин: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...»

мости от патрона, а скорее следование канону литературы того времени.

Например, М. В. Ломоносов:

«Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый торжественный праздник Ея Величества восшествия на Всероссийский престол ноября 25 дня 1761 года, в оказание истинной радости и ревностного усердия всенижайше поднесенная от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова»

«Ода... Елисавете Петровне... на торжественный праздник тезоименитства... 1759 года»

«Ода на прибытие... Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года»

«Ода, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе Августа 27 дня 1750 года»

«Ода на рождение его императорского Высочества государя Великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года»

«Ода на день брачного сочетания их императорских Высочеств... 1745 года»

«Ода на день тезоименитства его императорского Высочества государя Великого князя Петра Феодоровича 1743 года» и др.

Более того в русской литературе XVIII века адресные патронатные дедикации (прежде всего монархам-властителям) совмещались с выражением искренней приверженности тем идеям, которые несли государи и которые разделяли прославлявшие их писатели-просветители. Противоречия если и возникали, то не носили конститутивного фундаментального характера. Так Г. Р. Державин в оде «Памятник» подчеркивал собственные поэтические заслуги, среди которых, с одной стороны,

Что первый <он> дерзнул в забавном русском слогe

О добродетелях Фелицы возгласить... («Фелица»)

С другой –

И истину царям с улыбкой говорить («Властителям и судьям»).

В силу того что инскриптивные патронатные посвящения (титულно или подтекстово) нередко включали в себя идейную

солидарность адресанта и адресата, то их дедикативная тематика перерастала комплиментарно-панегирическую направленность и вбирала в себя своеобразную идейную программу, тематические перспективы, которые были важны поэту просветительских ориентиров. В этом направлении происходило формирование нового – *программного*, или *проективного* – (под) типа титульного посвящения, когда в посвяtitельном послании не только значилось (или не значилось) имя адресата, но и высказывались программные идеи писателя (чаще всего – о роли поэта, назначении поэзии, реже – по вопросам гражданского служения и др.)¹. Личностный потенциал проективных посвящений-программ существенно возрастал, ибо оказывался включенным в систему субъективных авторских – творческих – представлений, намерений, интенций.

Среди примеров проективных – по сути *идейных* – предварительных можно назвать поэму Н. А. Некрасова «Мороз Красный Нос», где поэтическая дедикация складывается из двух частей – собственно посвящения («Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне») и последующего дотекстового осмысления роли поэта, изложения творческих задач и гражданских установок.

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею? <и т. д.>

Среди вышеназванных – по сути *комбинированных* – форм титульной дедикативной инскрипции можно назвать и трагедию (мистерию) Дж. Байрона «Сарданапал», где тексту предпослана посвяtitельная строка – «Знаменитому Гете» – и далее автором высокопарно выражена признательность предшественнику по литературному творчеству, кумиру-идеалу – «Иностранцу».

---

¹ А. П. Квятковский называет такой тип посвящения – посвящением-размышлением.

нец дерзает поднести почтительный дар литературного вассала сеньеру, первому из современных писателей, создавшему литературу своей страны и прославившему литературу Европы» [1]. В своей стилистической форме данное посвящение Байрона в русской литературе коррелятивно дарственной надписи на портрете В. А. Жуковского – Пушкину: «Победителю-ученику от побежденного-учителя <...>»

С эволюцией литературных форм вводные заголовочные дедикации приобретали более свободный и личностный характер – в них с большей силой контурировались индивидуальные интенции (например, комплиментарность обретала модальность симпатии или антипатии), основным мотивом включения посвящения в надтекстовую раму оказывалась собственно авторская интенция, а не необходимость. Посвящения эволюционировали в *дружеские* и *любовные* жанровые модификации, которые получили необычайно широкое распространение и устойчивую популярность. Их множество:

У Жуковского:

«Светлана» – с посвящением «Ал. Ан. Пр...вой»

У Пушкина:

«Андрей Шенье» – «*Посвящено Н. Н. Раевскому*»

«Кавказский пленник» – «*Посвящение Н. Н. Раевскому*»

«Признание» – «*К Александре Ивановне Осиповой*»

«Полтава» – «*Посвящение. Тебе – но голос музы томной / Коснется ль уха твоего? <и т. д.>*»

У Вяземского:

знаменитый «Разговор 7 апреля 1832 года» – «*Графине Е. М. Завадской*», упоминаемый в Примечаниях к «Медному всаднику» Пушкина.

И др.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, что некоторые формы «посвятительных предисловий» оказываются *гибридными*, ибо проявляют себя на границе между различными структурными элементами или жанровыми разновидностями, например между посвящением и посланием и, как следствие, между собственно посвящением и названием-заголовком. Среди примеров такого плана – хрестоматийно привычные лирические эпистолы-послания А. С. Пушкина «И. И. Пущину», «Дель-

вигу», «Кюхельбекеру», «Жуковскому», «Чаадаеву», «Няне» (как вариант – «К Жуковскому», «К Чаадаеву», «К моей чернильнице») и др. Исследователи в подобных случаях, как правило, не дифференцируют специфичность жанровых (под)видов, оставляют без внимания особенности самостоятельных жанровых образований посвящения и послания¹, полагают, что в таковых вариациях посвящением оказывается все произведение, тем самым смешивая жанр (послание) и элемент титульного комплекса (посвящение) [3, 5, 8]. Однако подобные суждения не вполне корректны и не вполне верны.

В посланиях «И. И. Пущину» или «Няне» (как для специалистов, так и для непрофессиональных реципиентов) на первый план выходит название произведения, т. е. титульные строки «И. И. Пущину» или «Няне» воспринимаются как номинация, как название. Однако если вдуматься, то становится очевидным, что первоначально названия несомненно были именно посвящениями, переросшими свои пределы и функции. Возник синтез двух жанровых форм – послания и посвящения, когда намерение дедикации взял на себя заголовок или, наоборот, посвяtitельный элемент занял место названия. (Последнее, вероятно, более справедливо.) Но ни в том, ни в другом случае посвящение и послание как жанр (как самостоятельные жанровые формы) не совпали полностью, но интернировали (делегировали) специфические черты один другому.

Еще более сложный характер дискурсивного выражения обретает дедикация в послании Пушкина «К ***», имеющем адресность латентную, «анонимную», где «К ***», с одной стороны, воспринимается названием, с другой – выступает титульным конфиденциальным инскриптом-посвящением², занимающим не свойственную ему (пре)позицию. Например, знаменитое

---

¹ А. П. Квятковский не дифференцирует (или отчасти смешивает) жанры посвящения и послания. Согласно ученому, посвящение есть «поэтический жанр, *лирическое стихотворение*, предворяющее большое произведение...» [6, с. 219].

² В данном – частном – случае буквенное обозначение *К* может служить и предлогом «К (кому-то)...», и криптографом-анаграммой (начальная буква фамилии Керн).

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Вместо возможного

***

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Хотя гибридность формы названия-посвящения может предложить и иные варианты прочтения формулы «К ***», ибо целый ряд пушкинских стихов сопровождается обозначением «К ...» – «К вельможе», «К Овидию», «К Вяземскому» и др., когда титульное посвящение берет на себя роль заголовочного названия.

Между тем наряду с традиционными формами вводной заголовочной титульной инскрипции-дедикации можно обнаружить и другие виды посвящений. Например, акростих.

Значение термина «акростих» вбирает в себя представление о некоей «стихотворной линии» (*греч.*) или «краестрочии» (*слав.*). Квалификационным признаком акростиха считается «краевой» текст, который возникает из начальных букв каждой последующей строки произведения, составляя слово, словосочетание, фразу-высказывание¹.

Создателем формы акростиха считается Эпихарм, древнегреческий поэт и драматург. Можно предположить, что первоначально (как и собственно посвящение) акростих служил либо прославлением какой-либо знатной персоны, в т. ч. мекената, либо был неким шифром, криптограммой, способом обме-

---

¹ Существуют и другие разновидности акростиха: алфавитный, мезостих, телестих, диагональный акростих и др.

на секретной информацией¹. Позже акrostих преимущественно создавался с целью дедикативной адресации другу или возлюбленной.

В русской литературе первые сведения об акrostихе относятся к XVII веку и связываются с именем архимандрита Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Германа, ученика и келейника патриарха Никона [7]. По словам А. М. Панченко, Герман создавал гимны и песни духовного содержания, отклики на современные события (в т. ч. связанные с патриархом Никоном), сочинения по случаю церковных праздников. Акrostих у Германа служит прежде всего источником сведений о писце-авторе, о его личных переживаниях и событиях его частной жизни, т. е. становится своего рода подписью, автографом.

В XVII – первой половине XIX века акrostихи потеряли свою популярность, уступая место иным формам стихотворных посланий-посвящений. Но в период Серебряного века акrostих как жанровая разновидность вновь возродился в русской литературе и стал невероятно популярен. К жанру акrostиха обращались В. Брюсов, А. Ахматова, Н. Гумилев, С. Есенин и др.

Наиболее распространенный тип акrostиха – *именной* – когда в заглавных буквах стихотворения шифруется имя (и фамилия) того, кому посвящено лирическое сочинение.

Так, стихотворение «Бывало, я с утра молчу...» Ахматова посвящает Борису Анрепу:

Бывало, я с утра молчу,
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу,
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек,
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

---

¹ Например, во избежание преследований со стороны цензуры или со стороны церкви – напр., знаменитые многочисленные акро(теле)стихи на имя *Иисус*.

Или Гумилев – Анне Ахматовой:

Ангел лёг у края небосклона,
Наклоняясь, удивлялся безднам.
Новый мир был тёмным и беззвёздным.
Ад молчал. Не слышалось ни стона.
Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.
Тесно в мире! Пусть живёт, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

Становится очевидным, что посвященческие стратегии выходят за пределы заголовочного комплекса и на уровне акростиха перемещаются на «краевое» поле произведения (или в его середину – мезостих, или в его поэтическую диагональ – диагональный акростих, и др.). То есть дефиниция, даваемая современными литературоведческими словарями посвящению как «надписи в начале произведения» [9], оказывается неполной и недостаточной.

Более того, как ни странно, посвящение может оказаться и в конце текста, еще точнее – стать его завершением, располагаться в финале, фактически после него. Формой репрезентации такого рода дедикации становится дата написания произведения, т. е. *датировочное посвящение*. Так, хорошо известно, что многие произведения Пушкина подписаны 19-ым октября. Понятно, что именно эта важная для поэта дата становится своеобразной формой посвящения того или иного произведения священному лицейскому братству. И, как ясно специалистам, дата под произведением далеко не всегда является указанием на календарное время окончания работы над текстом. Например, завершённый еще летом (первая редакция – 23 июля 1836 г.) роман «Капитанская дочка» обретает подписную дату – 19 октября 1836 года. Срок окончания работы над романом мистифицируется, и делается это намеренно, ибо в таком варианте текст со всей

определенностью оказывается ориентированным на тех, с кем Пушкин провел лицейские годы, внетитульно посвящается очередной лицейской годовщине. Таким образом, датировка текста (как в его заголовочном пространстве – стихотворения «19 октября» или «Дар напрасный, дар случайный...» с эпитафией-посвящением «26 мая 1828» – так и в финале, как в «Капитанской дочке») служит еще одним способом дедикативных интенций автора (в данном случае латентных, завуалированных).

Наконец, после акростиha-посвящения и после посвящения-датировки, как правило, не учитываемых современными словарями, есть основания категоризировать и *неэксплицированные* формы посвящения, т. е. носящие потаенный, криптографический характер, латентность которых можно постичь лишь посредством погружения в историко-культурную атмосферу времени, через атрибуцию (авто)биографических мет, следов, знаков, растворенных в тексте художественного произведения. Примером тому могут послужить исследования, связанные с установлением адресата посвящения в «Людмиле» В. А. Жуковского [2] или в «Медном всаднике» А. С. Пушкина [2]. И в том, и в другом случае культурно-исторический контекст, совокупность биографических сведений и окололитературных свидетельств, тщательное осмысление структурно-композиционных компонентов текста, опора на нарративные стратегии произведения позволили установить, что баллада Жуковского без(с) титульно посвящена Марии Протасовой, возлюбленной поэта, «петербургская повесть» Пушкина адресована лицейскому другу, участнику восстания на Сенатской площади Вильгельму Кюхельбекеру.

Таким образом, посвящение как жанр (как жанровая модификация) необычайно разнообразен и требует системной категориальной рубрикации, диктует необходимость выстраивания *типологии* дедикативных стратегий, опирающихся на целый ряд ранее названных и неназванных – дополнительных – критериев. Среди последних могут быть модальная установка автора, статус аксиологической ценности адресата, фактор адресации, субъект/объект адресации, средства адресации и авторизации, диалогические интенции и др. Даже на самом предварительном уровне в зависимости от избранной системы координат адрес-

ные инскрипты (эксплицированные или имплицированные, титульные и внетитульные, и др.) могут быть дифференцированы как прямые и косвенные, субъектные и объектные, дифферентные или индифферентные¹, адресные и анонимные/конфиденциальные, обобщающие и конкретизирующие, полные и редуцированные, именные и инициальные, открытые и завуалированные, серьезные и ироничные и т. п. Внимания заслуживает и стилевой уровень репрезентации посвящений – посвящения в стихах или в прозе, включающие комплиментарные (или порицательные) речевые маркеры, использующие/неиспользующие стилевые формулы и др.

Наконец, акцентуации требует и вопрос о функциональной роли посвятительных намерений. Например, по В. Д. Кузьмину, функция дедикативной адресации может быть коммуникативной, т. е. личностной, этической, и номинативной, т. е. целевой, эстетической [4]. Однако, как уже было показано выше, только этими целевыми установками феномен поэтической дедикации не исчерпывается, его поле много шире.

Однако какой бы ни оказалась основополагающая матрица системы дедикаций, очевидно, что текст посвящения в той или иной его форме важен не только сам по себе (как часть единого художественного авторского метатекста), но как существенное художественное (и отчасти биографическое) свидетельство-ракурс, который позволит дополнить образ и личность автора-создателя, оттенить своеобразие поэтического конфидента послания, обогатить представление об особенностях и характере взаимоотношений адресанта и адресата, т. е. благодаря, кажется, факультативному элементу текстуального пространства расслышать интерсубъективный диалог (полилог) посвячителя и посвящаемого, автора-создателя и лирического героя (героев) произведения.

Рассмотренные на примере литературных текстов стратегии дедикации могут быть транспонированы и на иные сферы культурологической адресации, однако следует учитывать,

---

¹ А. П. Квятковский предлагает несколько расплывчатый комментарий к пониманию дифферентного и индифферентного типов посвящения. Примером первого у Квятковского служит «Капитанская дочка» (?), второго – «Посвящение», написанное З. Н. Гиппиус.

что каждый из видов искусств имеет особую специфику и требует дополнительных комментариев к способам и формам посвященных намерений. Стратегии вербальные и визуальные нередко могут восприниматься как коррелятивные (синонимичные), но таковыми не являться (так, например, нельзя путать дедикации и инскрипцию, т. е. посвящение и дарение). Отдельный вид искусства, в зависимости от специфики реализации и рецепции художественной интенции (способы: текстуальный, линейный, вербальный, визуальный, оптический, акустический и проч.), требует особенного подхода, однако генеральные тенденции обнаруживают стержневую общность.

Библиографический список

1. Байрон Дж. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. 495 с.
2. Богданова О. В. Балладная дилогия В. А. Жуковского: «Людмила» и «Светлана». СПб.: СПбГУ, 2017. С. 5–40. (Серия «Литературные направления и течения. Анализ художественного произведения»).
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 366 с.
4. Кузьмин Д. В. К функциональной типологии посвящений // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 45 (Summer). P. 64–85.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1998. 1600 с.
6. Новый толковый словарь русского языка: в 2 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 1209 стб.
7. Панченко А. М. Герман // *Словарь книжников и книжности древней Руси* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А–З. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. 410 с.
8. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энц., ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3. М., 1939. 1424 стб.
10. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

References

1. Bajron Dzh. Complete works, in 4 vol., of vol. 4. Moscow, Pravda Publ., 1981, 495 p. (In Russ.)
2. Bogdanova O. V. Balladnaya dilogiya V. A. Zhukovskogo: «Lyudmila» i «Svetlana» [Dilogy of the ballads by V. A. Zhukovsky: «Ludmila» and

«Svetlana»]. Saint-Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017, pp. 5–40. (In Russ.)

3. Kvyatkovskij A. P. *Poehicheskiy slovar'* [The poetic vocabulary]. Moscow: Soviet ehnciklopediya, 1966, 366 p. (In Russ.)

4. Kuz'min D. V. K funkcional'noj tipologii posvyashchenij [On the functional typology of dedications]. Toronto Slavic Quarterly, 2013, no. 45 (Summer), pp. 64–85. (In Russ.)

5. *Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts], ed. A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 1998, 1600 p. (In Russ.)

6. *Novyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of the Russian language], in 4 vol., of vol. 2, ed. T. F. Efremova. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000, 1209 columns. (In Russ.)

7. Panchenko A. M. German. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnej Rusi* [The dictionary of scribes and booklore of ancient Rus], ed. D.S. Lihachev, issue 3 (XVII c.), part 1. A–Z. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1992, 410 p. (In Russ.)

8. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of literary terms], ed. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, 509 p. (In Russ.)

9. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language], in 4 vol., of vol. 3, ed. D. N. Ushakov. Moscow, Soviet ehnciklopediya, Ogiz Publ., 1939, 1424 columns. (In Russ.)

10. *Ehnciklopedicheskiy slovar'* F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [The encyclopaedic dictionary of Brockhaus and Efron], In 86 vol. Saint-Petersburg, [s.n.], 1890–1907. (In Russ.)

Э. В. Измайлова

«Тематический анализ» культуры детства: общая характеристика и перспективы применения*

Статья посвящена рассмотрению перспектив применения тематического анализа в сфере современных исследований культуры. На основании работ Дж. Холтона, М. Оплера, А. Коэна и В. Тэрнера в тексте дается общая характеристика тематического анализа, а также раскрываются особенности его применения к изучению культуры детства. Внимание уделяется вопросу установления тематического перечня, составляющего содержание культуры детства. Затрагивается проблема возможностей тематического анализа в диагностике тематического содержания детской культуры, в т.ч. разработка комплексных технологий ее корректировки. Рассматриваются тематические особенности культуры детства советского, постсоветского и современного этапов. Отдельное внимание уделяется возможностям печатных и визуальных коммуникаций, обеспечивающих формирование тематического своеобразия детской культуры.

Ключевые слова: культура детства, картина мира, тематический анализ, тема, информационная среда, визуальная коммуникация.

E. V. Izmailova. «Thematic analysis» of the culture of childhood: general characteristics and perspectives of application

The article is devoted to the consideration of the perspectives of the application of the thematic analysis in the field of contemporary culture research. Based on the works of J. Holton, M. Opler, A. Cohen and V. Turner, the text gives a general description of the thematic analysis, as well as features of its application to the study of the culture of childhood. Attention is paid to the issue of establishing a thematic list, which is the content of the culture of childhood. The problem of the possibility of thematic analysis in diagnosing the thematic content of the children's culture, including

---

© Измайлова И. В., 2019

* *Примечание:* работа выполнена под руководством доктора культурологии, доцента кафедры теории и истории культуры СПбГИК И. В. Леонова.

the development of complex technologies for its correction, is touched upon. Thematic peculiarities of the childhood culture of the Soviet, post-Soviet and modern stages are considered. Special attention is paid to the possibilities of printed and visual communications, which ensure the formation of a thematic identity of children's culture.

Keywords: *culture of childhood, world view, thematic analysis, topic, information environment, visual communication.*

Среди различных способов изучения культуры, в том числе и культуры детства, особое место занимает «тематический анализ», разработанный представителями североамериканской и европейской научно-философской мысли 60–70-х годов XX столетия.

Основоположником тематического анализа является американский философ науки Джеральд Холтон [6], в ходе изучения истории науки, в частности физики, обосновавший теорию, согласно которой познавательный процесс как в отдельных ноегенезах, так и на уровне человечества в целом, пронизан устойчивыми когнитивными феноменами. Данные феномены, именуемые с подачи Холтона «темами», проявляют себя в ходе познания реальности человеком посредством периодических актуализаций и переходов в сферу неактуального знания, тем самым формируя черты когнитивного постоянства того или иного мыслительного процесса.

В области изучения культуры тематическими исследованиями занимались такие ученые, как М. Оплер [9], А. Коэн [8], В. Тэрнер [5] и др. Данные авторы обосновывали в своих работах положение, согласно которому основу любой культуры составляют своеобразные комбинации «тем» – фундаментальных постулатов или идей, упорядочивающих весь ее строй. По сути, в таком видении темы предстают как некие когнитивные «эпицентры», определяющие основные векторы познавательной активности человека, осваивающего мир в определенном историко-культурном контексте. Следует учесть, что в работах представителей тематического анализа, например В. Тэрнера, к «темам» нередко можно отнести и некие постулаты или идеи, выводимые самим наблюдателем на основании фактических данных культуры.

Тем не менее, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях данный метод, заинтересовав лишь немногих ученых, широкого распространения не получил.

Однако, исходя из обозначенных теоретических оснований, позволяющих достаточно полно описывать своеобразие любой культуры, посредством выявления «тем», включая их «сборки», можно говорить о том, что представленный метод вполне применим и к изучению культуры детства. В случае анализа данной культуры речь идет о выявлении особых «когнитивных акцентов», или «фокусировок», ребенка на познаваемую им реальность, вокруг которых выстраивается его картина мира. В конечном счете, рассматриваемый метод позволяет выявить системообразующие элементы детской культуры, раскрывая перед исследователями и практиками широкие возможности не только для ее диагностики, – тематический анализ позволяет создавать и применять комплексные технологии, направленные на ее коррекцию и даже качественные преобразования.

Изучением культуры детства, включая ее когнитивную и психологическую компоненты, в целом занимались многие ученые, среди них З. Фрейд, А. Фрейд, М. Кляйн, М. Мид, Д. Боулби, М. Эйнсворт, Э. Эриксон, Ж. Пиаже, Л. С. Выгодский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, И. С. Кон, М. Я. Басов, Л. И. Божович, А. Бандура, Г. Р. Бардиер, К. Бюлер, Ю. Б. Гиппенрейтер, П. Экман и др. В свою очередь, изучению культуры детства с позиций тематического анализа специального внимания в науке не уделялось, за исключением работ приведенных выше основоположников данного подхода в исследованиях культуры, так или иначе обращавшихся к культуре детства. Но это обращение было, скорее, фрагментарным и не выходило за рамки исследования тех или иных культур в целом, либо было направлено на реализацию дисциплинарных задач различных наук.

В первую очередь тематический анализ детской культуры предполагает поиск ответов на несколько вопросов, а именно: *Какие темы составляют содержание культуры детства? Какие факторы влияют на образование их конфигураций? И в каких пределах тематический анализ позволяет диагностировать состояние и корректировать детскую культуру?*

Анализ первого вопроса показывает, что тематическое содержание культуры детства включает в себя широкий список различных идей и установок, являющихся отражением культуры взрослых и определяемых совокупностью норм, правил, об-

разцов той социокультурной действительности, в которой формируется детская картина мира. И тем не менее при всей схожести со взрослой культурой культура детства имеет свои особенности, выраженные в избирательном отношении к реальности, с целью ее принятия и успешного освоения.

Так, одним из наиболее очевидных когнитивных и поведенческих «эпицентров» культуры детства является тема *семьи и дома*. Это наиболее ранняя тема, образующаяся в картине мира ребенка. Именно семья и ее этос изначально формируют фундамент культурно-социального развития детей. Семья, выступая первой познавательной и формирующей средой для ребенка, в дальнейшем остается таким же важным и основополагающим элементом в детской картине мира. Роль семьи невозможно переоценить, так как основные ценности, нравственные нормы и культура поведения закладываются в ребенке посредством внутрисемейной коммуникации. Именно от родителей ребенок наследует не только генетический код, но и существенную часть кода культуры, в которой этому ребенку предстоит расти.

Другой темой, имеющей для детей особое значение, является тема *животного мира*. Ребенок с самого раннего возраста, прямым или косвенным способом, познает названную грань бытия. Данная тема глубоко укоренена в культуре всего человечества, начиная с первобытного времени, и, по мнению М. Н. Храмовой, в процессе развития ребенка образует так называемый зооморфный код, позволяющий «...кодировать представления общества об окружающем мире» [7, с. 13]. При этом, отмечает исследователь, животные служат особым «мостом», связующим многие компоненты реальности и делающим их понятными посредством зооморфной интерпретации. В свою очередь, пространственные пределы данной темы расширяются вплоть до использования образов тех или иных животных при моделировании картины мира.

Тема животных пронизывает всю жизнь ребенка, поскольку большинство сказочных образов представлено через их одушевление и очеловечивание. Н. Н. Суворов в своей статье отмечает: «Воображение и фантазии ребенка наполнены игрушками зверей, которые он склонен оживлять» [3, с. 297]. Реконструируя взаимоотношения ребенка с животными, добавляет автор,

ребенок выстраивает с ними отношения в контексте понимания и интерпретации поведения взрослых, а также подключает сюда свой небольшой опыт общения с животными, равным образом наделяя их способностью к самостоятельным действиям.

Еще одной стержневой структурой культуры детства является тема осознания ребенком *самого себя*. Этот процесс начинается примерно в трехлетнем возрасте. С этого момента он начинает отделять себя от мира других людей, постепенно осознавая свою собственную суверенность и индивидуальность. Этот процесс растягивается на годы и представляет собой последовательность различных метаморфоз идентичности ребенка, формирующего свое «Я», то есть представления о себе самом, с использованием элементов животного мира, персонажей мультфильмов, сказок, художественных фильмов и т. д., на основании индивидуального познания реальности, а также общения со взрослыми и сверстниками.

Особую значимость для детей имеет бинарная тема *жизни и смерти*. Эта тема как экзистенциальный компонент появляется в жизни ребенка не сразу. Даже если ребенок рано столкнулся со смертью кого-то из близких, настоящее осознание данного события возможно только после определенного возраста. Мнения по поводу возрастного фактора в понимании феномена смерти у разных исследователей разнятся. Изучением данного явления на материале различных культур в разное время занимались такие ученые, как С. Энтони, М. Нэджи, А. Мауэр, Дж. Беринг и др. Анализируя в своей статье исследования ученых, в том числе вышеперечисленных авторов, относительно понимания детьми принципа «универсальности» смерти, Т. А. Гаврилова пишет: «Исследования обнаружили, что в течение первых пяти лет жизни дети не понимают этой универсальности; в период от 6 до 9 лет у большинства детей такое понимание появляется, но является недостаточно устойчивым, – они могут считать, что смерти могут избежать особые люди или животные (“хорошие” или “счастливые”). Они также могут не понимать непредсказуемости смерти, веря в то, что смерть невозможна для детей, а только для старых людей, и только после 9 лет дети приходят к убеждению, что смерть неизбежна и непредсказуема для всех живущих» [1].

Тесно связанной с предыдущей парой является *тема войны*. Эта тема устойчиво проявляет себя на протяжении всего историко-культурного процесса и, являясь частью реальности большинства культур, выступает неотъемлемым элементом детской картины мира, причем как в мирное, так и в военное время. Тема войны в культуре детства выступает как сложный феномен, являющий собой один из основных векторов познавательной деятельности ребенка, который реализуется через игровую деятельность, в процессе освоения им окружающего мира. Причем эта тема динамично обыгрывается и осмысливается как в субкультуре мальчиков, так и в субкультуре девочек. Значительная часть осмысления и игрового освоения данной темы осуществляется через мир детского воображения. Отсюда колоссальная составляющая военной тематики в виртуальной сфере, находящая отклик в современной детской культуре.

Отдельный когнитивный вектор культуры детства, имеющий сложную вариативную структуру, представляет тема *других людей и социальных ролей*. С таким многогранным конструктом, как социальные роли, ребенок знакомится первоначально, но неосознанно, в пределах собственной семьи. В дальнейшем, все более интегрируясь во внешний социальный мир, ребенок начинает понимать, различать и применять на себя ту или иную роль, в зависимости от окружающего контекста, включая социальные и гендерные статусы. Немаловажную роль в формировании данной, а также последующей темы играют ее конкретизации в образах «кумиров», «героев», положительных или отрицательных «типажей».

Не менее значимой является тема *навыков трудовой и профессиональной деятельности*. С понятием трудовой, а затем и профессиональной деятельности ребенок также первоначально знакомится в пределах собственной семьи. Далее, в процессе взросления эта «тема» расширяется, становятся более понятными ее критерии и значения. В результате через названную и предыдущую темы ребенок осваивает почти весь образ жизни взрослых, будучи воображаемым папой или мамой, генералом, космонавтом, начальником, актрисой, учительницей и т. д.

Также следует упомянуть *тему «дружбы»*, как одну из ключевых в жизни каждого человека. Детская дружба (которая мо-

жет проецироваться ребенком не только на человека, но и на животное) выстраивается в процессе активного социокультурного взаимодействия, претерпевая различные трансформации по мере взросления ребенка. И. В. Троцук и Е. А. Савельева в своей статье, посвященной детской дружбе, отмечают, что дружба фактически выступает одним из видов общения – наряду с любовью, семейными связями, деловыми контактами, – но с первыми двумя ее роднят отношения взаимной симпатии, глубокой привязанности, доверия, откровенности и взаимовыручки. Соответственно, под дружеским кругом понимается то число друзей, которых сам человек склонен называть друзьями, причем широкий круг общения отличает молодые поколения от старших [4, с. 69–76].

Подытоживая обозначенный, но не исчерпывающий тематический перечень, необходимо указать, что преимущественной сферой бытования тем является детское воображение [2], в пространстве которого темы оживают, мутируют, усложняются и образуют «группировки». Дело в том, что в мире ребенка, направленном по большей части на воображаемую реальность, последняя обретает более явный характер, нежели сама реальность, а дистанция между миром воображаемым и миром реальным, в котором существует человек, у ребенка гораздо шире, нежели у взрослого. В результате через перечисленные «тематические фокусировки», образующие базис детской картины мира, ребенок обретает когнитивную «призму», рождающую своеобразную упорядоченность его воображаемого мира и особым образом «отфильтровывающую» и «преломляющую» в детском сознании все многообразие проявлений реальности. Здесь же стоит упомянуть об игре как особом способе освоения «тем» через воображаемую ситуацию, частично осуществляемую в реальности, а также о немаловажной роли игрушки, усиливающей данный процесс.

Касаясь второго вопроса, необходимо указать, что темы существуют не по отдельности, а в *тематических конфигурациях*, образуя целостные «тематические портреты» различных культур, включая культуру детства. Причем данные конфигурации, формируя остов детской картины мира, носят хоть и устойчивый, но непостоянный характер. Их содержание зави-

сит от многих факторов, включающих целый спектр особенностей конкретно-исторической реальности. Кроме того, характер и логика изменений тематического своеобразия культуры детства связаны с процессом взросления ребенка, провоцирующего смещения акцентов детского восприятия, познания и переживания реальности, а также самого себя. В результате тематические группировки детской культуры перестраиваются, меняя как свой перечень, так и соотношение «тем».

Переходя к третьему вопросу, суть которого заключена в установлении пределов применения «тематического анализа» в отношении диагностики и корректировки детской культуры, необходимо указать на перспективность данного подхода в рассматриваемой сфере.

Так, немаловажным обстоятельством в вопросе тематического анализа культуры детства является то, что современная социокультурная среда, претерпев серьезнейшие изменения в последние 7–10 лет, создала новые информационные условия для формирования детской картины мира. Сегодня ребенок все раньше начинает познавать мир не только через физическую и вербальную коммуникацию, но и посредством цифровых образов и символов, являющихся основой виртуального пространства. *Как ребенок воспринимает информацию в ее «плоском» медийном формате? Как он ее перерабатывает? Что происходит с его картиной мира?* – это актуальные вопросы, которыми занимаются современные исследователи с целью понять, какие социокультурные изменения ждут нас в будущем, и возможно ли оказывать влияние на данные процессы.

То, что картина мира, понимания себя и своего места у современных детей кардинально отличается от картины мира предыдущего поколения, совершенно очевидно даже для неспециалиста. Тематическое содержание культуры детства в такой ситуации становится шире, появляются новые ниши, заполняемые медиа и цифровым информационным контентом, генерируемым новейшими технологическими процессами. И тем не менее, несмотря на то, что содержание современной культуры детства претерпевает перманентные трансформации, ее системообразующее «ядро», где основными элементами выступают темы семьи и дома, животного мира, жизни и смерти, дружбы

и социального взаимодействия и т. д., остается прежним, обогащаясь и трансформируясь в контексте возрастных переходов.

Учитывая, что темы и их комплексные сочетания формируются под непосредственным влиянием историко-культурной реальности, представляется уместным отследить данные трансформации в контексте истории отечественной культуры последних семидесяти лет.

В советское послевоенное время такое формирование во многом определялось существующей политико-идеологической ситуацией. В это время со стороны государства велась комплексная и системная работа в направлении формирования единообразного мировосприятия ребенка, соответствующего советской культуре. Каждая тема, в ее послевоенном преломлении, в сознании детей получала особую конкретизацию. Детям прививались идеи социокультурного равенства и справедливости, патриотизма, необходимости трудиться на благо коллектива и страны. Отдельным пунктом стоял спорт и пропаганда здорового образа жизни. Практически каждый ребенок был занят в кружках и спортивных секциях. Культура детства во многом формировалась на примерах жизни героев и известных людей, которыми выступали дети-герои, революционеры, великие полководцы, солдаты, матросы, летчики и партизаны, а также космонавты, ученые, именитые спортсмены и т. д. Помимо реальных персонажей, мир детства советского времени был наполнен вымышленными героями, которые соответствовали эталонным требованиям данной культуры.

Далее, на постсоветском пространстве, в 1990-е – нач. 2000-х гг., стало происходить размывание идеологических, аксиологических и познавательных основ культуры, что нашло отражение и на уровне детства. В результате смены политического строя культура и общество стали разнородными. Утрата идеологии и прежних ценностей привела к смене героев, на которых хотели равняться и дети, и взрослые. Образовавшийся идеологический и воспитательный «вакуум» стал наполняться феноменами западноевропейской культуры, с присущими ей ценностями, ориентирами и стереотипами поведения, многие из которых не соответствовали «историко-культурной органике» России. Данные процессы наиболее драматично отразились на

уровне культуры детства, поскольку не впитавшие основ советской культуры дети оказались, по терминологии Локка, незащищенной «чистой доской», отразившей все веяния безыдейного и культурно-разнородного переходного времени. В результате культура детства предстала как тематически разобщенный и противоречивый «сплав» разнообразных историко-культурных традиций, при явной доминанте западных ценностей и стереотипов поведения, хлынувших в пространство культуры России. Необходимо отметить, что данные процессы усугублялись распространением визуальных медиа, которые «отрывали» рассматриваемые метаморфозы детской культуры от контроля со стороны органов образования и родителей.

Наконец, в современной России мы наблюдаем преодоление кризисной ситуации перехода и постепенное упорядочивание культуры. Это выражается в том числе и в налаживании политики государственного вмешательства в сферу культуры детства с целью ее урегулирования и коррекции. Так, например, установлены ограничения на изображения сцен курения, введены возрастные классификации на фильмы и телепередачи, все активнее популяризируются и прививаются идеи патриотизма. В этом контексте необходимо указать, что тематическое содержание культуры детства зависит не только от интеллектуального уровня ребенка, но и от уровня развития его родителей, от того социального окружения, в котором он растет, а также от информации, которую он получает. Если одних детей воспитывают в духе семейных традиций, прививая им морально-ценностные установки и всячески ограничивая доступ к непроверенным информационным источникам, а других предоставляют самим себе, то разница в воспитании будет разительной. Одни дети будут искать идеалы среди великих, а другие среди тех, кого им предложит Интернет.

Исходя из того, что в настоящее время ребенок формирует картину мира в основном через экран и, соответственно, представления о темах семьи, дружбы, жизни, смерти и т. д., в современной культуре сложилась особая ситуация виртуальной саморегуляции культуры детства, нередко принимающая бесконтрольные формы. Например, дети разных возрастов все чаще стали появляться на экранах мониторов, выкладывая свои ро-

лики в сеть. На своих каналах они рекламируют игрушки, сладости, сайты с компьютерными и видеоиграми. Рождаемая в сети детская мода на игрушки, одежду, фильмы и мультфильмы, развлечения и др. становится мощнейшим стимулятором поведения ребенка, воздействующим на его групповую (субкультурную) идентичность. Наряду с этим в культуру детства проникают неконтролируемые информационные потоки, наносящие ей непоправимый урон и сильно деформирующие ее тематический базис.

Как уже отмечалось, в предшествующий период (1990-е – нач. 2000-х гг.) данные цифровые потоки и их последствия происходили хаотично и бесконтрольно и лишь в последние годы стали объектом целенаправленной регулятивной политики со стороны государства. В данном случае уместно указать, что культура детства очень пластична и через формирование определенных «тем», или «когнитивных эпицентров», можно воздействовать на ребенка, причем на все области его мировоззрения, соответствующим образом регулируя визуальный контент и тем самым изменяя и его отношение к реальности, а также поведение. Создавая определенную информационную среду вокруг ребенка, мы можем позитивно влиять на формирование его личностных качеств, морально-нравственных установок и ценностных ориентиров. В результате, реагируя на информационные раздражители, ребенок будет «отражать» их, встраиваясь в историко-культурную ситуацию. *Таким образом, любой «когнитивный эпицентр», или «тема», может выступать отправной точкой коррекции детской картины мира, ценностей, вкуса и поведения.*

Рассмотренный материал показывает, что, изучая тематический состав культуры детства, а также его возрастные изменения, регулируя информационный контент и во многом ограничивая информационную свободу детей, можно формировать тематические предпочтения ребенка, ограждая его от информации сомнительного содержания. При помощи коммуникаций, особенно визуальных, темы можно прививать, видоизменять, лишать популярности. Можно смещать тематические акценты, а также изменять целые тематические конфигурации. Для эффективности таких методик необходим комплексный подход,

включающий в себя не только контроль со стороны семьи, образовательных учреждений, но и государства. В свою очередь, научно обоснованный и технологический базис для изучения тематического содержания детской культуры, а также для осуществления политики государственного регулирования в данной сфере в состоянии представить прикладная культурология в союзе с психологией, социологией и некоторыми другими науками.

Библиографический список

1. Гаврилова Т. А. Проблема детского понимания смерти // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2009_4_1429.pdf (дата обращения: 25.12.2018).
2. Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры. СПб.: СПбГИК, 2018. 300 с.
3. Суворов Н. Н. Животные в картине мира ребенка. Опыт реконструкции // Информационное пространство и дети: образовательные возможности и манипулятивные воздействия: сборник научных статей. СПб.: Изд-во Политехнич. у-та, 2015. С. 293–298.
4. Троцук И. В., Савельева Е. А. «Статус» дружбы в мировоззренческом комплексе российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 69–76.
5. Тэрнер В. Символ и ритуал / отв. ред. Е. М. Мелетинский; пер. В. А. Бейлиса и И. М. Бакштейна; сост. и авт. предисл. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
6. Холтон Дж. Тематический анализ науки / пер. с англ. А. Л. Великович, В. С. Кирсанов, А. Е. Левин; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского. М.: Прогресс, 1981. 384 с.
7. Храмова М. Н. Специфика образных представлений о животном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18) март. С. 12–17.
8. Cohen A. On the place of «themes» and kindred concepts in social theory // *American Anthropologist*. 1948. Vol. 50. Issue 3. P. 436–443.
9. Opler M. E. Themes as Dynamic Forces in Culture // *American Journal of Sociology*. 1945. Vol. 51. № 3. P. 198–206.

References

1. Gavrilova T. A. Problema detskogo ponimaniya smerti [Problem of children's understanding of death]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2009, no. 4. (In Russ.). Available at:

http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2009_4_1429.pdf. (accessed 25.10.18)

2. Suvorov N. N. *Nastuplenie voobrazhaemogo: voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury* [Offensive imaginary: imaginary as a cultural phenomenon]. Saint-Peterburg, SPbGIK, 2018, pp. 73–81. (In Russ.).

3. Suvorov N. N. *Zhivotnye v kartine mira rebenka. Opyt rekonstrukcii* [Animals in the picture of the word of the child. Reconstruction experience]. *Informacionnoe prostranstvo i deti: obrazovatel'nye vozmozhnosti i manipulyativnye vozdeystviya. Sbornik nauchnyh statej* [Information space and children: educational opportunities and impact manipulation]. Saint-Peterburg, Politekhnich University Press., 2015. pp. 293–298. (In Russ.).

4. Trocuk I. V., Savel'eva E. A. «Status» družby v mirovozzrencheskom komplekse rossijskoj molodezhi [The «Status» of friendship in the worldview of the russian youth]. *Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2014, no. 9, pp. 69–76. (In Russ.).

5. Tehrner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], otv. red. E. M. Meletinskij; perevod V. A. Bejlisa i I. M. Bakshtejna; sost. i avt. predisl. V. A. Bejlis. Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1983, 277 p. (In Russ.).

6. Holton Dzh. *Tematicheskij analiz nauki* [Thematic analysis of science], per. s angl. A. L. Velikovich, V. S. Kirsanov, A. E. Levin; obshch. red. i poslesl. S. R. Mikulinskogo. Moscow, Progress, 1981, 384 p. (In Russ.).

7. Hramova M. N. *Specifika obraznyh predstavlenij o zhivotnom mire* [Specificity of animal representation in culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts: a scientific journal], 2014, no. 1 (18), pp. 12–17. (In Russ.).

8. Cohen A. On the place of «themes» and kindred concepts in social theory. *American Anthropologist*, 1948, vol. 50, Issue 3, pp. 436–443.

9. Opler M. E. Themes as Dynamic Forces in Culture. *American Journal of Sociology*. 1945, vol. 51, no 3. pp. 198–206.

А. В. Колик, И. И. Лейман

**Культурно-исторический контекст пищевых брендов:
сравнительный анализ коммуникативных практик
Беларуси и России**

В статье рассматриваются возможности использования культурно-исторического потенциала современных пищевых брендов на территории постсоветского пространства (на примере России и Беларуси) в процессе продвижения данных брендов и повышения спроса на них, в том числе посредством развития гастрономического туризма. Проанализированы пищевые бренды Европейского Севера России (архангельская треска, вологодское масло, коми шаньги) и Беларуси (молочная продукция, сморгонские абаранки, «нарочанский» хлеб, лидский квас).

Ключевые слова: национальная кухня, пищевой бренд, гастрономический туризм, Россия, Беларусь.

A. Kolik, I. Leyman. Cultural and historical context of food brands: comparative analysis of the communicative practices of Belarus and Russia

The article discusses the possibilities of using the cultural and historical potential of modern food brands in the post-Soviet space (for example, Russia and Belarus) in the process of promoting these brands and increasing the demand for them, including through the development of gastronomic tourism. The food brands of the European North of Russia (Arkhangelsk cod, Vologda butter, «komi shangi») and Belarus (dairy products, «smorgonskiye abaranki», «narochanskiy» bread, «lidskiy kvas») are analyzed.

Keywords: national cuisine, food brand, gastronomic tourism, Russia, Belarus.

На просторах постсоветского пространства потенциал современных пищевых брендов выходит далеко за чисто экономические границы. В последнее время набирает популярность гастрономический туризм, во многом базирующийся на

культурно-историческом потенциале территории. В частности, в России активно развивается культурно-туристический межрегиональный проект «Вкусная карта России», мобильный фестиваль региональной кухни «Гастрономическая карта России». В Беларуси также уделяется большое внимание территориальному брендингу, в том числе пищевым брендам, поскольку производство продуктов питания является стратегической отраслью для страны и основой ее экспорта. Один из трендов белорусского брендинга – акцент на культурно-исторической составляющей продукта, что проявляется в проведении продуктовых фестивалей, развитии гастрономического и промышленного туризма, осуществлении рекламных и PR-кампаний, направленных на продвижение пищевых брендов.

Правильный подход не только к производству продуктов питания (соблюдение требований безопасности и применение новейших технологий), но и к их позиционированию с учетом культурно-исторического контекста территории может способствовать расширению спроса на тот или иной продукт посредством его брендинга. Однако зачастую коммерческое производство продуктов питания практически не учитывает и не использует их культурно-историческую составляющую. В то же время указание на традицию является одним из наиболее простых, популярных и эффективных инструментов продвижения самых разных товаров и услуг: так, дата основания производства нередко присутствует на логотипах компаний (кондитерская фабрика «Большевик. Москва. 1855» (Россия); «Кондитерская фабрика «Акконд». Основана в 1943 году» (Россия); «Кондитерская фабрика «Красный пищевик» 1870» (Беларусь); «Кондитерская фабрика «Коммунарка» 1905» (Беларусь) и др.). Более глубокое понимание производственных традиций в культурно-историческом контексте может как нельзя лучше способствовать формированию уникального торгового предложения и, как следствие, повышению спроса на товар не только среди оптовиков, местных жителей, но и туристов.

Рассмотрим возможности использования культурно-исторического контекста при продвижении современных пищевых брендов постсоветского пространства на примере России и Беларуси. Анализ коммуникативных практик именно этих

стран обоснован общими историческими корнями, близостью культур, традиций, экономической и социальной интеграцией в рамках Союзного государства России и Беларуси.

Россия – очень большая и многонациональная страна, в каждом регионе которой сложился свой пласт традиционной культуры, включая культуру производства и потребления продуктов питания, национальную кухню. Для большей наглядности сосредоточимся на одном из ее регионов, а именно – на Европейском Севере России. За основу возьмем три основных вида пищевых продуктов местности: «добытый» (добываемый в пределах территории, почти не подлежащий переработке); «переработанный» (добываемый и перерабатываемый в пределах территории; как правило, длительного хранения); «кулинарный» (традиционные блюда, употребляемые жителями территории; как правило, скоропортящиеся). Проанализируем, как разные виды пищевых продуктов, традиционно употребляемые в пределах той или иной территории, реализуют свой культурно-исторический потенциал в современных условиях.

Интересным для рассмотрения «добытым» пищевым продуктом Архангельской области является треска. В середине XIX в. на самой крупной в пределах Европейского Севера России Маргаритинской ярмарке в Архангельске треска наряду с некоторыми другими видами рыб была одним из главных предметов торговли. Помимо «употребления в городах Архангельской губернии», треска вывозилась и в «соседствующую Вологодскую», Олонецкую, Вятскую губернии. Такое положение дел сохранялось вплоть до революции 1917 года [4, с. 6; 7]. Промысел трески в Архангельской губернии в XIX в. обеспечивал работой не только рыбаков и оптовых торговцев, но и местных жителей. Так, по свидетельству современника о буднях Маргаритинской ярмарки середины XIX в., часть «архангельского люда» занималась «промывкой на плотках крепко просоленной трески» [6, с. 542].

Треска являлась неотъемлемой частью повседневной культуры быта жителей Архангельской губернии (прежде всего, самого Архангельска и близлежащих населенных пунктов). Как писал в 1870-х гг. русский этнограф П. С. Ефименко, эта рыба составляла «скромную ежедневную пищу»: «треска зажаренная в

постном молоке и масле, а иногда еще и с картофелем или в яйцах, или холодная с подливой кваса» [5, с. 69]. В свидетельстве современника о Маргаритинской ярмарке в Архангельске (середина XIX в.) тоже упоминается треска: «как усидишь дома, как не разложишь лавочки, когда и сосед то же делает, и без гроша не гуляет, а кофей пьет, треску ест со сметаной и картофелем» [6, с. 546]. В изданной уже в XXI в. книге Л. А. Черемухиной «Северная кухня», написанной на основе материалов различных исторических источников и этнографических экспедиций, в общем перечне блюда из трески продолжают занимать особое место [16].

Традиции северорусской кухни органично вплетались в обрядовую культуру. Член Сольвычегодского краеведческого кружка Н. Аруев, описывая дореволюционные традиции крестьянских свадеб, указывает, что во время сватовства за чаем традиционно подавался пирог из трески. В период рождественского промежговенья, который традиционно использовался для сватовства, пирог «на случай приезда сватов стряпался почти у каждой невесты и хранился до случая». На этой основе даже сформировалось особое выражение «заплесневел пирог», обозначающее, что к невесте «совсем не приезжали сваты» [2, с. 2].

Таким образом, на базе ограниченного круга приведенных примеров уже видно, что, треска (казалось бы, такой непритязательный продукт) красной нитью проходит через повседневную жизнь населения Архангельской губернии XIX в. и имеет большое не только экономическое, но и символическое, социокультурное значение.

В настоящее время в Архангельской области есть определенный потенциал в области формирования пищевого бренда «архангельская треска». Так, в 2016 году в рамках деловой программы Маргаритинской ярмарки филе трески рыбодобывающего предприятия «Ягры» первое в Архангельской области получило подтверждение соответствия стандартам Роскачества; в 2017 году качество продукта было вновь подтверждено [Архангельское филе трески вновь подтвердило соответствие стандартам Роскачества; Филе трески производства ООО «Ягры» награждено Знаком качества]. Интересной вариацией на тему архангельской трески в современных условиях является помор-

ский бренд молодежной одежды «Доска-треска», основанный в 2015 году. Как говорят создатели бренда, из «уравнения» об Архангельске как городе «доски, трески и тоски» тоску решили убрать и оставить «смесь простой любви и уважения» [5 поморских брендов из Архангельска; Доска Треска]. В дизайне одежды создатели бренда «Доска-треска» во многом опираются на культурное наследие архангельского Севера.

За исключением последнего примера, в целом потенциал пищевого бренда «архангельская треска» пока находится в отрыве от культурно-исторического контекста территории, обращение к которому могло бы способствовать усилению современного звучания этого пищевого (и не только) бренда.

В комплексе «переработанных» пищевых брендов Европейского Севера России обратим внимание на сливочное масло, производимое в Вологодской области. Уже к середине XIX в. сливочное масло (тогда оно называлось «коровье») было одной из основных статей торгового оборота в Вологодском, Грязовецком, южных частях Кадниковского, Тотемского и Никольского уездов Вологодской губернии [3, с. 313, 336, 346, 369]. Однако в это время сырье и технологии его переработки (по сути, это было топленое масло) были еще несовершенны, что сказывалось на качестве конечной продукции. Ситуация начинает меняться в последней трети XIX в. В 1871 г. в усадьбе Марфин поселилась голштинская семья Буман, которая поставила маслоделие на «практическую почву» – открыла первую в губернии маслодельню, и «дело разрослось впоследствии до размеров образцовой фермы», первого в Вологодской губернии «рассадника толковых мастеров молочного дела» [1; 14 с. 10–11]. В 1870-х гг. к процессу развития маслоделия в Вологодской губернии подключился сотрудник Министерства Государственных Имуществ Н. В. Верещагин, «известный знаток молочного дела», создатель молокоперерабатывающей отрасли в России, учредитель и директор первой в России школы молочного хозяйства в селе Единоново Корчевского уезда Тверской губернии [14, с. 11]. В 1880 году в селе Фоминское (сейчас с. Молочное) супругами Буман был построен маслодельный завод с учебным хозяйством, где при содействии Н. В. Верещагина впервые в России для производства масла начали использовать сепаратор [1; 15, с. 114–115].

Результаты работы не заставили себя долго ждать. В 1878–1879 гг. на выставках, организованных Московским Обществом скотоводства в России, масла и сыры Вологодской губернии «удостоились многих почитаемых наград». В 1879 г. на выставке Императорского Вольного Экономического Общества в Санкт-Петербурге они «с честью соперничали с Финляндскими – как по качеству выставленных предметов молочного производства, так и по числу полученных за них наград» [1]. В последнем десятилетии XIX в. в Вологодском и Грязовецком уездах функционировало «до 100 сырных и сливочно-масляных заводов, с оборотом на 250 000 рублей»; одним из крупнейших был маслодельный завод в с. Фоминском [12, с. 74–75]. Сливочное масло и сыры, произведенные в Вологодской губернии, экспортировались в Европу, в частности в Данию, Великобританию и др. В 1890-х г. К. Х. Риффесталь, инструктор молочного хозяйства из Дании, приглашенный в Россию «по уполномочию Министерства земледелия и государственных имуществ», писал в своем отчете: «Вологда, благодаря работам мастеров, обещает сделаться после Петербурга вторым центром торговли маслом за границей» [12, с. 74; 13, с. 33]. Интересно, что в этот период вологодское масло в Санкт-Петербурге называли «Парижским», а за рубежом – «Петербургским»; «Вологодским» оно стало в 1939 г.

Сейчас бренд «Вологодское масло» развивается очень активно. Причем речь идет не только о сохранении его высокого качества (в 2009 году правообладатели торговой марки «Вологодское масло» учредили некоммерческое партнерство «Гильдия Вологодских маслоделов» с целью обеспечения постоянства и единства особых свойств своего продукта и борьбы с контрафактом и фальсификатами), но и формировании вокруг него определенного культурно-исторического контекста [Вологодское масло]. Еще в 1980 году в здании библиотеки Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н. В. Верещагина (с. Молочное, бывшее Фоминское) был открыт Музей Вологодского масла; в настоящее время существует аналогичный интернет-музей. В феврале 2017 года в Вологде состоялся первый гастрономический фестиваль северорусской кухни «Масляный пир», объединивший четыре гастрономических пир (мясной, рыбный, пироговый и, собственно, масляный);

основная задача данного мероприятия – презентация региона и его самобытного бренда, «Вологодского масла» [Масляный пир]. В том же 2017 году в г. Череповце, на территории дома-музея Василия Верещагина (брата того самого Н. В. Верещагина), в рамках Дня города впервые прошел фестиваль «Сыр в масле», посвященный этим пищевым брендам Вологодской области [Фестиваль «Сыр в масле» провели музейщики Череповца в Вологодской области].

Однако пока обозначенные инициативы и разноплановая информация о данном продукте в сети Интернет существуют разрозненно; нет единого онлайн-ресурса, интегрирующего технологические, исторические и социокультурные стороны бренда «Вологодское масло». Наличие же такой объединяющей площадки могло бы способствовать комплексному информированию целевых аудиторий о бренде, привлечению к участию в сопутствующих культурных мероприятиях и, как следствие, повышению спроса на продукцию не только в Вологодской области, но и за ее пределами.

Среди большого количества «кулинарных» брендов Европейского Севера России возьмем для рассмотрения шаньгу. В. И. Даль определял шаньгу как «род ватрушки, сочня, или простой лепешки», указывая, в том числе, на распространение шанег в северных губерниях, а также в Сибири. Современные исследователи указывают, что слово «шаньга» сложилось в прибалтийско-финских языках и первоначально означало «жниво», «урожай», «вид выпечки». В северных говорах русского языка слово «шаньга» использовалось для обозначения выпечки с начинкой [17, с. 14–15]. Л. А. Черемухина называет шаньгу «вторым по популярности на Севере выпечным изделием» и отмечает, что северяне зовут не только «трескоедами», но и «шанежниками» [16, с. 141].

Несмотря на то что такой вид выпечки характерен для кухни разных народов и само название «шаньга» имеет широкое географическое употребление, именно Республика Коми ведет деятельность по закреплению данного пищевого бренда за своей территорией. По мнению коми исследователей, круглая форма шаньги и ее название соотносилось с солнцем («шбньгей» – солнце в удорском диалекте) [17, с. 114–115]. Еще в 2011 году в рам-

ках национального фестиваля «Сосногорье» (проходит в с. Усть-Ухта Сосногорского района Республики Коми с 2009 года) была приготовлена трехметровая шаньга, самая большая в истории Республики Коми [На «Сосногорье» испекли гигантскую шаньгу]. Это стало традицией села, и в 2018 году главным гастрономическим событием фестиваля была трехметровая брусничная шаньга [Для гостей «Сосногорья» испекут трехметровую шаньгу и сварят 100 литров ухи]. В 2017 году в финно-угорском этнопарке прошел первый гастрономический фестиваль под открытым небом «ШаньгаФест», посвященный коми шаньге. Одной из целей фестиваля было позиционирование шаньги как кулинарного бренда региона. В результате коми шаньга была занесена на «Вкусную карту России», создатель которой – Алексей Козловский – был гостем данного фестиваля [На общенародном пикнике в Ыбе представят бренд Коми – шаньгу]. С 2014 года в Сыктывкаре работает компания «PIROGIPOKOMI», которая позиционирует себя как производителя выпечки по традиционным коми рецептам; в меню, помимо пирогов, есть шаньги с разнообразными начинками. «PIROGIPOKOMI» активно участвуют в городских мероприятиях, предлагая свою продукцию как на коммерческой, так и в некоторых случаях на безвозмездной основе (в качестве спонсора).

В целом, несмотря на наличие некоторых успехов Республики Коми в области формирования данного пищевого бренда, необходимо отметить, что комплексные усилия, объединяющие государственные, коммерческие и некоммерческие структуры вокруг этой сферы, пока не предпринимаются.

В Беларуси продовольственная культура составляет важную часть национальной культуры, имеет богатую историю и многовековые традиции. В белорусской национальной кулинарии тесно переплелись славянские, балтийские, еврейские корни, именно поэтому она считается одной из самых разнообразных в Европе. Характерная особенность белорусской кухни – большое употребление в пищу молочных продуктов; молоко входит в рецепты многих белорусских народных блюд в виде «забелок», «закрас» и «волог» (добавок). Традиции производства молочных продуктов зародились много веков назад и остались актуальными в современных условиях.

Рассмотрим «переработанные» пищевые бренды на примере белорусских молочных изделий. В настоящее время белорусская молочная отрасль является визитной карточкой пищевой промышленности страны. Она специализируется на производстве молока, кефира, творога, масла, сыров, мороженого и других продуктов. Республика Беларусь стабильно входит в пятерку государств, лидирующих по объему экспорта молочных продуктов в мире. Не случайно в число наиболее дорогих белорусских брендов в рейтинге национальных брендов Беларуси «BelBrand 2018 – ТОП 100 белорусских брендов» входят два молочных бренда – «Бабушкина крынка» и «Савушкин», идентичность которых построена на народных традициях производства молочных продуктов [9].

Бренд «Савушкин» был создан в 2001 году (тогда он назывался «Савушкин продукт») и стал первым молочным брендом в Беларуси. После ребрендинга 2014 года название «Савушкин продукт» было изменено на «Савушкин», изменился логотип и фирменный стиль, появился слоган «Всегда из свежего молока». Новое название ассоциируется со старославянским именем Савушка (уменьшительно-ласкательное от Савелий, Савва); образ Савушки является символом хранителя вековых народных традиций производства натуральных молочных продуктов.

Особое внимание «Савушкин» уделяет молочным продуктам, которые характерны для белорусской народной традиции – молоку, маслу, сметане, творогу, простокваше, ряженке. В 2003 году компания начала производить зерненный творог «101 зерно», основанный на традициях приготовления творога в Беларуси, что помогло компании стать известной и получить большую популярность на рынке Российской Федерации. В настоящее время компанией производится сыр творожный, творог зерненный, творог классический, творог мягкий, творог рассыпчатый «Савушкин хуторок» (суббренд, идентичность которого также основана на белорусских народных традициях). Еще один бренд компании – «Брест-Литовск», название которого основано на топонимике, связано с историческим названием города Бреста, где и находится компания. Под этим брендом производятся такие традиционные молочные продукты как простокваша, ряженка, молоко, сметана.

Еще в 2005 году было заявлено о социальной программе компании под названием «Савушкин – за здоровье нации» [8]. В настоящее время брендом реализуется проект «Молочная академия: вместе к здоровью и успеху», призванный привлечь внимание школьников к употреблению молочных продуктов. В 2018 году в Бресте компанией был проведен третий молочный фестиваль «Облака молока», целью которого является развитие традиций производства и потребления молочных продуктов; фестиваль собрал 50 000 посетителей из Беларуси и других стран.

Другим признанным лидером молочного рынка является компания «Бабушкина крынка» из Могилева, идентичность бренда которой также построена на традициях изготовления молочных продуктов. На сайте компании указано, что «название бренда, идентичное с организацией-производителем, транслирует взаимосвязь с качественными молочными продуктами: крынка, или глиняный горшок, у большинства потребителей ассоциируется с парным молоком, а образ бабушки – с семейными ужинами в деревне, гостеприимностью и стремлением подавать к столу все самое лучшее» [10]. На логотипе бренда изображена женщина, которая наливает молоко в кружку ребенку, что вызывает ассоциации с исторической традицией употребления молока в Беларуси, воспоминаниями детства, семейными ценностями. Слоган бренда «Добрая традиция каждого дня!» также соотносится с традициями употребления молочных продуктов.

Бренд «Бабушкина крынка» каждый год принимает участие в одном из крупнейших фестивалей Беларуси – «Александрия собирает друзей», приуроченном к древнему народному празднику белорусов – Купалье. Специалисты компании считают важным, чтобы молодежь не забывала свою национальную культуру, а этот фестиваль позволяет соединить вместе исторические традиции употребления молочных продуктов и празднование Купалья. «Бабушкина крынка» принимает участие и в историческом фестивале «Рыцарский фест», который проходит в городе Мстиславле. В рамках фестиваля компания «Бабушкина крынка» организует выступления рыцарей клуба исторической реконструкции «Могилевская дружина» и параллельно представляет свою молочную продукцию.

По нашему мнению, молочные продукты в ближайшей перспективе станут основой реализации планов по развитию гастрономического туризма в Республике Беларусь. В настоящее время государством и бизнесом предпринимаются действия, направленные на подготовку предложений по гастрономическому туризму, который до настоящего времени в Беларуси особо не развивается.

«Кулинарные» бренды Беларуси мы рассмотрим на примере хлеба и хлебобулочных изделий. Особая гордость национальной кухни – традиционный белорусский хлеб, который выпекается из ржаной муки без дрожжей, на специально выращенной закваске. На протяжении веков ржаной хлеб был основным продуктом питания у белорусов; по весу такой хлеб более тяжелый, имеет приятную вкусовую «кислинку». В настоящее время белорусская хлебная промышленность возродила многие старинные рецепты, в том числе и те, в которых применяются разные добавки: тмин, льняное семя, семечки.

Признанным хлебным брендом для жителей Беларуси и гостей страны является хлеб под названием «Нарочанский», название которого напоминает о жемчужине Беларуси – самом большом в стране озере Нарочь. Современный «Нарочанский» хлеб печется по старинным рецептам из смеси сеяной ржаной муки и пшеничной муки с добавлением ржаного солода, патоки, тмина, сухого картофельного пюре и другого сырья. Именно этот хлеб везут из Минска в разные страны мира в качестве сувенира. Также «Нарочанский» хлеб экспортируется в другие страны благодаря новой технологии замораживания в шоковых камерах, позволяющей перевозить его на большие расстояния; при этом размороженный хлеб практически не отличается от свежее испеченного по вкусу и виду.

В городе Сморгонь Гродненской области издавна существует хлебобулочный бренд – абаранки (местная разновидность баранок). Традиция выпечки абаранок имеет длительную историю: известно, что абаранки в Сморгони выпекали еще в XVII в., когда в городе функционировала известная «Медвежья академия», основанная магнатами Радзивиллами, дрессировщиками медведей. Местные историки считают, что абаранками в XVII–XVIII в. кормили медведей из радзивилловской «Мед-

вежьей академии», а потом рецепт их приготовления был использован для питания людей. В XIX в. абаранки были известны уже за пределами Беларуси и считались местной достопримечательностью. В Сморгони в XIX – начале XX вв. большое количество пекарен выпускали этот местный вид баранок, непременный атрибут ярмарок. Данный бренд тесно связан и с историей «Медвежьей академии» (на гербе города Сморгони также изображен медведь). В течение XX в. абаранки практически не производились, но сейчас традиция их выпекания восстанавливается силами сморгонских энтузиастов и специалистов «Сморгонского хлебозавода». В 2017 году в городе прошел фестиваль-ярмарка «Сморгонские абаранки», который напомнил об известном местном историческом продуктовом бренде; в историко-краеведческом музее Сморгони было организовано театральное представление, посвященное истории абаранок. В планах местного сообщества дальнейшее развитие бренда, в том числе проведение фестивалей с целью его популяризации, развития производства и реализации продукции. Возрождение традиции производства абаранок имеет большое значение для реализации планов по развитию бренда Сморгони и Сморгонского района, имеющих богатую историю и потенциал привлечь внимание туристов.

Традиционным историческим напитком белорусов считается квас, который много веков производился жителями страны в качестве основного напитка. Рецепт его приготовления основан на сбраживании хлеба или злаков (ячмень, рожь), в основе – натуральное зерновое сырье и чистая вода. В настоящее время большую популярность приобрел бутилированный квас ведущих производителей страны. Самым известным брендом считается квас, произведенный в городе Лида предприятием «Лидское пиво». Напитки производятся в Лиде издавна: бровары впервые упоминаются в документах Великого Княжества Литовского еще в XVI в. Известно, что лидские жители вместе с Магдебургским правом получили разрешение на строительство пивного завода еще в 1590 году. А в 1876 году Носелем Пупко (предприниматель, купец второй гильдии) был построен лидский пивной завод (сейчас – ОАО «Лидское пиво»). В 1903 году завод получил серебряную медаль на Международной выстав-

ке в Реймсе (Франция). Первое упоминание о производстве лидского кваса относится к 1920 году [11]. В 1937 году завод начал выпускать газированную воду и стал называться «М. и С. Пупко, солодовня и производство газированных вод в Лиде».

В 2006 году завод первым в стране стал выпускать бутилированный квас. В настоящее время квас из Лиды пользуется большой популярностью у жителей Беларуси и экспортируется в целый ряд зарубежных стран. В 2018 году в Лиде состоялся четвертый фестиваль хмеля, солода и воды LIDBEER, на котором была представлена продукция предприятия, в том числе и квас. Фестиваль проходил рядом с известным историческим объектом Беларуси – Лидским замком, построенным в XIV веке по указанию князя Гедимина. Кроме того, в целях развития бренда и реализации программы геобрендинга на предприятии проводятся экскурсии, в рамках которых посетители могут познакомиться с историей изготовления напитков в городе Лиде, принять участие в дегустации. Древняя история города Лида в сочетании с традициями производства напитков позволяет рассчитывать на дальнейшие перспективы развития бренда города, над которым сейчас работают местные энтузиасты.

Таким образом, проанализированные в статье коммуникативные практики России и Беларуси, довольно близких культурно и исторически, но географически отдаленных (в частности, территория Европейского Севера России), подтверждают важность и перспективность использования культурно-исторического потенциала в процессе формирования и продвижения местных пищевых брендов, а также развития гастрономического туризма. В то же время далеко не все пищевые бренды эффективно используют данную возможность в процессе завоевания потребительского рынка.

Список источников

1. Архангельское филе трески вновь подтвердило соответствие стандартам Роскачества // Region29.ru URL: <https://region29.ru/2017/07/10/596344432817ca358800834d.html> (дата обращения: 12.01.2019)
2. Филе трески производства ООО «Ягры» награждено Знаком качества // Region29.ru URL: <https://region29.ru/2016/09/23/57e5100c2817cadd5300834d.html> (дата обращения: 12.01.2019)

3. 5 поморских брендов из Архангельска // Arhangelsk.vibirai.ru URL: https://arhangelsk.vibirai.ru/articles/5_pomorskih_brendov_iz_arhangelska-2345466 (дата обращения: 12.01.2019)
4. Доска Треска // ВКонтакте URL: <https://vk.com/doskatreska> (дата обращения: 12.01.2019)
5. Вологодское масло // Официальный портал Правительства Вологодской области URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/brendy/vologodskoe_maslo/ (дата обращения: 13.01.2019)
6. Масляный пир // Национальный календарь событий URL: <http://eventsinrussia.com/event/15674> (дата обращения: 13.01.2019)
7. Фестиваль «Сыр в масле» провели музейщики Череповца в Вологодской области // otr-online.ru URL: <https://otr-online.ru/news/festival-sir-v-84403.html> (дата обращения: 13.01.2019)
8. На «Сосногорье» испекли гигантскую шаньгу // БНК URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/9357/> (дата обращения: 14.01.2019)
9. Для гостей «Сосногорья» испекут трехметровую шаньгу и сварят 100 литров ухи // БНК URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/82779/> (дата обращения: 14.01.2019)
10. На общенародном пикнике в Ыбе представят бренд Коми – шаньгу // КомиОнлайн URL: <https://komionline.ru/node/77395> (дата обращения: 14.01.2019)

Библиографический список

1. Арсеньев Ф. А. Выватка молочных продуктов и рогатого скота в г. Вологде // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. № 81 (15 октября 1881 г.)
2. Аруев Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. 1928. Вып 5. С. 1–11.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2: Северо-Восточные губернии. Ч. 3: Вологодская губерния. СПб., 1850.
4. Денисов В. И. Ярмарки. СПб., 1911.
5. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877.
6. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984.
7. Отчет о состоянии губернии за 1844 год. // Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 514.
8. Официальный сайт «БЕЛТА». URL: <https://www.belta.by/society/view/pervoe-zanjatie-molochnoj-akademii-proshlo-v-stolichnoj-gimnazii-56-318135-2018/> (дата обращения: 08.01.2019).

9. Официальный сайт компании «MPP Consulting». URL: <http://www.mppconsulting.com.ua/ukrbrand/belbrand2018.html> (дата обращения: 28.12.2018).
10. Официальный сайт ОАО «Бабушкина крынка». URL: <http://babushkina.by/> (дата обращения: 02.12.2016).
11. Официальный сайт ОАО «Лидское пиво». URL: <https://lidskae.by/nasha-gistoriya/2-2/> (дата обращения: 08.01.2019).
12. Памятная книжка Вологодской губернии на 1893–1894 годы. Вологда, 1893.
13. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Ч. 1. Вологда, 1896.
14. Степановский И. К. Маслоделие – богатство Севера. Вологда, 1912.
15. Сюткина О., Сюткин П. Непридуманная история русских продуктов. От Киевской Руси до СССР. М., 2014.
16. Черемухина Л. А. Северная кухня. Архангельск, 2013.
17. Чудова Т. И. Кухня коми (зырян): Этнографический словарь. Сыктывкар, 2008.

References

1. Arsen'yev F. A. Vystavka molochnykh produktov i rogatogo skota v g. Vologde [Exhibition of dairy products and cattle in Vologda]. *Vologodskiy gubernskiy vedomosti. Neofitsial'naya chast'* [Vologda provincial Gazette. The unofficial part], no. 81 (15 oktyabrya 1881 g.) (In Russ.)
2. Aruyev N. Krest'yanskiye svad'by v dorevolutsionnoye vremya okolo gor. Sol'vychegodska [Peasant weddings in pre-revolutionary times around the mountains. Solvychegodsk]. *Zapiski Severo-Dvinskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraya* [Notes of the North Dvina Society for the Study of the Local Territory], 1928, no. 5, pp. 1–11. (In Russ.)
3. *Voyenno-statisticheskoye obozreniye Rossiyskoy imperii* [Military statistical review of the Russian Empire]. T. 2: Severo-Vostochnyye gubernii [Northeastern Provinces]. Ch. 3: Vologodskaya guberniya [Vologda Province]. SPb., 1850. (In Russ.)
4. Denisov V. I. *Yarmarki* [Trade fairs]. SPb., 1911. (In Russ.)
5. Yefimenko P. S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on the ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province]. Moscow, 1877. (In Russ.)
6. Maksimov S. V. *God na Severe* [Year in the North]. Arkhangel'sk, 1984. (In Russ.)
7. Otchet o sostoyanii gubernii za 1844 god [Report on the state of the province for 1844]. *Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti* [State Archives of the Arkhangelsk region]. F. 1. Op. 4. T. 1. D. 514. (In Russ.)

8. *Ofitsial'nyy sayt «BELTA»* [«BELTA» official website]. (In Russ.). Available at: <https://www.belta.by/society/view/pervoe-zanjatie-molochnoj-akademii-proshlo-v-stolichnoj-gimnazii-56-318135-2018/> (accessed: 08.01.2019).
9. *Ofitsial'nyy sayt kompanii «MPP Consulting»* [«MPP Consulting» official website]. (In Russ.). Available at: <http://www.mppconsulting.com.ua/ukrbrand/belbrand2018.html> (accessed: 28.12.2018).
10. *Ofitsial'nyy sayt OAO «Babushkina krynka»* [Official site of OJSC «Grandma's Krynka»]. (In Russ.). Available at: <http://babushkina.by/> (accessed 02.12.2016).
11. *Ofitsial'nyy sayt OAO «Lidskoye pivo»* [Official website of OJSC «Lidsky beer»]. (In Russ.). Available at: <https://lidskae.by/nasha-gistoryiya/2-2/> (accessed 08.01.2019).
12. *Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1893–1894 gody* [The memorial book of the Vologda province for 1893–1894]. Vologda, 1893. (In Russ.)
13. *Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1896–1897 gg.* [The memorial book of the Vologda province for 1896–1897]. Ch. 1. Vologda, 1896. (In Russ.)
14. Stepanovskiy I. K. *Maslodeliye – bogatstvo Severa* [Maslodelie – the wealth of the North.]. Vologda, 1912. (In Russ.)
15. Syutkina O., Syutkin P. *Nepriumannaya istoriya russkikh produktov. Ot Kiyevskoy Rusi do SSSR* [Uninvented history of Russian products. From Kievan Rus to the USSR]. Moscow, 2014. (In Russ.)
16. Cheremukhina L.A. *Severnaya kukhnya* [Northern cuisine]. Arkhangel'sk, 2013.
17. Chudova T.I. *Kukhnya komi (zyryan): Etnograficheskiy slovar'* [Komi Cuisine (Zyryan): Ethnographic Dictionary]. Syktyvkar, 2008. (In Russ.)

Д. Л. Морозова

**Почтовая открытка как элемент культуры
повседневности XIX в. (на примере альбомов «Вторники»
Ф. Г. Беренштама 1895–1900 гг.)***

Статья содержит обзор видовых западноевропейских и отечественных почтовых открыток конца XIX века, представленных на страницах пяти альбомов «Вторники». Альбомы заполнялись участниками еженедельных встреч, которые проходили в квартире художника-графика, архитектора Ф. Г. Беренштама на протяжении пяти лет (1895–1900). Открытки присылались в Санкт-Петербург из других городов России, Италии, Франции, Швеции, Эстонии, Грузии, Украины, Швейцарии. Всего 30 экземпляров. Весьма значимы представляются комментарии адресантов – это богатый материал для изучения культуры повседневности конца XIX столетия.

Альбомы на сегодняшний день являются неопубликованными и содержат уникальные свидетельства своей эпохи. Статья дополняет материал, введенный в научный оборот в предшествующие годы.

Ключевые слова: открытка, открытое письмо, вторник, Беренштам, альбом, еженедельные встречи.

D. L. Morozova. Postcard as an element of the culture of everyday life of the XIX century (by the example of the «Tuesdays» albums by F. Bernstamm of the 1895–1900)

The article contains an overview of specific West European and Russian postcards of the late XIX century, which are represented on pages of five «Tuesdays» albums. The albums were filled up by members of the weekly meetings that were taken place in the apartment of a graphic artist and architect F. Bernstamm for five years (1895–1900). Postcards were sent to St. Petersburg from other cities of Russia, Italy, France, Sweden, Estonia, Georgia, Ukraine and Switzerland. There are 30 copies only. The addressers' comments are very significant. It is a rich material for a study of the culture of the late XIX century everyday life.

© Морозова Д. Л., 2019

* *Примечание:* работа выполнена под руководством доктора философских наук, профессора Е. В. Листвиной.

At the moment albums are unpublished and they contain the unique evidence of its time. The article will supplement the material introduced into scientific use in previous years.

Keywords: *postcard, open letter, Tuesday, Bernstamm, album, weekly meetings.*

Временем появления почтовой открытки традиционно считается XIX век. На протяжении многих лет к открытке сохраняется интерес коллекционеров, в то время как ее прямое утилитарное значение сведено к минимуму.

В России среди первых русских издательств, которые стали выпускать иллюстрированные открытки, нужно отметить «Комитет попечения о сестрах милосердия русско-турецкой войны», более известный под названием «Община святой Евгении». Именно эта организация впервые в российской истории начала издавать самые различные открытки большими тиражами и, таким образом, сыграла исключительную роль в становлении и развитии отечественной открытки в начале XX века. Первые открытые письма Общины были отпечатаны в 1898 году [1].

В 1904 году Община Святой Евгении стала издавать журнал «Открытое письмо» – первое русское периодическое издание об открытках. Его редактором стал известный график и архитектор, директор Библиотеки Академии художеств Федор Густавович Беренштам.

В его квартире на Васильевском острове в Санкт-Петербурге в период с 1895–1900 гг. по вторникам собирались его друзья – яркие представители эпохи, имена многих из них сегодня занимают значимое место в русской культуре. Интересно упомянуть, что гостями «вторников» были сестры Шнейдер: Александра – художник, которая писала сюжеты для открыток Общины Святой Евгении; Варвара – художник, собирательница этнографических коллекций, в том числе ею собрана богатейшая коллекция открыток.

Свидетельством этих встреч стали пять дошедших до нас альбомов, в которых расписывались, шутили, рисовали участники вечеров. Помимо этого альбомы представляют богатый материал, позволяющий говорить об открытках конца XIX – начала XX века. Отправляясь в путешествия, особенно в период

весенне-летнего сезона, и, не имея, таким образом, возможности посетить встречу, участники заводят традицию отправлять «вторнику» приветствие. Так, в альбомах собралась разнообразная коллекция зарубежных и отечественных открыток обозначенного периода. Все пять альбомов хранятся в фондах музея-усадыбы Н. Г. Чернышевского в Саратове.

В альбомах открытки распределены неравномерно: в первом альбоме открытки отсутствуют, второй содержит 12 вложений, третий – 3, в четвертом их представлено 16, в пятом – 10. Самые ранние открытки в альбомах датируются 1897 годом, произведены зарубежными издателями.

Самую большую группу составляют видовые открытки. Именно они будут рассмотрены в статье.

В связи с тем что большую часть открыток нельзя изъять из альбома, анализ открыток проводился по лицевой стороне, поэтому не у всех экземпляров известен издатель. Адресанты наносят текст на лицевую сторону, заранее предполагая, что открытка будет помещена в альбом.

В статье для удобства анализа открытки сгруппированы по странам.

Италия

Череду итальянских открыток начинает присланная Светланой и Константином Первухиными из Вены во время путешествия по Европе летом 1897 года: «*Вчера приехали и очень несчастливо – оказывается вчера былъ праздникъ 29 число Петра и Пав. И все было заперто*» [7]. Цветная рисованная открытка содержит четыре сюжета, один из которых вынесен в заглавие: «*Venedig in Wien (Венеция в Вене)*». Венский парк развлечений «Венеция в Вене» стал одним из первых тематических парков мира. Он был открыт 18 мая 1895 года в Пратере [12]. Центральным изображением открытки стали входные ворота в парк. Правую сторону занимает отлитый из золота крылатый лев, держащий книгу, – этому сюжету Первухины посвятили четверостишие:

*Бедный левъ Святого Марка
В шутовскомъ наряде Венскомъ
На позоръ на «Praterstern»'е
Выставленъ для назиданья.
Есть каналы – все изъ пива*

*Иль другого суррогата
Только очень пахнутъ пивомъ
И по нимъ плывутъ вондалы –
Плачет бедный левъ от злости,
И съ полъ сотней итальянцевъ
Распеваеъ canzo netti
На потеху добрыхъ венцевъ.*

Из этой же поездки Первухиными вторнику адресована открытка фирмы Römmler & Jonas, Dresden. На ней размещена черно-белая фотография площади Св. Марка (piazza S. Marco) в Венеции. Здесь адресанты приводят некоторое резюме путешествия: *«Нетъ въ конце концовъ приходится сознаться, что и на этотъ разъ намъ не по вкусу Вена. Ничего не поделаешь. И право рады радехоньки что добрались до Венеции вчера въ одиннадцатъ ночи»* [7].

«Приветъ Вторнику, милымъ хозяевамъ и всемъ его посетителямъ» [7] от С. и К. Первухиных размещен на странице альбома от 19 августа 1897 года. Это мультивидовая цветная рисованная открытка из Капри фирмы Richter & Co (Napoli). Среди изображений можно увидеть плывущую по морю яхту, дальний план острова и, предположительно, виллу Тиберия. Рядом с открыткой в альбом вклеена высушенная веточка, рядом с которой посетителем вторника написано: *«а вереск не изъ Капри а изъ Клиновъ»*.

Следующая итальянская открытка «Воспоминание о Неаполе (Ricordo di Napoli)» также выпущена фирмой Richter & Co, Napoli. Цветная рисованная открытка разворачивает панораму города Неаполя на побережье. Рядом, в небольшом ромбе, выделены горы и плывущий парусник, от руки приписано: Капри. И пояснения К. Первухина: *«Такая досада не нашель въ Неаполе сегодня хорошенькой картины приходится посылать гадкую ..., но зато на картинке ... и Капри и Неаполь»* [7].

Предпоследняя за 1897 год открытка из Италии не содержит имени адресанта, но вероятнее всего, прислана тоже семьей Первухиных. На лицевой стороне издательство не указано, но поясняется изображение – цветной рисунок «Ponte Sospiro» Venezia («Мост Вздохов» Венеция). Интересно, что отправитель

зачеркнул «Венецию» как место своего пребывания и рядом написал «Саргі»:

*Объ Венеции тоскуя,
Въ честь ея, въ воспоминанье,
Съ вздохомъ «Вздоховъ мостъ» Вамъ шлю я
Изъ Каприйскаго изгнанья [7].*

Этот венецианский мост через Дворцовый канал, будучи построенный в 1602 году [4] Антонио Конти в стиле барокко и получивший такое романтическое название, соединял здание Дворца дождей, в котором располагались зал суда и здание тюрьмы.

От подруги В. А. Беренштам *«милой Вере»* [8] прислан *«сердечный приветъ»* из Милана. Проставленная дата – *«26/14 марта 97 г.»*. Цветные рисунки на открытке *«Ricordo di Milano (Воспоминание о Милане)»* посвящены достопримечательностям города: памятник итальянскому политическому деятелю рисорджименто Джузеппе Гарибальди (Monumento a G. Garibaldi), появившийся там в 1895 году, изображает народного героя Италии на высоком постаменте верхом на коне, а ниже – аллегорические фигуры Революции и Свободы; *«Duomo»* – кафедральный собор Дуомо готического стиля из белого мрамора с многочисленными шпилями расположен в сердце города – на Соборной площади. Его строительство велось несколько столетий, начиная с XIV в., когда был заложен фундамент, в нач. XIX в нем состоялась коронация Наполеона I, но отделка продолжалась вплоть до сер. XX в. Памятник первому королю единой Италии Виктору Эммануилу II (Monumento Vittorio Emanuele II) работы Эрколе Роза был установлен там же, на площади Дуомо, в 1896 году и моментально попал на открытки. Король тоже восседает верхом на коне, постамент украшен многофигурным барельефом, а у подножия – скульптура лежащего льва со щитом. Завершающим стало изображение *«Monumento Cinque Giornate»* – «Памятник пяти дням» работы Джузеппе Гранди, посвященный событиям 1848 года в Милане, когда во время пятидневного восстания на баррикады вышли жители города, в том числе женщины и дети. Памятник представляет собой высокую стелу с пятью бронзовыми фигурами вокруг, олицетворяющими дни сражений.

Каприйская открытка, присланная Первухиными от 26/14 октября 97 г., содержит такие интересные наблюдения:

*Осень сильно изменила
Наше Капри. – Мы грустимъ.
И готовимся въ дорогу
Въ старый вечный городъ Римъ [8].*

Чуть менее половины открытки занимает черно-белая фотография «Marina Grande» – порт Марина Гранде – линия белоснежных разноуровневых зданий и множество пришвартованных лодок. От фотографии ведет стрелка и рукой приписано «нашъ балконъ».

Очень необычный интересный экземпляр прислан К. Первухиным из Венеции ко вторнику 20 июля 1899 года – это складная трехчастная открытка [6] издателя «Stengel & Co., Dresd.» (Штенгель и Ко) «Berlino. 11621 М», на которой черно-белая фототипия с панорамой Венеции – водная гладь, которую пересекают множество судов и маленьких лодок, а дальше простирается город.

Лазоревый, или голубой, грот «Grotta Azzurra» с «*последним приветом съ Капри*» от Первухиных прислан ко вторнику 7 сентября 1899 года. Открытка выпущена издателем «bng Römmler & Jonas, Dresden» под номером 8810. Голубой грот можно назвать главной приметой острова – свет попадает в пещеру через небольшое отверстие, придавая воде яркий лазоревый цвет. Впечатление от увиденного воплотилось в четверостишии, написанном на открытке:

*В этомъ гроте голубом
Даже мысли голубья...
Плескъ волны о камни въ немъ
Навевает сны златыя [6].*

Очередная открытка с «воспоминанием о Капри» [5] (Ricordo di Capri) издательства Römmler & Jonas, Dresden № 8808 размещена на странице 5 октября 1899 года, что любопытно – в день открытия зимнего сезона. С лицевой стороны открытка не подписана. На черно-белой фотографии, почти в размер открытки, панорама «Marina piccola» – Бухта Марина Пиккола – каменистый склон с руинами и бегущей вверх лестницей. По размеру экземпляр значительно больше стандартной открытки, на обороте пометка «Cartolina gigantesca» («открытка-гигант»).

Франция

На тематическом «французском» вторнике «*Vive la France!!!*» – Да здравствует Франция! – размещена открытка [7], имеющая порядковый номер 227: Версаль (Versailles) – Le Petit Trianon (Малый Трианон) – Le Temple de l'Amour (Храм Любви). На первом плане Храм любви, представляющий из себя открытую колоннаду с небольшим куполом, в центре которой копия скульптуры Бушардона «Амур, вырезающий себе лук из палицы Геркулеса» [2], дальше среди деревьев виднеется здание дворца.

Ко вторнику 11 апреля 1900 года пришла открытка [5] из Парижа от Э. Визеля. Открытка под номером 70 неизвестного издательства. «Boulevard Sébastopol» – Севастопольский бульвар, названный в честь победы Франции при осаде Севастополя в рамках Крымской войны (1853–1856). На бульваре оживленное движение: гуляющие люди и вереницы извозчиков.

Швеция

Коллекцию открыток из Швеции составляют экземпляры издателя Axel Eliassons Konstförlag, Stockholm, присланные хозяином вторников Федором Беренштамом, путешествующим в компании брата жены Николая Пыпина.

В качестве иллюстрации на открытках использованы акварели известной шведской художницы Анны Пальм де Роса (1859–1924), о чем свидетельствует подпись «Anna Palm». На первой открытке [7] – по протоке плавают множество лодок, вдали на берегу виднеется город. Открытка датирована в типографии: «Stockholm Utställningen 1897 (Стокгольмская выставка 1897)». В мае-сентябре 1897 года в Стокгольме проходила художественно-промышленная выставка, бывшая частью торжеств, посвященных 25-летию правления короля Оскара II. Для этого в Юргордене, острове в центре Стокгольма, в довольно короткие сроки были возведены специальные здания и павильоны для размещения экспонатов. И, очевидно, была подготовлена серия тематических открыток. Общее число экспонентов на выставке составило 3736, среди них 305 русских. По подсчетам шведской администрации, выставку посетили 2 360 400 чел., из них не менее 20 тыс. посетителей было из России [9]. Участие в выставке Ф. Беренштама не установлено, но ее посетителем он вполне мог оказаться, так как закрытие выставки состоялось 21

сентября (3 октября) 1897 г., а открытка адресована вторнику 26 августа 1897 года.

Вторая открытка [7], также с иллюстрацией А. Пальм – мультивидовая. На ней изображена одна из достопримечательностей Стокгольма – подъёмник со смотровой площадкой – Катаринахиссен (Katarinahissen), построенный в 1880-е гг. Второй сюжет открытки не случайно назван «Utsigt från Katarinahissen» (вид с Катаринахиссен) – панорама города с высоты 38 метров [11]. Впоследствии подъёмник будет перестроен, его современный вид несколько отличается от изображения на открытке. Интересно, что послание вторнику на этой открытке зашифровано – представлено в виде ребуса.

Эстония

«Привет из Меррекюля (Gruß aus Merreküll)» [7] – мультивидовая открытка издательства Karl Unger Buchb. Jurieff (Dorpat) – Карл Унгер Бухб. Юрьев (Дерпт). И Меррекюль, и Тарту (бывш. Юрьев) – территория современной Эстонии. На открытке нецветные изображения: русская церковь (die russische Kirche) – так прозвали православный храм в честь Казанской иконы Божией Матери; музыкальная капелла на лугу (die Musikkapelle auf der Wiese); игровая площадка (der Spielplatz). В альбоме эта открытка датирована 21 июля и размещена на развороте вторника от 22 июля 1897 года. Прислана она Николаем Пыпиным, подписавшим: *«Шлю привет веселому вторнику. Время летит быстро и весело. Кланяюсь всем».*

Следующий «Gruss aus Merreküll» [5] (Привет из Меррекюля) поступил от В. Б., вероятно Веры Беренштам 24 июля 1900 года. Мультивидовая открытка с цветными изображениями выпущена издателем Carl Unger, Dorpat (Карл Унгер). Два изображения названы «Strandbild», то есть изображение пляжа, только на одном – причал, лодки и полоса леса, который отражается в воде, а на другом – лесная зелень переходит в песчаную полосу, которую сменяет водная гладь. Третье изображение «Strand mit Scala» (пляж со скалой) – на фоне обрыва часть пляжа с огромными валунами, на одном из которых сидит девушка, мужчина стоит рядом. На заднем плане, в воде, стадо коров.

«Еще один приветъ милымъ гостямъ «Вторника» изъ приветливаго Меррекюля» [5] отправлен 30 июля 1900 года с интересным замечанием:

Купанье здесь – малина.

На дне песокъ и глина...

Данные об издателе выглядят следующим образом: «18966 Photogr. Gbr. Christin.». Из трех цветных изображений два в точности совпадают с предыдущей открыткой, имея несколько иные названия – «Strand» (пляж с причалом) и «Klint in Udrias», т.е. клинт в Удриасе (соответствует «пляжу со скалой»). Удриас – это деревня близ Меррекюля, клинтом называют голые открытые плато, сложенные горизонтальными пластами известняка [3]. Третье изображение – «Waldkapelle», т.е. лесная часовня – лютеранская каплица, сложенная из бревен.

Грузия

Ф. Г. Беренштам родом из Тифлиса, периодически он принимал туда поездки, присылая жене письма, телеграммы и открытки. Но, примечательно, что в альбом помещены тифлиские открытки, присланные и другими участниками.

Первый «*привет вторнику из Тифлиса*» [7] размещен на странице от 13 октября 1898 г. Этническая черно-белая рисованная открытка, изображающая местных жителей в национальной одежде и сцены из жизни. Открытка подписана «Ваши тифлиscopy».

Николай Пыпин подписывает открытку Открытого почтового союза (Открытое письмо) для вторника «*10-аго ноября. 12 ч. ночи*» [6]. «*Всем кланяюсь и приветствую вторник 17-аго*». Автор рассчитывает, что открытка пробудет в пути примерно неделю. Также он отмечает, что и ему высылаются некоторые материалы: «*с удовольствием жду продолжения фотографической галереи*». По оформлению открытка аналогична прежней, возможно они составляют серию. Здесь изображен «Grousine» – кавказский мужчина с ружьем через плечо, на его руке сидит, вероятно, сокол, а у ног спит охотничий пес. Второе изображение – «*Vue générale de Tiflis*», что с французского означает «общий вид Тифлиса» – вид с возвышенности на множество крыш небольших домов. И «*Monument Worongoff*» – памятник первому наместнику на Кавказе (периода второго наместничества) рус-

скому государственному деятелю Михаилу Семеновичу Воронцову. Это был первый памятник, установленный в Тифлисе, его открытие состоялось в 1867 г., но в 1923 г. он был уничтожен. Эта открытка повторяется дважды, только второй экземпляр будет получен 5 января 1899 г., а надпись гласит: *«Поздравляю вторник с Новым годом»* [6].

Открытка Открытого письма из той же серии, датированная 17 ноября, размещена на странице вторника от 24 ноября 1898 г. Интересно, что продолжается переписка между путешественником и участниками вечеров: *«Целую вторник. Последние жанровые картинки делают честь фотографии и оригиналам. За продолжение столь-же талантливых произведений, если они будут, вышлем премии. Ваш Ник. П.»* [6]. Из нескольких сюжетов на первой изображен армянский мужчина в национальной одежде, второй – *«Vue générale de Tiflis. Mont David»*, т. е. «Общий вид Тифлиса. Гора Давида», где у изножья Святой горы, названной так в честь святого апостола Давида Гареджийского, раскинулся город. И татарский квартал (Quartier tartare), где на горе виднеется Цитадель.

Очередная открытка [5] из Тифлиса прислана Ф. Беренштамом, Д. Пыпиным и их друзьями 31 августа 1899 года, посвящена она снова *«Monument Woronzoff»* – М. Воронцову, но выполненная в другой стилистике: открытка вертикальная – рисованная, цветная. Издательство *«Impr. Granbergs K. A. Stock-holm»* («Гранберг, Г.К.А., Стокгольм»).

Крым

Вероятно, запоздалая открытка [7] Ольги Соминой от 23 сентября 1897 года размещена на последней странице альбома *«Летних вторников»* – уже после закрытия сезона (30 сентября). Это первый в альбоме экземпляр из Крыма – мультивидовая открытка с тремя черно-белыми фотографиями Гурзуфа: «общий вид» города; фонтан *«Первая любовь»* – две детские фигуры под дождевым зонтом; «цветники». Издатель открытки на лицевой стороне не указан.

Открытка из серии *«Виды Крыма»* одесского издателя (содержатся надписи *«LIT. W. GIESSER ODESSA»* и *«ПЕЧ. Е. Руфь ОДЕССА»*) прислана М. Чернышевским с сообщением: *«Пока собственные виды еще не готовы посылаю Вторнику этот чужой»*.

Все́м по покло́ну и по кусо́чку южна́го солнца и нескáлько гра́дусовъ те́пла» [6]. Открытка размещена на странице альбома от 22 июня 1899 года. Это рисованная открытка художника «Н. Б.», где с живописной природой гармонично сочетается достопримечательность – Байдарские ворота – горный перевал через гряду Крымских гор. Вниз по дороге спускается девушка, держащая на голове кувшин.

Украина

Открытка – магазинъ Э. Э. Блумбергъ, Днепропетровскъ – прислана Михаилом Чернышевским из Екатеринослава. Ныне это город Днепропетровск. Черно-белая фототипия – панорама города с множеством крыш и церковью, на заднем плане река. Открытка датирована воскресеньем 27 июня: *«Поспеетъ или не поспеетъ ко Вторнику?»* [6]. Пришло послание вовремя или задержалось, но оно все же размещено на странице ближайшей встречи – от 29 июня 1899 года.

На вторнике от 4 января 1900 года экземпляр [5] из Екатеринослава того же издателя с новогодними поздравлениями для Верочки, Феди и всех посетителей вторников с видом на Костел Святого Иосифа и проспект, по которому прогуливаются люди.

Россия

По-своему интересна единственная московская открытка за 1898 год – «Moscou» [6]. Все пояснительные записи здесь на французском языке. В верхней части цветной рисунок: панорама города через реку Москву с возвышающимися куполами церкви и красными башнями Кремля с надписью «Kremlin». Слева в обрамлении цветов в прямоугольной рамке Красная площадь со Спасской башней и храмом Василия Блаженного – «Place rouge avec la porte sainte» – вид от святых ворот, видимо, речь идет о Воскресенских воротах. Издатель открытки «Sachs & Jarres. Moscou», порядковый номер 2098.

Германия

Бад Киссинген – небольшой баварский курортный городок. «Gruss aus Bad Kissingen» [6], т. е. привет из Бад Киссингена, прислан *«от всех нас. – Саша»* 16/4 июня 1899 года. Недалеко от этого места находятся руины старинного замка, которым и посвящена открытка: река или дамба, или каменный мост, в

окружении раскидистых деревьев, вдалеке горы, покрытые лесом. Подписано: «Blick auf die Bodenlaube» (Вид на Боденлаубе). Этот замок, построенный, как принято считать, около 1180 года, с 1220–1242 гг. был владением крестоносца Отто фон Ботенлаубена и его жены Беатрикс де Куртенэ [10]. В XVI веке был разрушен во время крестьянских восстаний, затем использовался жителями ближайших окрестностей как каменоломня. В первой половине XIX столетия на фоне романтизма и интереса к Средним векам было принято решение превратить крепость в туристическую достопримечательность. Открытка под номером 4791 выпущена фирмой «Platino-M Reinicke & Rubin, Magdeburg».

Открытка из Киссинген, Бавария, берлинского издателя «Kunstanstalt J. Miesler, Berlin S.». Сюжетом является «Kissingen, Im Kurpark» [6] (Киссинген, в курортном парке), где на рисунке изображено множество людей, гуляющих по парку. Одежда соответствует кон. XIX – нач. XX в. На заднем плане здание, на крыше которого развевается флаг – две горизонтальные полосы (верхняя белая, нижняя голубая), в центр, видимо, помещен герб. На открытке надпись: «*Vom тебе, милая Вера, верный снимок нашего утреннего часа в Kissingen*».

Швейцария

И. Гинцбургом прислана открытка из Швица (Schwyz) – 552 Editeur: comptoir de phototypie, Neuchatel (Suisse) – одного из четырех кантонов в центральной части Швейцарии, окружающих Фирвальдштетское озеро. «*Из прекрасной деревни Моршахъ, что на берегу озера 4-хъ кантоновъ шлю искреннейший приветъ дружищу Федору Густавовичу, его добрейшей супруге Вере Александровне и ихъ любимейшему детищу Вторнику*» [6]. На открытке изображен особняк Италья Рединг хаус (Ital Reding Haus), возведенный в 1609 г. Он до сих пор считается одной из достопримечательностей Швица.

В статье рассмотрены только видовые открытки. Они, как правило, содержат в себе краткие путевые заметки, приветы хозяевам и гостям вечеров, небольшие четверостишия. В представленных экземплярах, если сохранить классификацию по странам, издатели не повторяются.

Круг путешественников, если сравнивать с основным составом посетителей вторников, весьма ограничен. В большинстве

случаев можно сделать вывод о регулярности поездок определенных лиц в ту или иную страну, о времени пребывания – это могут быть длительные ежегодные туры или единоразовые кратковременные поездки, что свидетельствует также об определенной свободе перемещения. В географическом отношении речь в основном велась о европейской части.

Почтовая открытка – неотъемлемая часть культуры обозначенной эпохи, своего рода индикатор общественной и частной жизни. Разнообразный контент альбомов «Вторники» содержит, кроме рисунков, записей, автографов и фотографий, большую группу почтовых открыток, или открытого письма. Это богатейший материал, позволяющий говорить об открытке как о способе коммуникации и как о самостоятельном феномене.

Библиографический список

1. Боровикова Р. И. Открытка старая и всегда новая. Ч. I. URL: <http://pechatnick.com/articles/otkritka-staraya-i-vsegda-novaya-chast-i> (дата обращения: 30.10.2017)
2. Версаль. Малый Трианон. URL: <http://bigtip4trip.com/париж/версаль-малый-трианон> (дата обращения: 21.11.2017)
3. Клинт. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/2065/КЛИНТ> (дата обращения: 24.11.2017)
4. Мост вздохов. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%82_%D0%92%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 24.11.2017)
5. Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ 4064
6. Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ 4181
7. Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ 4259
8. Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского. ОФ 7342
9. Яковлев О. А. Русский отдел на художественно-промышленной выставке в Стокгольме в 1897 г. URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-162-6/978-5-88431-162-6_21.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
10. Bodenlaube Castle Ruins. URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/3946863> (дата обращения: 21.10.2017)
11. Katarinahissen. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Katarinahissen> (дата обращения: 21.10.2017)
12. Venedig in Wien. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Venedig_in_Wien (дата обращения: 02.12.2017)

References

1. Borovikova R. I. *Otkrytka staraya i vseгда novaya. CHast' I*. [Postcard is old and always new. Part I]. (In Russ.) Available at: <http://pechatnick.com/articles/otkritka-staraya-i-vsegda-novaya-chast-i> (accessed 30.10.2017)
2. *Versal'. Malyj Trianon* [Versailles. Petit Trianon]. (In Russ.) Available at: <http://bigtip4trip.com/париж/версаль-малый-трианон> (accessed 21.11.2017)
3. *Klint* [Clint]. (In Russ.) Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/2065/КЛИНТ> (accessed 24.11.2017)
4. *Most Vzдохov* [Bridge of Sighs]. (In Russ.) Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D1%82_%D0%92%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B2 (accessed 24.11.2017)
5. MNGCh OF [the main fund of the museum] 4064 (In Russ.)
6. MNGCh OF [the main fund of the museum] 4181.
7. MNGCh OF [the main fund of the museum] 4259.
8. MNGCh OF [the main fund of the museum] 7342.
9. Yakovlev O. A. *Russkij otdel na hudozhestvenno-promyshlennoj vystavke v Stokgol'me v 1897 g.* [Russian Department at the General Art and Industrial Exposition of Stockholm of 1897]. (In Russ.) Available at: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-162-6/978-5-88431-162-6_21.pdf (accessed 15.01.2018).
10. Bodenaube Castle Ruins. (In Russ.) Available at: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/3946863> (accessed 21.10.2017).
11. Katarinahissen. (In Russ.) Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Katarinahissen> (accessed 21.10.2017).
12. Venedig in Wien. (In Russ.) Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Venedig_in_Wien (accessed 02.12.2017).

Материалы, публикуемые в рамках конференции
«Семиозис и культура: человек
в современном коммуникативном пространстве»
(13–15 декабря 2018 года, г. Сыктывкар)

УДК 821.161.1, 008

Л. В. Гурленова, Б. А. Данилов

**В. Сорокин об интеллигенции и власти: на материале
сборника «Белый квадрат»**

В статье анализируется текст нового сборника короткой прозы В. Сорокина. Рассматриваются вопросы о роли интеллигенции в обществе, отношений ее с властью, дискурсивного насилия. Исследуются мотивы и образы, в том числе интертекстуального характера, из области кино, литературы, связанные с заявленной темой. Делается вывод о сохранности некоторых постмодернистских творческих установок, о характере отношений интеллигенции и власти.

Ключевые слова: мотивы, образы, интеллигенция, власть, дискурсивное насилие.

L. V. Gurlenova, B. A. Danilov. V. Sorokin about the intellectuals and the power: on material of the collection «White Square»

The article analyzes the text of a new collection of short prose by V. Sorokin. Questions are considered about the role of intellectuals in society, its relations with the authorities, and discursive violence. Motives and images, including the intertextual character from the field of cinema, literature, associated with the stated theme are investigated. The conclusion is made about the safety of some postmodern creative installations, about the nature of relations between the intellectuals and government.

Keywords: motives, images, intellectuals, power, discursive violence.

Тема интеллигенции и власти является одной из самых обсуждаемых в современной культуре. Она неоднократно подни-

малась В. Сорокиным в его произведениях и интервью, отразилась и в его последнем сборнике короткой прозы «Белый квадрат», опубликованном в 2018 году. В него входят девять сюжетно не связанных между собой текстов, которые автор охарактеризовал следующим образом: «...мне хотелось, чтобы они все были разные. Некий сборник малой прозы, но не тематический, а именно такой шерстистый, чтобы все рассказы ставили разные вопросы разными способами» [5]. Тем не менее тексты сборника объединены широким смысловым единством, заданным в многозначном понятии «белый квадрат», которое реализовано в названии сборника и одного из его рассказов и является ключом к широкому спектру культурно-исторической проблематики. Материалом настоящего исследования являются тексты сборника «Белый квадрат» и интервью автора, посвященные вопросам культуры XX века и роли интеллигенции в обществе.

Одна из первых ассоциаций, которая подсказывается читателю названием, связана с картиной К. Малевича 1917 года «Белое на белом», более известной как «Белый квадрат» [3]. Являясь выходцем из московской концептуальной школы, воспринявшей открытия русского авангарда в качестве близкой себе эстетической платформы, и испытывая личный интерес к искусству начала XX века (полнее всего это отражено в рассказе «Автопортрет», включенном в сборник рассказов 1992 года) [7], автор сознательно акцентирует ассоциативную связь с работой К. Малевича.

Год выхода сборника (2018) наделен символическим значением: он напоминает о 100-летней годовщине «Белого квадрата» Малевича и связан с годом президентских выборов в России: таким образом, год как знак приобретает роль политического комментария истории и современной российской действительности. Подобная многофункциональность знака характерна для позднего В. Сорокина, как и то, что критика назвала способностью Сорокина попадать в «нервные узлы» общества. В свое время таким «попаданием» была постановка оперы «Дети Розенталя» [6], вызвавшая широкую дискуссию, и планировавшаяся экранизация повести «Настя» [8]. Сам В. Сорокин неоднократно отмечал собственный интерес к таким «нервным узлам»: «Я во-

обще человек чувствительный, у меня есть внутренняя антенна, которая тянет в нервные узлы времени» [10].

Рассказ «Белый квадрат» посвящен российскому режиссеру Кириллу Серебренникову, известному своей оппозиционерской общественной деятельностью; обвинение его в финансовом мошенничестве [1] получило неоднозначную оценку в обществе, либеральное крыло которого придало этой истории политический смысл. Кроме того, один из рассказов посвящен еще одному режиссеру со скандальной репутацией – Константину Богомолову, который в 2016 году собирался экранизировать сорокинскую «Настю» [8], чем вызвал бурную реакцию общественных организаций.

Выбор подобных фигур Сорокиным, во-первых, можно было бы принять за рекламную стратегию для продвижения его сборника, но с учетом того, как он в целом понимает роль и место интеллигенции в обществе, можно сделать вывод о несостоятельности данного предположения.

Во-вторых, посвящение текстов Серебренникову и Богомолову может свидетельствовать об определенной политической позиции автора сборника (например, А. Гетис называет В. Сорокина «политическим писателем» [2]). Мы же считаем, что интерпретация сборника В. Сорокина преимущественно в политическом ключе сужает его смысл. Политический подтекст в творчестве позднего Сорокина следует рассматривать и как концептуальный жест, направленный на актуальную для современности ситуацию, на маркеры эпохи, а не только как конкретное политическое заявление либерального свойства.

Заметим, что рассказы сборника посвящены разным творческим личностям XX века, которые предстают как знаки эпохи. Сам автор в своем интервью «Тухлятина в замороженном виде как бы и не пахнет» Владимир Сорокин – о зиме в России, сборнике рассказов «Белый квадрат» и посвящении Серебренникову» (2018) заявил, что к судьбе Серебренникова относится сочувственно, но она должна вызывать разные эмоции: «Я посвятил Кириллу Серебренникову этот текст. Но не потому, что текст о нем, а потому что Серебренников попал в эти жернова, практически стал жертвой Белого квадрата. Я ему искренне сочувствую, желаю поскорее выбраться оттуда. И я не согласен с

такой буквальной интерпретацией этого текста. В нем есть, безусловно, черты гротеска. Они могут вызывать и слезы, и истерический хохот. Это нормально» [9]. Можно сделать вывод, что Сорокин предусматривает для своего текста разные интерпретационные модели, среди которых те, что на «поверхности» смыслов, как правило, оказываются заблуждением.

Рассказ «Белый квадрат» представляет собой текст, в котором по принципу монтажа соединены три фрагмента драматургического и прозаического характера. В первом фрагменте изображаются съемки телевизионных дебатов на тему «Образ России», второй посвящен описанию жизни человека, продающего мед, в третий вводится герой фильма С. Кубрика «Заводной апельсин» – Алекс, который является связующим компонентом названных частей текста.

Концепт «белый квадрат» является названием телешоу, которое развивается как спектакль абсурда, прямо связан с образом белого квадратного стола, образующего смысловой центр действия.

Ситуацию абсурда Сорокин создает знакомыми читателям способами: изображает измененное под влиянием психотропных препаратов сознание персонажей, с помощью которого «запускает» абсурдное развитие действия и описывает его, используя «буквализирующую» метафору. Так, персонажи в ходе теледебатов натягивают кожу ведущего на плоскость стола-квадрата. Таким образом, появляется «белый квадрат» – экранная плоскость, ассоциирующаяся с телевидением как выразителем официальной точки зрения; «белый квадрат» в данном случае предстает как метафора, овеещающая функцию телеведущего. Экран распространяет телевизионный «белый шум», создающий для зрителя образ реальности, спроектированной СМИ, которая заменяет человеку объективно существующую действительность. СМИ и искусство в сорокинской интерпретации являются посредниками между властью и массой, они задают для массы правила жизни.

Далее по ходу повествования персонажи делают из кожи телеведущего (символа проводника официальной точки зрения) кольцо, которое можно трактовать как некое мистическое «кольцо всевластия» СМИ и шире – творческой интеллигенции.

Кольцо затем теряется, и его находит типичный русский «тунея-дец». В тексте, таким образом, появляется мотив утраты интеллигенцией своей высокой миссии, в последующих картинах автор расширяет набор примыкающих к нему мотивов. Так, в подтексте появляется тема: народ – интеллигенция – культура. Автор «вручает» кольцо персонажу, не раз возникавшему в творчестве В. Сорокина, – воспринимающему духовные понятия как явления низовой бытовой жизни. Он воспринимает кольцо (из кожи телеведущего) как пищу – колбасу – и поедает его. В этом мотиве, с одной стороны, в очередной раз выражена мысль о существовании пропасти между интеллигенцией, претендующей на обладание духовностью, и народом – воплощением грубо-материального начала; с другой стороны, интеллигенция предстает как организатор массовой культуры, рекламирующей общество потребления, а народ – как расположенный к подобной форме жизни. Образ колбасы, пройдя ряд метаморфоз (телеведущий – «белый квадрат» /стол, обтянутый кожей телеведущего, – кольцо из его кожи – колбаса, которую поедают, смотря телешоу «Образ России») становится воплощением масскультуры как зрелища для народа.

Тематические сферы развиваются с помощью приема, который можно назвать «стоп-кадром»: внезапно прерывается повествовательная модель одной части повествования, действие переводится в другую повествовательную и содержательную плоскость. За повествовательным механизмом выявляется фигура Алекса, который перемещается в различные сцены текста, выполняет роль «дирижера», конструктора событий, управляет повествованием, напоминая о провокационном фильме С. Кубрика «Заводной апельсин».

Известно, что проблема насилия и его природы в творчестве Сорокина имеет особенное значение, прежде всего насилие дискурсивное [4] (напомним, что в понимании Сорокина любой дискурс является тоталитарным). В этой связи тема «ультранасилия» С. Кубрика (организация насилия для возвышения себя над другими) применяется к материалу отечественной жизни и показывает свою полную к нему пригодность, легко воплощается в механизм контроля над всеми сферами действия. Важен факт, что персонаж фильма добивается власти ради полу-

чения большей свободы насилия. В языковом сознании героя сочетаются как русские, так и английские слова; этот язык в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», по которому С. Кубрик снял фильм, называется «надсат». Выбор Сорокиным этого героя, вероятно, обусловлен тем, что он отображает характерное состояние современных средств массовой информации, в которых сочетаются черты западного и отечественного (советского) сознания. Они конфликтуют друг с другом, являя шизофреническое состояние, создавая вокруг себя «культ» дискурсивного и физического насилия над обществом. Это особенно хорошо отображает сцена парада эков на Красной площади под руководством героя.

Дискурсивное насилие, представленное в рассказе через средства массовой информации, формирует специфичную реальность в большей части сорокинских текстов. Герой «Белого квадрата» как носитель такого дискурса мог вносить корректуру в происходящее, перемещаться во времени, изменяя его ход и механизм существования: это отображается в одномоментности всех планов повествования. Дискурсивное насилие реализуется и в других текстах сборника через сочетание культурных дискурсов различных эпох, на основании которых автор конструирует футурологические сценарии будущего или определенный взгляд на прошлое.

Примечательно внимание критики к вошедшему в сборник рассказу «Фиолетовые лебеди». А. Гетис пишет: «Совершенно иначе построена центральная вещь сборника – «Фиолетовые лебеди». Этот блестящий рассказ продолжает ту более реалистическую, чем концептуалистскую линию в творчестве Сорокина, которая началась в его прославленном «Дне опричника» и сделала его, как он сам и признал, политическим писателем» [2].

Рассказ «Фиолетовые лебеди» повествует о группе российских патриотов, состоящей из представителей власти и интеллигенции, пришедших с просьбой к старцу о спасении страны. В рассказе немало политических аллюзий: на известных представителях современной общественности, ситуацию развития вооружений, что явно отсылает читателя к современной государственной политике, направленной на укрепление национально-духовного и патриотического единства страны.

Уточним: подтверждения самим В. Сорокиным, что он является политическим писателем, кроме как в высказывании А. Геттиса, не было. Признавая явно либеральную (антисоветскую) направленность сорокинских текстов и высказываний, заметим, что как автор постмодернистской направленности и выходец из среды московских концептуалистов В. Сорокин в своих произведениях не делал конкретно направленных политических заявлений. Даже если рассматривать его тексты как целостное политическое высказывание, обнаруживается, что оно противоречит базовым творческим установкам и авторским замыслам, в частности убеждению Сорокина, что текст не должен быть носителем воли автора, его точки зрения.

В сборнике «Белый квадрат» зачастую сложно определить эпоху, в которой находятся персонажи, но через определённые культурные коды эпохи можно сделать однозначный вывод, какое конкретное время автор имеет в виду: как нечто уже свершившееся или как вытекающее из футурологических сценариев будущего.

В таких рассказах, как «Красная пирамида», «День Чекиста», «Ноготь», явно выделяется соц-артовская направленность повествования, характеризующаяся обращением к советскому прошлому и деконструкции характерных для того времени представлений о жизни. В «Красной пирамиде» это жизнь журналиста Юрия, типичного советского карьериста (события рассказа относятся к 50-е годам XX века); в «Дне Чекиста» описывается застолье персонажа, виноватого во многих грехах, которое плавно переходит в воспоминание о личных взаимоотношениях пионервожатой и партработника (события происходят во времена Андропова). А в рассказе «Ноготь», где тоже отсутствуют конкретные указания на время, встреча русской и еврейского семьи происходит в квартире, наполненной атрибутами советской и постсоветской эпохи: мебель, еда, особенности быта, шутки, которые особенно хорошо понятны людям, жившим в тот период. Таким образом, Сорокин в своих текстах представляет действительность как неразрывную составляющую советского прошлого, в том числе времени революций.

В таких рассказах, как «Поэты», «В поле», «Платок», Сорокин воссоздает связь с культурой первых десятилетий XX века через

стиль таких авторов, как А. Блок, В. Маяковский, Б. Пастернак и др.; вводятся цитаты из их произведений, имена, др. Так, в рассказе «Поэты» одним из героев является Б. Пастернак, а в рассказе «В поле» – А. Мариенгоф. Сорокин в очередной раз высказывает мысль, что современная российская действительность есть продукт, представляющий собой явление, синтезирующее в себе представления советского и дореволюционного прошлого, а также западных либеральных веяний.

Идея подобного синтеза неоднократно встречается в текстах автора, что свидетельствует о ее актуальности для Сорокина. Сам автор объясняет специфику такого «сплава» следующим образом: «Наверное, это потому, что в России сейчас сложилась такая «уникальная» ситуация. Я часто слышу от наших молодых людей, что они не чувствуют будущее как вектор. Государство как бы его отменило. Впечатление такое, что настоящее затормозило и остановилось, а прошлое, как ледник, напоздает и давит настоящее. А впереди – стена. Наверное, эти экзистенциальные ощущения и проступили в текстах «Белого квадрата». Книга, скорее, о сегодняшнем дне, хотя там есть и прошлое, его даже больше» [9]. Важно понимать, что подобное видение российской действительности уже разрабатывалось автором в таких произведениях, как «Ледяная трилогия», «Метель», «День Опричника» и в целом характерно для его позднего творчества. В упомянутых текстах также рассматриваются взаимоотношения культуры и насилия, их специфичные дискурсы, автор приходит к выводу о том, что на протяжении истории страны у нее выработалась специфичная метафизика власти. В. Сорокин связывает ее с такими аспектами, как география и культура.

Связь текстов с образом «белого квадрата» неслучайна, так как он реализует не только концептуалистский подход к рассмотрению тех или иных явлений, но и историческую взаимосвязь между властью и культурой, культурой и народом.

В итоге можно сделать вывод, что власть представляется как носитель дискурсивного насилия, сформировавшийся на основе синтеза советской и дореволюционной культуры, на протяжении своего существования не изменявшийся, лишь приобретавший абсурдистский характер.

Интеллигенция, под которой подразумевается, в том числе, и «творческая элита», в данном сборнике представляется как порождение и инструмент этой власти.

В. Сорокин приходит к выводу о наличии стагнации в российском обществе, как в политической, так и в культурной сфере, в том числе и во взаимоотношениях власти и интеллигенции.

Библиографический список

1. Агамалова А., Астапенко А. Кириллу Серебренникову предъявлено обвинение в мошенничестве. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/22/730561-serebrennikovu> (дата обращения: 15.01.2019)

2. Гетис А. «Белый квадрат»: театр жестокости Владимира Сорокина. URL: <https://www.svoboda.org/a/29494400.html> (дата обращения: 12.02.2019)

3. Малевич К. Белое на белом. URL: <http://kazimirmalevich.ru/?item=599398b4-b7dc-461e-a689-6c36b4431f10&page=b421efb0-76c1-43a5-ad50-7cae85777142&type=page> (дата обращения: 02.03.2019)

4. Марусенков М. П. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд. СПб.: Алетея, 2012. С. 10–11.

5. «Мы не отслоились от советского мира». О новых формах работы с пространством и временем Владимир Сорокин рассказал Андрею Архангельскому. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3706853> (дата обращения: 10.03.2019)

6. Никифорова В. Клонов громадье. URL: <http://vica-nikiforova.ru/theatre/rosental.shtml> (дата обращения: 01.02.2019)

7. Сорокин В. Автопортрет // Сорокин В. Рассказы. М.: Русслит, 1992. С. 119.

8. Активисты потребовали запретить рассказ Сорокина «Настя». URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/08/23/124370-aktivisty-potrebovali-zapretit-rasskaz-sorokina-nasty> (дата обращения: 07.02.2019)

9. «Тухлятина в замороженном виде как бы и не пахнет» Владимир Сорокин – о зиме в России, сборнике рассказов «Белый квадрат» и посвящении Серебренникову. URL: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-zime-rossii-sbornike-rasskazov.htm> (дата обращения: 28.01.2019)

10. Цукровый кремль: интервью Владимира Сорокина для 2000.net.ua, № 45 (533), 12–18 ноября 2010 года. URL: <https://www.srkn.ru/interview/cukroviykreml.html> (дата обращения: 21.02.2019)

References

1. Agamalova A., Astapenko A. *Kirillu Serebrennikovu pred'yavleno obvinenie v moshennichestve* [Kirill Serebrennikov was charged with fraud]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/08/22/730561-serebrennikovu> (In Russ.) (accessed 15.01.2019)
2. Getis A. *«Belyj kvadrat»: teatr zhestokosti Vladimira Sorokina* [White Square: Vladimir Sorokin's theatre of cruelty]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/29494400.html> (In Russ.) (accessed 12.02.2019)
3. Malevich K. *Beloe na belom* [White on white]. Available at: <http://kazimirmalevich.ru/?item=599398b4-b7dc-461e-a689-6c36b4431f10&page=b421efb0-76c1-43a5-ad50-7cae85777142&type=page> (In Russ.) (accessed 02.03.2019)
4. Marusenkov M. P. *Absurdopediya russkoj zhizni Vladimira Sorokina. Zaum', grotesk i absurd* [Absurdopedia of the Russian life of Vladimir Sorokin. Zaum, grotesque and absurd]. SPb., Aleteya Publ., 2012, pp. 10–11. (In Russ.)
5. *«My ne otsloilis' ot sovetskogo mira». O novyh formah raboty s prostranstvom i vremenem Vladimir Sorokin rasskazal Andreyu Arhangel'skomu* [«We have not exfoliated from the Soviet world». Vladimir Sorokin told Andrey Arkhangelsky about new forms of work with space and time]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3706853> (In Russ.) (accessed 10.03.2019)
6. Nikiforova V. *Klonov gromad'e* [Clone bulk]. Available at: <http://vica-nikiforova.ru/theatre/rosental.shtml> (In Russ.) (accessed 01.02.2019)
7. Sorokin V. *Avtoportret* [Selfportrait]. Sorokin V. *Rasskazy* [Stories]. Moscow, Russlit Publ., 1992, p. 119. (In Russ.)
8. *Aktivisty potrebovali zapretit' rasskaz Sorokina «Nastya»* [Activists demanded to ban Sorokin's story “Nastya”]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/08/23/124370-aktivisty-potrebovali-zapretit-rasskaz-sorokina-nastya> (In Russ.) (accessed 07.02.2019)
9. *«Tuhlyatina v zamorozhennom vide kak by i ne pahnet» Vladimir Sorokin – o zime v Rossii, sbornike rasskazov «Belyj kvadrat» i posvyashchenii Serebrennikovu* [«Tukhlyatina frozen does not seem to smell» Vladimir Sorokin – about winter in Russia, the collection of stories «The White Square» and the dedication to Serebrennikov]. Available at: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-zime-rossii-sbornike-rasskazov.htm> (In Russ.) (accessed 28.01.2019)
10. *Cukrovyy krem'l': interv'yu Vladimira Sorokina dlya 2000.net.ua* [Tsukrovyy Kremlin: an interview with Vladimir Sorokin for 2000.net.ua]. № 45 (533), 12-18 noyabrya 2010 goda. Available at: <https://www.srkn.ru/interview/cukroviykreml.html> (In Russ.) (accessed 21.02.2019)

Н. Ф. Зюзев

Антропологические воззрения Питирима Сорокина

Зрелая антропология Питирима Сорокина сложилась в 1940-е гг., придя на смену более ранним бихевиористским взглядам, разрушившимся под влиянием русской революции и Гражданской войны. Она покоится на его представлении о человеке как существе духовно-материальном и, следовательно, внутренне противоречивом. Главными компонентами его концепции человека являются учение о «законе поляризации», взгляд на общество как иерархическое в нравственном и интеллектуально-эстетическом отношении, а также учение о творческом альтруизме. Специфической особенностью антропологии Сорокина является ее пессимизм в отношении перспектив нравственного развития человечества, что связано с его концепцией истории, подразумевающей неизбежные кризисы при смене социокультурных суперсистем и связанные с этим масштабные социальные конфликты.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, антропология, альтруизм, закон поляризации, Гарвард.

N. F. Zyuzev. The Anthropology of Pitirim Sorokin

Pitirim Sorokin presented his anthropology in its detailed form in the 1940s, after his early attempts to explain man within the framework of behaviorism later rejected following his experience of the Russian Revolution and the Civil War. His new concept of man is based on the ambiguity of human nature, which is both material and spiritual; this theory includes as its main parts the Law of Polarization, the idea of society as morally, intellectually, and artistically hierarchical, and the theory of altruism. Sorokin stayed pessimistic about the possibility of moral progress for the humanity as inconsistent with his theory of history as he believed in inevitable and tragic social conflicts during transitions from one sociocultural supersystem to another.

Keywords: Pitirim Sorokin, anthropology, altruism, law of polarization, Harvard.

В своих ранних работах Сорокин придерживался позитивистских представлений о человеке, следуя модной тогда теории бихевиоризма. Он искренне верил в прогресс – как в социальный, так и в человеческий, но трагедия революции заставила его пересмотреть свои ранние взгляды. Вместо материализма он приходит к гораздо более сложной картине мира, центром которого, источником морального и интеллектуального вдохновения, является некая сверхчувственная реальность. Соответственно, меняется и его представление об истории, которая теперь являет собой чередование двух социокультурных суперсистем: сенсатной (материалистической) и идеациональной (религиозной) – с краткими периодами доминирования идеалистической (совмещающей в себе характеристики двух других) суперсистемы.

Антропологические воззрения Сорокина зрелого периода укладываются в несколько главных понятий. Во-первых, это «закон поляризации», выведенный им на основе исследования общественных процессов в критические периоды. Во-вторых, у него появляется иерархический взгляд на человека, согласно которому общество делится на массу и элиту. В-третьих, Сорокин развивает программу альтруизации общества, которая определяет ресурсы и границы морального преобразования человека и общества. Общей подосновой этих концепций стало его представление о зависимости нравственности от степени общения индивида к высшим формам бытия, то есть от того, какую роль в человеческом сознании и практической деятельности играют идеациональные ценности.

Эти идеи постепенно формируются у него в период работы над «Социальной и культурной динамикой», но первую попытку создания новой антропологии Сорокин делает ранее, в «Социологии революции» (1925 г.), еще в рамках бихевиористских взглядов. Человек в его первой книге «Преступление и кара» (1914 г.) – это далеко не тот же самый человек, каким он предстает в «Социологии революции». В предыдущей концепции бихевиористский инструментарий помогает объяснить человека как существо, неуклонно самообучающееся в процессе своего развития и при этом последовательно расширяющее и усиливающее роль рациональных мотивов и установок в своей деятель-

ности, выдавливающее биологические факторы и инстинкты на задний план. Данные тенденции представлялись Сорокину постоянными и необратимыми. В «Социологии революции» о необратимости речи не идет. Более того, оказывается, что в критических ситуациях, когда вопрос стоит о выживании и самосохранении индивида, инстинктивно-биологические двигатели человеческого поведения неумолимо вырываются из-под контроля, а все ценностные и морально-этические категории и ориентиры слетают как шелуха. «...Какую бы область морально-правового поведения мы ни взяли, вывод получается один и тот же: *деморализация и угасание всех морально-правовых тормозных рефлексов*», – печально заключает Сорокин [3, с. 375]. Объяснение этому он находит довольно простое: поскольку условные рефлексы (включая право и мораль) являются более поздними по сравнению с безусловными, то они и менее глубоко и прочно укоренены в человеческой психике и поведении. Поэтому в моменты драматического выбора они разрушаются первыми, уступая место более древним инстинктам самосохранения и борьбы за выживание.

Таким образом, даже вполне благополучное общество всегда потенциально может превратиться в поле битвы дремучих страстей, допотопных инстинктов, необузданной жадности и жестокости, бессмысленного и дикого насилия. Для этого достаточно нарушить его спокойствие и безмятежность, что достаточно легко достигается «ущемлением» базовых инстинктов. Вроде бы все логично и последовательно в таких построениях, тем более, что Сорокин находит массу подтверждающих примеров в событиях, участником и наблюдателем которых он был. Значит, можно успокоиться и на этой основе строить новую социологию? Но перед глазами Сорокина стоят факты, которые в эту пессимистическую картину мира не укладываются. Наряду с бесконечной низостью и подлостью он наблюдал и примеры возвышенного благородства и достоинства, когда люди оставались людьми несмотря ни на что – голод, предельную нужду, смертельную угрозу. Он всегда помнил великого Ивана Павлова, с презрением отвергнувшего помощь большевиков, своих друзей, погибших от «красного террора», и тех простых людей, которые, подвергая себя смертельной опасности, прятали его в се-

верных деревнях от чекистов: «Теперь, вспоминая то время, не могу не выразить моей глубокой признательности тем великодушным и смелым крестьянам, которые с риском для себя укрывали меня и помогали перебираться с одного места на другое. Если в настоящий момент я сохранил голову на плечах, то это благодаря тем верным “иванам”, которые спас-ли меня от грозящей опасности, как могли, заботились обо мне, обеспечивали мою связь и свидания с женой – словом, всячески старались помочь мне» [3, с. 142]. Мужество принимало разные формы, но даже в самые ужасные минуты люди умели проявлять это качество и сохранять свое человеческое достоинство. Сорокин вспоминал, например, как умирал в голодном Петрограде выдающийся историк А. Лаппо-Данилевский: «На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной палате, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно проработать ее, – прошептал он. – Начну сейчас”. На следующий день он скончался» [2, с. 145]. Стойкость духа Сорокин наблюдал повсеместно и в самых разных обстоятельствах, включая тюрьму и вымиравшие от массового голода деревни. А значит, вроде бы кажущийся очевидным вывод о вытеснении условных рефлексов под давлением безусловных нельзя было представить как общий закон – он то и дело не срабатывал. Исключений было слишком много, чтобы закрывать на них глаза.

В «Динамике» Сорокин намечает решение этой проблемы – через противопоставление сенсатного и идеационального мировоззрений в их разных проявлениях. Он касается ее, например, говоря о социальном сингуляризме и универсализме – по сути, это индивидуализм и коллективизм, но интерпретированные в контексте учения о социокультурных системах. Сорокин формулирует проблему в форме дилеммы социального номинализма и реализма: существует ли общество как реальная сущность или единственной реальностью обладает отдельный индивид? Такая постановка вопроса переходит в ценностную и этическую плоскости: «Что обладает верховной или высшей

ценностью – индивид или общество? Кто из них обязан подчиняться другой стороне? Или они равны и неотделимы? Должен ли быть социальный и политический порядок организован таким образом, чтобы индивид и его ценности – жизнь, свобода, творчество, удобство и т.д. – были доминирующими и не ограничивались соображениями социального характера; или, напротив, *salus populi* [здоровье нации – лат.] должно быть *suprema lex* [высшим законом – лат.], и ради блага общества индивида можно ограничивать и жертвовать им в той мере, в какой это может потребоваться в интересах *salus populi*? [8, с. 261]. В истории эта проблема решалась в зависимости от характера эпохи: в идеациональную эру люди склонялись к универсализму (коллективизму), в сенсатную – к сингуляризму (индивидуализму). Сорокин также отмечает связь между подъемом крайних форм того и другого в кризисные для общества эпохи, в период больших социальных бедствий – хотя считает, что это вторичный фактор. Например, рост мистического универсализма, который, как он считал, наблюдался в послереволюционной России и в Америке после «великой депрессии», явился следствием чувства отчаяния, вынуждающим людей обращаться к Богу и близким за поддержкой. С другой стороны, эти же события привели к росту сингуляризма в индивидах с сенсатным мировоззрением: «Поскольку государство, общество, культура или любая иная сверхиндивидуальная группа, организация или ценность находятся в кризисе и не обеспечивают и не поставляют максимума удовольствия, то они и не нужны – к черту их! [8, с. 293]». Таким образом, моральный рост и моральный упадок в период социальных катастроф предопределяются тем, что прочнее укоренено в индивиде – тяга к сверхчувственным идеалам или пристрастие к земным радостям, религиозность или материализм.

Под несколько другим углом мысль о зависимости поведения от ценностных идеалов индивида Сорокин развивает, рассматривал вопрос о разных типах социальных связей: семейном, контрактальном и принудительном. Семейный тип он характеризует как прочный, солидарный, интенсивный и экстенсивный («универсальный» и «всеобъемлющий»), а наилучшим примером его являются отношения в крепкой семье [9, с. 24]. Контрактальный тип характеризуют меньшая экстенсивность

(только в сфере взаимодействия); разный уровень интенсивности (но тоже только в сфере взаимодействия); ограниченная сроком действия контракта длительность; солидарность – но только в рамках действия контракта [9, с. 30]. Лучший пример – это отношения доверяющих друг другу партнеров по бизнесу. Наконец, принудительные отношения являются антагонистическими, где весь контроль и все нюансы во взаимодействии между сторонами находятся в руках обладающего властью. Образец – хозяин и его раб. Что же касается флуктуаций в этих отношениях, то Сорокин выводит следующую закономерность: «Чем более идеациональным является период, тем отчетливее выступают семейные отношения; чем более сенсатной становится культура, тем в большей мере ткань социальных отношений в данном обществе формируют принудительные или, в особенности, контрактальные связи» [9, с. 132]. Идеациональный человек видит в другом не отдельное лицо, а часть общей реальности, в которую включены все (в согласии с принципами универсализма). Поэтому «если индивид стремится причинять боль другим, обманывать, принуждать, эксплуатировать, нанести им вред, то он обманывает себя и причиняет вред себе как неотделимой части коллективного единства» [9, с. 133]. Обратное происходит с сенсатным человеком, свободным от подобных ограничений. Еще хуже дело обстоит в современную эпоху, когда кризис и распад контрактализма сопровождаются «бунтом» против него, что приводит к широкому распространению принудительных отношений. Сорокин считает, что люди и культура в целом пытаются освободиться от сенсатных норм, но это пока плохо получается. В искусстве это можно видеть на примере кубизма, который отказывается от старых сенсатных форм, но, разрушив их, не может предложить новую идеациональную живопись. Общество, отвергая контрактальные отношения, безуспешно пытается заменить их новыми семейными отношениями. Но вместо этого возникают такие общественные порядки, как «гитлеризм, коммунизм, фашизм, социализм», в которых проступает стремление к объединению, но, к сожалению, в принудительном виде [9, с. 138]. Получается, что нет другого основания для человеческого мужества и стойкости, кроме как приращенности идеациональным ценностям.

Следующим шагом по углублению новой антропологической концепции стала книга «Человек и общество в условиях бедствий» (1942). В ней Сорокин в деталях рассматривает тему, уже затронутую в «Динамике»: как и почему именно таким образом ведут себя люди, оказавшиеся в экстремальных ситуациях природных и социальных катастроф? Он в развернутом виде представляет свой «закон поляризации», который затем станет одним из стержней его антропологической теории. Он указывает, что бедствия оказывают на разных людей разное воздействие – часто абсолютно противоположное. Причина этого заключается в том, что разнятся сами люди – в биологическом и психосоциальном планах. Сорокин проводит аналогию с человеком, который остается здоровым в период эпидемии, потому что у него есть иммунитет к этой болезни, – тогда как люди без иммунитета заболевают. Храбрый человек будет по-другому вести себя на поле битвы, нежели индивид, этим качеством не обладающий. Кроме того, разница в поведении обуславливается тем, что люди в неодинаковой степени подвергаются испытаниям трудного времени – кто-то оказывается в самом эпицентре беды, а кого-то она почти не затрагивает. Таким образом, «благодаря биологическим и социально-психологическим различиям и неравномерному воздействию того или иного бедствия, некоторые люди ведут себя как настоящие герои, а другие как преступники и негодяи; одни становятся людьми глубоко религиозными, другие – атеистами» [4, с. 18]. Противопоставление героев преступникам и негодяям, внезапно трансформирующееся в противопоставление верующих атеистам, подчеркивает ту важность, которую Сорокин придает религиозности в формировании моральной устойчивой личности.

Он находит три фундаментальных фактора (отбрасывая биологические причины как малозначительные), которые толкают человека к тому, чтобы стать либо «святым», либо «грешником». Первый фактор предполагает наличие у индивида хорошо интегрированной системы ценностей. «Если данная система хорошо интегрирована и глубоко “сидит” в сознании и поведении человека, тогда “ты должен” и “ты не должен” являются настолько убедительными, что ему гораздо проще выполнять их предписания, нежели тому, кто руководствуется про-

стой смесью разнородных и случайных норм. Первый напоминает корабль, оснащенный мощной и эффективной системой управления; второй же – судно, лишенное этой системы. Любой внезапный шквал (т.е. мгновенный соблазн, некая биологическая потребность) превращает его в игрушку стихий, неспособного к со-противлению и удержанию устойчивого курса в разбушевавшемся море житейском» [4, с. 178]. Таким образом, человек с моральными ценностями, глубоко в нем укорененными и внутренне непротиворечивыми, способен следовать им даже в самых трудных обстоятельствах, не поддаваясь страху, слабостям и соблазнам. Кроме того (второй фактор), это должны быть ценности прежде всего трансцендентального свойства – ценности «Града Божия», как их называет Сорокин. Наконец, третий фактор требует от человека следования высшим ценностям не только на словах, но и на деле. Люди, у которых наличествуют все эти три фактора, «составляют подавляющее большинство приверженцев усиливающегося этико-религиозного движения» [4, с. 177]. И напротив, «грешниками» будут лица с поверхностным и хаотическим набором ценностей преимущественно материального и чувственного характера. И конечно, есть смешанный тип, который даже в беде не меняет поведения и ведет себя так же, как и раньше.

Словом, люди сохраняют достоинство и в любой ситуации продолжают следовать высоким моральным принципам, только если они ориентируются на религиозные ценности. Сорокин полностью отрицает – даже в потенциальном плане – что индивид может вести себя морально, если он является атеистом. Светская этика для него – это оксюморон, внутренне противоречивое понятие. А. Эйнштейн и А. Сахаров и многие другие великие гуманисты не согласились бы с ним. Но Сорокин следует своей логике. «Любая материальная чувственная система, основана ли она на удовольствии, счастье или на пользе, или же на сочетании всех этих элементов, непременно должна быть (явно или скрытно) не только эгоистической, но и относительной, условной, а следовательно, неустойчивой и изменчивой. Если чувственное счастье – высшая ценность, то каждый заинтересован прежде всего в *своем собственном* чувственном счастье. Ради его достижения каждый имеет право вести себя как *угодно*,

если это наиболее целесообразно при сложившихся обстоятельствах. Если такой человек хочет есть, то для того чтобы избежать голодных мучений, ему ничего не стоит украсть у другого кусок хлеба или даже убить его, причем в его собственных глазах деяние это будет оправдано – ведь его побудительный мотив составляет одну из его высших ценностей» [4, с. 179]. Сорокин здесь впадает в своеобразное манихейство, фактически разделяя мир на Свет и Мрак, на Материю и Дух, при этом материя является источником смерти и зла. Похоже, что он отрицает даже биологическую детерминацию отношений любви между матерью и ребенком или тот факт, что групповая сплоченность, дружба, верность и надежность – это необходимое условие выживания любого коллектива и его членов независимо от того, верят они в сверхчувственные сущности или нет (в других работах он был вынужден признавать позитивную роль биологических факторов в формировании альтруистических и гуманистических установок, но всегда лишь в ограниченной мере).

Очень запутанным выглядит образ третьего, смешанного, типа (между «верующими» и «атеистами»). Сорокин описывает этот тип так: *«[Т]е, чья система ценностей достаточно последовательна, но состоит преимущественно из материальных и чувственно воспринимаемых ценностей более высокого порядка, как правило, сохраняют свою прежнюю этико-религиозную позицию»* [4, с. 178]. Во-первых, оказывается, что материальный мир тоже неоднозначен и там имеются ценности «более высокого порядка» – что это? Возможно, он подразумевает нечто сродни античному искусству, которое, как он полагал, умело представлять вечные формы и идеи в чувственном воплощении. Но почему тогда по своему характеру их мораль оказывается «этико-религиозной», а не рациональной? Это явный скачок в логике от рационального обобщения к религиозной идее. Во-вторых, как это соотносится с равноправием эмпирического, рационального и интуитивного способов познания мира, а следовательно, и с ценностным равенством продуктов каждого типа познавательного процесса? Получается, с одной стороны, что сверхчувственное познание приобретает приоритет – как и сам сверхчувственный мир, хотя это противоречит исходным установкам «Динамики». С другой стороны, оказывается, что «матери-

альные» и «чувственно воспринимаемые» ценности все-таки позволяют их носителю сохранять нравственное достоинство и честь – мысль, которую на следующей странице Сорокин категорически отрицает. Возможно, у автора нашлось бы объяснение этим неувязкам, но из текста книги этого не следует. Резоннее предположить, что и в этом случае Сорокин исходил не из теории, а из собственного опыта и памяти, в которой хранились образы «материалистов» с непоколебимыми нравственными принципами.

Этим примером противоречия в антропологии Сорокина не исчерпываются. Рассуждая о том, как индивид усваивает систему нравственных ценностей, Сорокин решительно заявляет, что «[м]оральные и религиозные стандарты не являются врожденными, а исходят от культуры и общества, в котором человек рождается и вырастает» [4, с. 178]. Но, по-видимому, он допускает исключения из этого правила. Из книги в книгу, начиная с «Динамики», он приводит списки выдающихся деятелей и гениев, которые, похоже, под данное правило не подпадают. Вот один такой список: Моисей, Будда, Зороастр, Конфуций, Лао-Цзы, Иисус, Мухаммед, Платон, Аристотель, Шанкара, аль-Газали, Плотин, Св. Фома Аквинский, Мо-цзы, Св. Франциск Ассизский, Ганди, Галилей, Исаак Ньютон, Фидий, Бах, Моцарт, Бетховен, Гомер, Шекспир, Пракситель, Рафаэль, Микеланджело [12, с. 215]. Он называет их «избранными и помазанными». Их избранность заключается в способности – недоступной для обычных людей – проникать в самый центр мира, в его верховную суть, или, как он ее называет, *mysterium tremendum et fascinans* (*ввергающая в трепет и пленяющая тайна* – лат.). Какова природа избранности этих этических и артистических гениев (держим в уме, что артистическая гениальность подразумевает здесь также и этическую)? В какой мере она является продуктом среды и воспитания, а в какой – иных факторов? Ведь очевидно, что только культурой и обществом гениальность не объяснить – в таком случае гениев было бы куда больше, и они не рассматривались бы как исключительные явления. Исключительность подразумевает «игру природы», аномалию или даже мутацию, то есть биологический фактор. Либо же приходится объяснять гениальность неким чудодейственным механизмом, «божественной искрой»

и т. д. Так в антропологию Сорокина входит элемент элитарности – через гениев, которые выключены (поскольку «избраны и помазаны») из общей логики «закона поляризации».

К этому закону Сорокин неоднократно возвращался в своих работах, сохраняя общую идею, но постепенно отшлифовывая некоторые детали. Он более подробно описывает механизмы поляризации и разные факторы, способствующие этическому расколу или сопротивляющиеся ему. Особое значение он придает стабильности и прочности социальной системы для поведения человека. Система берет на себя часть ответственности за поведение индивида – не все зависит от религиозности индивида. В спокойные времена подавляющая масса людей ничем не выделяется особой этической доблестью или, напротив, аморальностью. Большинство «не является ни особенно добродетельным, ни слишком озабоченным общественными интересами или чрезмерно антисоциальным, ни крайне религиозным или в высшей степени антирелигиозным» [13, с. 487]. Все вдруг меняется в периоды революций, войн и других бедствий, когда «нейтральное большинство проявляет тенденцию к расколу, с различными сегментами, движущимися к противоположным полюсам и производящим большее число грешников и святых, социальных альтруистов и антиобщественных эгоистов, истинно верующих и воинственных атеистов» [13, с. 487]. Сорокин прибегает для объяснения этих процессов к тем же механизмам, которые использовал еще в «Социологии революции» – «биологизации» человека, то есть высвобождению его животных инстинктов и побуждений. «Так как в основном поведение – это ответ на стимулы, исходящие от групп и страт, к которым принадлежит индивид, то при крушении таких групп и страт их члены теряют соответствующие социальные эго. Их биологические эго, таким образом, освобождаются от контроля социальных норм и становятся решающим фактором в формировании социального поведения. Однако вследствие того факта, что биологические эго, в отличие от великолепного рефлексивного и инстинктивного аппарата животных, плохо интегрированы и функционируют неэффективно, то индивиды, управляемые биологическими механизмами, с легкостью становятся “худшими из животных”, как это отмечали Аристотель и Платон. Их бросает то в

одну сторону, то в другую – по прихоти самых разных и часто несовместимых убеждений, лишь в малой степени сдерживаемых механизмами рефлексов и инстинктов и социокультурными силами. Этим объясняется насильственное, жестокое, разрушительное и часто нестабильное и внутренне противоречивое поведение толпы на первой фазе революции» [13, с. 490]. На первой стадии революции, войны или в начале иного социального бедствия происходит потрясение и разрушение социальных институтов, с которыми тесно связаны нормы и ценности, регулирующие поведение индивидов, а затем это влечет за собой распад тех ограничений на поведение, что до сих пор сдерживали и контролировали их поведение. Сорокин этот характеризует как «распад структуры личности» [13, с. 489]. По сути, это чуть более утонченная версия концепции, предложенной в «Социологии революции», то есть разрушение условных (социальных) рефлексов и высвобождение древних безусловных рефлексов, в которых доминируют тенденции к самосохранению и агрессии. Таким образом, «материальная» причина падения «грешников» имеет две составляющие: во-первых, их гедонистическое эгоистическое начало (интерес только к себе как к материальной единице и к своим наслаждениям); во-вторых, отказ от любых нравственных ограничений в пользу своего «биологического» начала.

Сорокин сталкивается с трудностями, когда пытается показать, как разрушение социальных связей приводит также к поляризации с обратным знаком, в позитивную сторону. Часть населения, утверждает он, освободившись от членства в антагонистических группах и культурных системах, затем прочнее интегрируется вокруг позитивных ценностей. Несколько парадоксальное заявление, если учитывать, что люди должны в то же время оказываться под эффектом от разрушения и позитивных социальных норм (вряд ли они могут состоять только в антагонистических группах) и, соответственно, на них также должны оказывать влияние «биологизирующие» силы. Тем более странным в таком случае будет укрепление этического поведения индивида, а ведь именно это подразумевает «закон позитивной поляризации». Вновь не остается ничего иного, кроме как «чудодейственной» силы религиозной веры. Впрочем, и с приоб-

щением к высшим ценностям также возникают трудности. Если вернуться к тем спискам выдающихся личностей, которые он приводит, то возникает впечатление, что Сорокин исходит из тезиса: «гений и злодейство – две вещи несовместные». Если Моисей, Будда, Зороастр, Конфуций, Лао-Цзы, Иисус и Мухаммед находятся в одном ряду с Фидием, Бахом, Моцартом, Бетховеном и т. д., то выходит, что обе группы «по умолчанию» оказываются гениальными и в творчестве, и в нравственности. В творческой деятельности (в проникновении личности в глубины Многообразного Икс) эти две категории – нравственность и художественный талант – сливаются. Таким образом, у них есть «иммунитет» от закона поляризации – он к ним неприменим. Сорокин попадает в ловушку исходных принципов собственной антропологии. Для него все биологическое и материальное – это источник зла. Следовательно, гениальность, этическая или художественная, должна зависеть только от причастности индивида к высшей реальности и ни в коей мере не обуславливается биологическими факторами. Допустить, что биология тоже играет роль в развитии гениальных способностей, он не может – это было бы равносильно признанию за материальным началом позитивной творческой силы. Поэтому, запутавшись в собственной логике, Сорокин вынужден признать, что художественная гениальность автоматически влечет за собой нравственную высоту – суждение, мягко говоря, плохо подтверждаемое историческими фактами.

Для тех же, кто не попадает в «элиту», творчество в высоком смысле недоступно, поэтому они вынуждены довольствоваться одной лишь нравственностью – в позитивном или негативном смысле. Если с «элитой» невозможно и не нужно что-то делать – они безупречны и нравственно неуязвимы – то о «массе» приходится позаботиться, так как их поведение в кризисные времена может впасть в крайности насилия и морального хаоса. Этой задаче нравственного воспитания масс Сорокин почти полностью посвящает себя начиная с середины 1940-х гг. Он оставляет пост главы департамента социологии в Гарварде (1944 г.), но сохраняет место профессора (при департаменте социальных отношений, учрежденном на месте реорганизованного департамента социологии). Однако фокус его творческого и профес-

сионального интереса перемещается на новую работу, которая появилась благодаря помощи И. Лилли, известного предпринимателя и филантропа. Миллионер, на которого произвели впечатление идеи Сорокина и его беспокойство по поводу современных мировых тенденций, выделил средства для основания Гарвардского центра по исследованию творческого альтруизма (Harvard Research Center in Creative Altruism). Сорокин возглавил этот центр, и с этого момента этика, проблемы нравственности, тема морального кризиса в современном обществе заслоняют для него все другие творческие интересы.

Исследование творческого альтруизма было посвящено в основном поиску того, что и как надо делать, чтобы человеческие массы приобрели максимально возможный иммунитет по отношению к воздействию на них негативного поляризующего начала. Он исследует проблему с разных сторон, стремясь выявить причины, стоящие за феноменом моральной поляризации, а затем, исходя из найденного, предложить свои «рецепты» по альтруизации общества. Результаты этих исследований он обнародовал в многочисленных книгах и статьях в рамках этого проекта.

Сорокин группирует факторы развития альтруизма в четыре главные категории. В первую категорию попадают «недостаточные факторы альтруизма». Начинает он с «биологической природы человека» (один из тех редких случаев, когда Сорокин вынужденно признает за биологическим началом позитивную роль), указывая, что еще Чарльз Дарвин подчеркивал наряду с ролью борьбы за выживание также и значение «закона сотрудничества и взаимопомощи» для сохранения рода [11, с. 67]. Он ссылается на Кропоткина как мыслителя, который убедительно развил и детализировал этот тезис, а также заявляет, что все теории, например учение Фрейда, которые указывают на биологическое как сугубо эгоистическое начало в человеке, являются неверными. Впрочем, он добавляет, что и обратное, то есть настаивание на чисто альтруистической природе биологического, является равно ошибочным. Сорокин также разбирает разного рода концепции, исследующие соотношение между соматическими характеристиками индивида и его характером, и, отметив достоинства и недостатки этих учений, делает общий вы-

вод, что «никакой тесной или определенной связи не было установлено между альтруизмом и эгоизмом, с одной стороны, и такими соматическими характеристиками, как возраст, пол, раса, здоровье (за исключением некоторых специфических форм душевной или физической болезни), физическая сила, цефалический индекс, вес, рост и цвет» [11, с. 72]. В целом, если говорить о физиологических факторах, то, пожалуй, точнее будет оценивать их не как «недостаточные», а как нейтральные. От природы в людях присутствует склонность как к сотрудничеству, так и к эгоизму, но это означает лишь, что сами по себе природные данные не определяют моральные предпочтения индивида и могут – по-видимому, под влиянием каких-то иных вещей – стать опорой для любого морального состояния.

Примерно то же самое можно сказать об интеллекте (вторая категория) – он не находит никакой ощутимой связи между моральностью индивида и степенью его интеллекта. Не зависит нравственность даже от «религиозных, этических и политических идеологий» (третья категория), о приверженности которым может заявлять человек. В последнем случае речь идет лишь об общем заявлении индивида о своей религиозной, этической или политической аффилиации, без уточнения, следует ли человек на деле заявленным им принципам. Необходимое условие для эффективности идеологии – это следование ей на практике: нужно, чтобы ценности были «так глубоко укоренены в индивидах и группах, что они их последовательно практикуют; только тогда они становятся эффективными факторами эгоизма и альтруизма» [11, с. 77]. Сорокин также отбрасывает как несостоятельные такие «недостаточные факторы», как «эмоциональная стабильность», «экономические условия», сходство-несходство.

Таким образом, получается, что (массовый) человек – это довольно пассивное существо, которое вряд ли имеет в себе внутренние ресурсы для саморазвития в позитивном этическом направлении, а, скорее, зависит от внешнего воздействия, направляющего его в определенную сторону. В лучшем случае, он оказывается способным использовать свои внутренние силы, если оказывается в благоприятной среде, которая поддерживает позитивные тенденции и подавляет негативные. Такая интерпре-

тация позволяет Сорокину ввести в действие свою «авторскую» триаду «личность-общество-культура» как необходимую объяснительную схему для правильного понимания социальных процессов. В этой триаде все компоненты тесно взаимосвязаны и не могут – без потери смысла концепции – рассматриваться вне этой связи. Определяющим является элемент культуры, или та социокультурная система (четвертая категория), в рамках которой функционируют общество и индивид. Но эта социокультурная суперсистема (идеациональная, сенсатная или идеалистическая) должна пронизывать собой, своими принципами и ценностями, и определять через них как все структурные элементы общества (институты, группы, организации, семью и т. д.), так и всех индивидов, в него входящих. Только тогда общество является целостным телом и способно к гармоничному и эффективному функционированию (понятно, что Сорокин не требует здесь стопроцентной интеграции, что невозможно, но лишь достаточной для существенного единства общества). Из этого следует, что если главенствующая суперсистема поддерживает в человеке позитивные импульсы и высокие моральные идеалы, то социальные институты и отдельные индивиды будут в основной своей массе действовать аналогичным образом.

Сорокин вряд ли бы согласился с утверждением, что человек в его толковании является чем-то пассивным и всецело подчиняющимся требованиям доминирующей культуры. Вот как он описывает человека в своей «интегральной» интерпретации: «...он является не только физическим объектом и биологическим организмом, но, в первую очередь, он является рациональным мыслителем и деятелем, а в особенности – “сверхчувственным и сверхрациональным” существом, активным и значимым творцом, крупнейшим участником космических творческих процессов» [7, с. 382]. Звучит величественно, но плохо сочетается с другим его утверждением, что в «нормальной ситуации» люди не являются ни слишком добродетельными, ни слишком безнравственными. Иначе говоря, в нормальной ситуации люди – это серая масса, где мало кто выделяется выдающимися способностями, творческими или даже деструктивными. По-видимому, правильно будет говорить, что Сорокин описывает в этих двух суждениях две разные ситуации в состоянии чело-

века – актуальную и потенциальную. Его видение людей как заблудших, крайне несовершенных, запутавшихся в мелких страстях и желаниях, плохо следующих принципам любви к ближнему и слишком часто уступающих своим эгоистическим побуждениям, было вполне трезвым, но он в то же время настойчиво искал способы улучшения нравственного состояния общества.

Образцом для подражания должна была служить «элита» (нравственная, научная, художественная и т. д.). Но по причине ее исключительного состояния («сверхрациональной гениальности») приближение к ней могло быть только частичным. Тем не менее, от того, как велика будет группа индивидов, достигших хотя бы частичного нравственного «преображения», зависит не только современное состояние общества, но и ее будущее. Задачу свою Сорокин видел в том, чтобы найти способы формирования достаточно большой группы нравственно устойчивых личностей, которые смогли бы удержать общество и нравы в нем в период следующих потрясений, неминуемых для мира в состоянии переходного периода. Таких индивидов, по его мнению, вокруг уже немало – он называет их «добрыми соседями» (good neighbors). В описании этой группы отчетливо просматриваются характеристики, которые Сорокин ранее (в «Человеке в обществе в условиях бедствий») применял к «смешанной» нравственной категории – людям, ориентированным на «более высокие» материалистические и чувственные ценности. Общими остаются приземленный взгляд на мир и здравый эгоизм, убеждающие людей в необходимости заботиться о ближних, так как это служит взаимной пользе.

Новым становится более тщательное теоретическое обоснование сущности и роли этой группы, что позволяет в некоторой степени избавиться от противоречий в предыдущей концепции данной категории. С этой целью Сорокин вводит в свое учение понятие «любовь-эрос». Он описывает ее следующим образом: «Концепция любви-эроса предполагает, что субъект, который не любит самого себя или свое собственное эго, не может любить и никого другого. Следовательно, чтобы быть альтруистом, нет необходимости в трансценденции или подавлении своего эго и желания блага для самого себя. Необходимо лишь быть “просвещенным” относительно своих подлинных интере-

сов, чтобы удержать его или ее от эксцессов “непросвещенного эгоизма” и чтобы сотрудничать с другими индивидами для взаимной пользы. Эгоцентричный эрос, таким образом, является утилитарным, гедонистическим и “рациональным” по своей природе. Он придерживается правил: “живи и давай жить другим”, “помогай другим, чтобы другие помогли тебе”, “не делай вреда другим, чтобы другие не вредили тебе”. Такая любовь-эрос способна к различению: она награждает только тех, кто ее заслуживает и отвечает на любовь взаимностью» [1, с. 258]. Любовь-эрос лежит в основе «этики добрососедства», которая составляет фундамент здоровых отношений в обществе. Очевидно, что этот вид любви рационален по своей сути, и в ее обосновании Сорокин размышляет в категориях теории «разумного эгоизма», утилитаристской и прагматистской этики, указывая на целесообразность альтруизма и на общественное и личное благо, извлекаемое из альтруистического поведения. Хотя деятельность «добрых соседей» не является «героической», в совокупности своей они и их будничная забота о других поддерживают в обществе мирную и счастливую жизнь всех и каждого. Гении в одиночку «не могут обеспечить даже простой минимум любви и взаимной помощи для обеспечения выживания общества: великих апостолов любви и их великих действий слишком мало, чтобы обеспечить этот минимум. Он обеспечивается главным образом тысячами и миллионами наших простых “добрых соседей”. Каждый вносит свой скромный вклад любви, а вместе они производят огромное количество “энергии любви”... Без этого морального фундамента из деяний “добрых соседей” ни одно общество не может быть удовлетворительным... Без этого морального фундамента справедливые законы, демократические институты и экономическое благосостояние будут значиться главным образом только на бумаге» [6, с. 9–10].

«Гении альтруизма» движимы другим типом любви – это «любовь-агапе», которая представляет собой неэгоистическую, бескорыстную и самоотверженную форму любви. «Любовь-агапе» свободно изливает сама себя и «не ищет своего». Здесь любовь отбрасывает прочь любого рода эгоистические соображения и расчет и становится «любовью ради самой любви» [14, с. 4]. В этом смысле «любовь-агапе» имеет онтологическую при-

роду и является частью всеобщей гармонии универсума. «Возможно, она приходит к человечеству свыше (от ее космического источника, или Бога). Будучи неистощима в своем богатстве, как солнце, агапе светит и спасает грешников не меньше, чем целомудрие. В этом смысле она неразборчива, непостижима и непонятна для эгоцентричного “рационального” ума. Различающий эрос любит свой объект или субъект за его добродетель и его достоинства; неразличающая агапе своей любовью создает ценность и добродетель даже в лишенном прежде ценности объекте или субъекте» [1, с. 258-259]. «Любовь-агапе» открывается, действуя через особого рода «сверхсознательную интуицию». Этот вид интуиции «отличен от всех видов чувственной интуиции – восприятия, наблюдения – и от логического, математического и силлогического рассуждения» [14, с. 99]. У людей неодинаковая способность к сверхсознательной интуиции (некоторые, очевидно, лишены ее или обладают ею лишь в минимальной степени), а поэтому любовь-агапе открывается им также по-разному. Сорокин выделяет три группы альтруистов. В первую входят «удачливые» альтруисты, то есть те, кто с самого детства жил в среде, благоприятствовавшей раскрытию их талантов и постижению высшей сущности мира (Альберт Швейцер, Моцарт, доктор Гааз и т. д.). Вторую группу образуют «катастрофические» альтруисты, то есть те люди, которые до поры не проявляли альтруистических черт, но затем, в силу каких-то драматических событий, их жизнь радикальным образом менялась (Будда, Франциск Ассизский, Св. Павел и т. д.). Наконец, третья группа состоит из смешанного типа, с характеристиками из первых двух (Св. Василий, М. Ганди, Мать Тереза и т. д.) [14, с. 144–174].

Обновленная антропология Сорокина, проясняя и уточняя какие-то детали, все же оставляет много вопросов. Никуда не исчезают внутренние противоречия, возникающие в связи со сверхчувственной интуицией и ее ролью в формировании альтруистических и – шире – творческих гениев. С одной стороны, Сорокин отделяет сверхчувственную интуицию от математических и логических видов мышления, но, с другой, говорит, что ее можно найти в величайших достижениях «во всех сферах творческой человеческой деятельности: науке, религии, фило-

софии, технике, этике, праве, искусстве, экономике и политике» [14, с. 98]. Эту мысль можно принять, если он подразумевает традиционные философские категории рассудка (рациональное мышление, то есть логика и математика) и разума (имеющим дело с менее поддающимися строгому логическому рассуждению вещами, например ценностными понятиями). Но и тогда не каждый математик согласится, что для подлинной математической гениальности необходимо сверхчувственное постижение, включая, вероятно, и А. Эйнштейна, которого Сорокин обозначает как обладателя «сверхчувственного мышления» [14, с. 103]. Еще противоречивее становится картина, когда Сорокин, следуя собственной логике, смешивает в одну кучу праведников, ученых и людей искусства. Они оказываются в одной группе, так как все они подчиняются одной и той же сверхчувственной интуиции. Но сверхчувственная интуиция питается из единого недифференцированного источника, которым является самый центр универсума во всей ее многосложности – то, что в быту принято называть Богом. А раз так, то и все люди, прикоснувшиеся к этому центру, должны обладать всеми качествами, свойственным источнику высшего откровения. Поэтому любой гениальный художник должен бы преуспевать в науке, а в личной жизни быть аскетом и филантропом. Такова логика сорокинской мысли, но беглого экскурса в историю искусства и биографии великих живописцев, музыкантов и писателей достаточно, чтобы убедиться, как эта мысль далека от реальности. И как быть с Бенджаминем Франклином, которого Сорокин называет подлинным «удачливым» альтруистом, но который при этом оказывается нерелигиозным человеком [14, с. 152]? «Разжаловать» Франклина до категории «добрых соседей»? Но для этого он чересчур талантлив.

Ответственна за эту путаницу сама логика, которой Сорокин доверился в своих рассуждениях о природе морали, выводя ее из социального на онтологический уровень. На социальном плане ему вполне хватило бы «добрых соседей» и их рациональной морали – что он и видел в российском и американском быту. Но бытовая мораль представлялась ему неустойчивой и внутренне ненадежной по причине ее рациональной природы, которая для него была равносильна эгоизму – пусть даже

и «разумному». Поэтому ему крайне необходимо было найти более устойчивую опору – онтологическую. Отбросив материальный мир как источник (сенсатного) эгоизма, он обращается за пределы эмпирического бытия – к некому Многообразному Икс, в котором сходятся все противоположности и который не воспринимается нашими пятью чувствами. Многообразное Икс открывается с помощью «сверхчувственной интуиции» и это такой же вид эмпирической действительностью, как камни, птицы и деревья вокруг нас; единственный нюанс – он доступен лишь немногим, небольшому числу гениальных личностей. Так как этот высший уровень реальности един, то единым должен быть и тип интуиции, который ведет к ней. Многообразное Икс в «сверхчувственной интуиции» постигается сразу во всей своей целостности, поэтому гений в одной области должен быть столь же гениален и во всех прочих областях (почему в реальности гении в одном оказываются «грешниками» и бездарностями в другом – этого вопроса Сорокин старался не касаться). Эта концепция полна парадоксов и противоречий, но Сорокин подчиняется не законам абстрактной логики, а своему жизненному опыту и наблюдениям. Они говорят ему: материалистические взгляды на мир (и их детища – марксизм и социализм) ведут к катастрофе; стало быть, решение надо искать за пределами материализма. Людей, сохранивших достоинство и принципы в нечеловеческих условиях, были единицы. Их поведение противоречило целям материальной выгоды и рационального поведения, которые требовали сотрудничества с большевиками ради как минимум элементарного выживания. А раз так, то рациональность и материалистический взгляд на мир бессильны объяснить их поведение.

Аналогичный ход мыслей стоит за различием двух типов любви, отделяющим «гениев альтруизма» от «добрых соседей»; последним отводится служебная роль поддержания стабильности в «нормальные» времена (возможно также, если в них глубоко интегрировать идеациональные ценности, они будут более устойчивыми к разрушительным тенденциям переходного периода и помогут пройти через него с минимальными потерями). Разница между ними, однако, имеет фундаментальный характер, и «вертикальная мобильность» между ними (за

исключением редких «катастрофических» альтруистов) практически невозможна, так как они питаются из онтологически разных источников: «добрые соседи» исходят из рациональных соображений, «элита» – из высшего начала. Пропать между ними куда больше, чем между «добрыми соседями» и остальным населением, массой, «простыми людьми», которым в построениях Сорокина не придается активной нравственной роли. Они составляют широкое подножие социальной пирамиды, на вершине которой находится горстка «праведников», а чуть пониже под ними – узкий слой «добрых соседей». Самое печальное здесь то, что основание пирамиды нравственно нейтрально и абсолютно ненадежно: в тяжелые времена оно действует по принципу «спасайся, кто может» со всеми вытекающими отсюда последствиями массового хаоса, насилия, кровопролития и т. д. Такова структура человеческого мира в интерпретации Сорокина. Сквозь нее просвечивает чувство глубочайшего недоверия к широким человеческим массам, которых можно обмануть, соблазнить, напугать – и тогда они теряют человеческий облик.

Сорокин, тем не менее, утверждает, что возможна массовая альтруизация общества. Он углубляется в историю, чтобы найти примеры успешной альтруизации, и даже находит в Древней Индии царя полубогородного Ашоку, который якобы осуществил подобную реформу в своем государстве [14, с. 66–70]. Он приводит другие полуисторические свидетельства подобного рода и говорит о монашеских братствах, воплощавших в своей практике идеалы альтруистической любви. В качестве успешных попыток создать альтруистические группы в современности он ссылается на аграрные коммуны (братства) в Парагвае, Уругвае и Англии; на общины меннонитов и гуттеритов [14, с. 441–455]. Правда, везде речь идет о немногочисленных патриархального типа организациях, существующих на периферии современного общества. Поэтому возникают сомнения относительно того, насколько серьезен был Сорокин в своей программе «реконструкции человечности». Наличие отдельных альтруистических групп, в прошлом или настоящем, недостаточно для уверенности в тотальной гуманизации общества. Конечно, была эпоха европейского средневековья, когда народы всего континента в массе своей были религиозны и вери-

ли в идеи Десяти заповедей и Нагорной проповеди. Но чтобы всерьез утверждать, что идеал, к которому призывает Сорокин, действительно воплотился в эту эпоху, придется закрыть глаза на бесконечные войны и свирепую жестокость этого века. Скорее, Сорокин надеялся на иное: что его призывы к альтруизации будут услышаны достаточным количеством людей, чтобы они затем смогли, хотя бы частично, ослабить агрессивные тенденции кризисного периода. В конце концов, каждая спасенная жизнь благословенна и всякая беда, которой удастся избежать, имеет значение.

Библиографический список

1. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 352 с.
2. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар: Шыпас, 1991. 304 с.
3. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.
4. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войн, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мип, 2012. 336 с.
5. Allen P. J. (Ed.) Pitirim Sorokin in Review. Durham, N. C.: Duke University Press, 1963. 528 p.
6. Sorokin P. A. Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbors" and Christian Saints. Boston: The Beacon Press, 1950. 253 p.
7. Sorokin P. A. Reply to My Critics // P. J. Allen (Ed.). Pitirim Sorokin in Review. Durham, N. C.: Duke University Press, 1963, pp. 369–496.
8. Sorokin, P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. II: Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, Law. New York: American Book Company, 1937. 748 p.
9. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. III: Fluctuation of Systems of Social Relationships, War and Revolution. New York: American Book Company, 1937. 656 p.
10. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics. Vol. IV: Basic Problems, Principles and Methods. New York: Bedminster, 1941. 645 p.
11. Sorokin P. A. The Reconstruction of Humanity. Boston: Beacon Press, 1948. 247 p.
12. Sorokin P. A. This is My Faith // Cole S. G. (ed.) This is My Faith: The Convictions of Representative Americans Today. NY: Harper&Brothers, 1956, pp. 212–227.

13. Sorokin P. A. *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. NY: Cooper Square Publishers, Inc., 1962. 742 p.

14. Sorokin P. A. *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia & London: Templeton Foundation Press, 2002. 552 p.

References

1. Sorokin P. A. *Glavnye tendencii nashego vremeni* [The Basic Trends of Our Times]. Moscow, Nauka, 1997, 352 p. (In Russ.)

2. Sorokin P. A. *Dolgij put'* [A Long Journey]. Syktyvkar, Spypas, 1991, 304 p. (In Russ.)

3. Sorokin P. A. *Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii* [Leaves from a Russian Diary. So-ciology of Revolution]. Syktyvkar, Anbur, 2015, 848 p. (In Russ.)

4. Sorokin P. A. *CHelovek i obshchestvo v usloviyah bedstvij* [Man and Society in Calamity]. SPb.,Mir, 2012, 336 p. (In Russ.)

5. Allen P. J. (Ed.) *Pitirim Sorokin in Review*. Durham, N. C., Duke University Press, 1963, 528 p.

6. Sorokin P. A. *Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbors" and Christian Saints*. Boston, The Beacon Press, 1950, 253 p.

7. Sorokin P. A. Reply to My Critics, P. J. Allen (Ed.). *Pitirim Sorokin in Review*. Durham, N.C., Duke University Press, 1963, pp. 369–496.

8. Sorokin, P. A. (1937). *Social and Cultural Dynamics. Vol. II: Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, Law*. New York, American Book Company, 748 p.

9. Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics. Vol. III: Fluctuation of Systems of Social Relationships, War and Revolution*. New York, American Book Company, 1937, 656 p.

10. Sorokin P. A. *Social and Cultural Dynamics. Vol. IV: Basic Problems, Principles and Methods*. New York, Bedminster, 1941, 645 p.

11. Sorokin P. A. *The Reconstruction of Humanity*. Boston, Beacon Press, 1948, 247 p.

12. Sorokin P. A. *This is My Faith. Cole S. G. (ed.) This is My Faith: The Convictions of Representative Americans Today*. NY, Harper&Brothers, 1956, pp. 212–227.

13. Sorokin P. A. *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. NY, Cooper Square Publishers, Inc., 1962, 742 p.

14. Sorokin P. A. *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia & London, Templeton Foundation Press, 2002, 552 p.

И. Г. Конова

**Текст-встреча: коммуникативное пространство
авторской песни**

В статье рассматривается многоаспектность современного культурологического подхода к понятию «интонация» как к коду, меняющемуся со сменой культурных эпох. Приводятся примеры диалога песенной коммуникации, реализующегося как встреча Своего-Другого в процессе смыслодеятельности. Делается вывод об уникальности коммуникативного пространства авторской песни как обмена метафорическими и интерпретационными концептами.

Ключевые слова: интонация, текст авторской (бардовской) песни, диалог, личностный смысл.

*I. G. Konova. Text-meeting: communicative space of the 'author song'
The article deals with the multi-aspect of the modern cultural approach to the concept of «intonation» as a code that changes with the change of cultural eras. Examples of the dialogue of song communication, which is realized as a meeting «the Own» – «the Other» in the process of meaning are given. The conclusion is made about the uniqueness of the communicative space of the 'author song' as an exchange of metaphorical and interpretive concepts.*

Keywords: intonation, the text in bard music/'author song', dialogue, personal meaning.

Текст авторской песни как форма духовного общения людей (Б. Ш. Окуджава) создаёт своё коммуникативное пространство, где песня является средством общения и где «в атмосфере глубокого доверия говорящий раскрывает свои внутренние глубины» [3, с. 248]. Владимир Высоцкий в монологах пояснял, что его «песни – это возможность разговаривать» [5, с. 150] со слушателями, Александр Городницкий в интервью подчеркивает, что в авторской песне «самое главное – откровенный характер разговора о наболевшем, прямая связь с человеческой душой» [8].

Целостное восприятие песенного текста как текста культуры представляет собой многообразный семиотический механизм осмысления структурных элементов песни, или субтекстов: слов, мелодии, ритма, интонации исполнения, жеста и других подсистем текста песни. Интонация является одним из важнейших субтекстов, с ее утратой происходит потеря и коммуникативных свойств. В. А. Васина-Гроссман утверждает, что в «коммуникации “без интонации”» речь не только не понятна, но и невозможна» [4, с. 4].

Изучение интонации в процессе речевой коммуникации является одной из сложнейших проблем. Задачи исследования интонации решают разные науки: в области филологической исследуются вопросы языковой интонации как средства формирования высказывания (раздел лингвистики – интонология); в области искусствоведения изучается в интерпретологии интонация исполнения; в психологии рассматривается интонация, или акустические параметры речи, как система звукоотношений, звуковыражения личности или предмета, вербальный аспект без определения смысла высказывания. Как структура речевого высказывания, интонация то соотносится с музыкальной составляющей, где «речь» рассматривается как «мелодия» (М. Г. Арановский), то отделяется от мелодической линии, то есть интонация не сопоставляется с мелодическим мотивом (А. Ф. Лосев); а С. Лангер пишет о несоответствии речевой и музыкальной функции: «Речь и музыка обладают существенно разными функциями, несмотря на их часто отмечаемое объединение в песне» [16, с. 92].

Представление об интонации как об индивидуальном способе передачи информации с помощью сочетания различных просодических элементов (частота основного тона, долгота, тон, мелодика, ритм, интенсивность, тембр, акценты) дополняется сегодня изучением характерного своему времени коллективного поля общих речево-мелодических особенностей использования этих элементов, которые складываются в понятие «интонация своего времени».

Необходимо прежде всего культурно-философское осмысление роли интонации, где интонация воспринимается как общение, которое можно подвергнуть анализу, то есть как текст

культуры. Интонационные подробности – важная составляющая освоения услышанного в результате духовной деятельности, установления связи интонации и смысла высказывания, как на уровне рационального, так и на уровне эмоционального. Как эмоциональное средство выразительности именно интонация придаёт звучанию осмысленность: «Посредством интонации моделируется эмоция» [12, с. 8]. Так, Б. Л. Яворский в исследованиях интонационных символов Баха на основе анализа музыкальной структуры выделяет такие понятия, как интонации плача, стона, радости и другие подражания разговорным интонациям. С другой стороны, в XX веке интонация всё чаще соотносится с понятием «мысль», которая выражена особым музыкальным образом. В работе музыковеда Б. Асафьева «Музыкальная форма как процесс» музыкальное исполнение соотносится с «мыслимым интонированием», где «область интонаций как смыслового явления безгранична» [1, с. 355].

Важным с точки зрения нашего исследования является отношение к интонации как к коду, с помощью которого можно постичь обобщенную картину каждой эпохи, её «духовную жизнь». Превращение текста из сообщения в код, по И. А. Корсаковой, становится условием, без которого искусство не может существовать и выполнять свою коммуникативную функцию» [15, с. 332]. «Словарь» интонаций Б. В. Асафьева нужно понимать как метафору, а не как сумму: словарь культуры, группы, течения, композитора и др., когда при смене контекста происходит динамика смыслов, а под влиянием смен культурных эпох меняется характер интонации, интонационной среды.

Представление об интонации в XX веке – продолжающийся процесс. Музыковед XX века В. Конен утверждает, что интонационная сфера – это в целом «вся совокупность элементов, образующих собственно музыкальное звучание» [14, с. 15]. Особенную роль играет интонация в песне; по словам Б. В. Асафьева, в этом жанре самое важное – это «лаконичная интонация, действующая на коротком звуковом пространстве» [1, с. 223]. Важно отметить, что каждый элемент песенного текста может воздействовать при восприятии всего текста, иметь основное влияние с учетом индивидуального предпочтения. Появление внешне простой интонации, близкой к обычному разговору, воспри-

нимается прежде всего в соотношении с музыкальными песенными интонациями современности. Так, Елена Камбурова, художественный руководитель Московского театра музыки и поэзии, рассказывает: «Все вокруг было мажорное, в том числе и на эстраде. А я выходила и пела так называемые гражданские песни, для меня они просто общечеловеческие, в своей манере, в своей интонации. Интонация – это всё» [13].

В авторской песне узнаваемыми элементами являются как характер языка текстов (негромкость, задушевность, искренность, личностность), так и интонационная особенность отдельного автора текста. Существенную информацию в текстах авторской (бардовской) песни передает именно эмоциональная выразительность звука через неповторимую авторскую интонацию, где звучащее слово становится выражением Я, создаёт образ-характеристику творчества авторов-классиков («задушевность Б. Окуджавы», «насмешливость Ю. Кима», «ироничность А. Галича» и т. д.) Нужно заметить, что устоявшиеся слуховые впечатления, отчасти и консерватизма, аудитории, привыкшей воспринимать тексты только в авторской интонации, приводят к отрицанию любых интерпретационных интонационных вариантов, изменений мелодического рисунка, появлению новой речевой интонации. Не всегда воспринимаются новые трактовки песен Юрия Визбора, Владимира Высоцкого и других авторов с уникальной, эмоционально-выразительной и запоминающейся интонацией и манерой «прочтения» собственных текстов, например оригинальные решения исполнения классических песен Юрием и Варварой Визбор, внуков известных бардов (молодёжный коллектив «Второе дыхание»).

Важно также, что расширение пространства диалога при исполнении не снижает уровень общения с помощью текстов авторской песни. Это может быть и фестивальная поляна под открытым небом, и песенный «плот»-сцена, и большой концертный зал. Выступления в больших залах, где собралась «своя» аудитория, сохраняют интонацию близкой дистанции, высокий уровень дружеского общения, с реакцией зала, многочисленными записками от слушателей, откровениями выступающего. Так, Александр Городницкий отмечал, что в Большом зале Санкт-Петербургской государственной филармонии на тысячу

триста мест чувствует себя на авторском вечере «своим среди своих» [9].

Неразделённость речевой и музыкальной интонации является важнейшим свойством текста авторской песни. Интонационное единство создаёт особую общность структуры, проявляясь, по мнению М. С. Кагана, в «пении, которое начинается с речитативных форм, совсем близких к живой речи, и постепенно превращается в мелодичный распев; это отчётливо проявляется в напевании стихов нашими бардами – Б. Окуджавой, В. Высоцким, Ю. Кимом, Е. Клячкиным...» [11, с. 276]. Композитор В. Дашкевич в работе «Интономика» [10] пишет, что именно первые авторы-исполнители и были создателями особой, узнаваемой интонации – музыкально-поэтической. Вопросы интонации при изучении текстов авторской песни рассматриваются как смыслообразующий или жанрообразующий элементы (книга «Барды» Л. А. Аннинского, публикация доклада «Поэтическая песня: границы жанра» Л. Альтшулера, монография «Грани звучащего слова (эстетика и поэтика авторской песни)» Л. А. Левиной, статья Ю. Лореса «Авторская песня как театр одного актёра», газетные и журнальные публикации, интервью с авторами-исполнителями).

Значительной особенностью текста авторской песни является то, что песня становится продолжением живой естественной речи, основанной на интонационно-мелодическом разнообразии (в текстах А. Галича, А. Мирзаяна и др.), и на нескольких доминантных звуках (Б. Окуджава, Н. Матвеева и др.). Постепенно складывается корпус текстов авторской песни, которые, соответственно, существуют в звучащей форме, непосредственного исполнения или аудиозаписи; нотная запись текста песни не может сохранить всей полноты произведения в связи с невозможностью фиксации интонационного рисунка. Фестивальные прослушивания, система жюри, творческие мастерские, деятельность клубов авторской песни являются внутренними механизмами уточнения, формирования, прояснения интонации или разработки механизмов понимания песен, отличия «своего» текста от «чужого».

Естественность рождения интонации в момент исполнения песни связана с душевным состоянием человека, определена его

ценностным опытом и личностными устремлениями. Юрий Лорес, теоретик авторской песни, автор песен и член жюри молодежных фестивалей, связывает рождение слова с сиюминутным движением души: «Когда мы читаем книгу (про себя), мы рожаем интонации всегда верные (для себя), то есть это наша работа души и наше эмоциональное наполнение произведения. С вами, вероятно, такое случалось, что на следующий день, потеряв закладку, вы читали вновь прочитанную накануне главу, и только по сюжету узнавали её. Интонации и эмоциональные наполнения оказывались иными, новыми, хотя слова оставались те же. Снова тот же принцип, вероятно, общий для всякого искусства: здесь и сейчас» [17]. Становление авторской интонации – это путь не театральных мастер-классов, а путь личностного роста.

Уникальным явлением в авторской песне стал проект совместного концертного исполнения песен под названием «Песни нашего века». Конечно, авторские песни в дружеском кругу часто исполняются вместе, однако явление сложилось (и воспринимается слушателями) прежде всего как проявление личностного взгляда на мир. Тем интереснее наблюдать принятие слушательской «внутренней» аудиторией варианта «совместного исполнения», своего рода «коллективной интонации»: «Это не одна песня, а море – великое множество штрихов к коллективному портрету в интерьере времени» [7]. Вероятно, сыграло роль также и то, что для проекта выбирались песни, выражающие интонации уходящего века, прошедшие проверку временем.

Интонация как невербализованный субтекст из подсистемы может превращаться в равноправную (иногда и доминантную) часть, а в условиях утраты подлинности духовной работы приводит к утрате смысловой наполненности интонации. Это может проявляться в имитациях интонаций – театрализации или подражательности, когда за интонацией нет искреннего разговора. Любая искусственная натянутость, неверная интонация или фальшь чутко улавливаются собеседником и воспринимаются как искажение, искривление смысла. Неприемлемо также в исполнении авторских песен и подражание автору, магнитофонное повторение интонаций автора. Исполнительство с первых дней появления формы считается особым видом творчества, сродни авторскому.

Применительно к песне модель коммуникации имеет двустороннюю направленность на взаимопонимание (теория коммуникативного действия Хабермаса): песенная коммуникация выражается во взаимодействии, встрече двух смыслов с движением навстречу, где Другой воспринимается как Я (по М. Буберу, «диалогизм» Я и Ты»). Каждый слушатель ждет в песенном тексте открытия прежде всего себя, слушательская деятельность основана на личном опыте, текст воспринимается через призму собственного мироощущения, где переосмысление представления о Другом становится осмыслением представления о себе. В песне происходит не передача смыслового содержания, а формирование смысла, часто нового, и для адресата, и для адресанта, где сама коммуникация, по теории Никласа Лумана [18, с. 85], и рождает смысл: песня-сообщение во встрече смыслов должна получить свое завершение.

С точки зрения коммуникативного подхода, текст песни, являющийся объединенным целым нескольких языков искусства и выраженности типов Другого, включает в себя автокоммуникацию автора и коммуникацию со слушателем. Главный итог слушания как духовной деятельности – рождение личного смысла, который появляется лишь в соприкосновении с «другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» [2, с. 350].

Преобразовательная сила интонации свойственна и речевому тексту, и стихотворному, и песенному. Иосиф Бродский вспоминал, что Ахматова «одной интонацией своей тебя преобразует» [6]. Такое свойство текста, его способность влиять на личность, вызывать внутренние изменения вследствие духовной работы – явление процесса самоидентификации, процесса «самообоснования-в-тексте» [19, с. 73]. Сохранение ценности общения, красоты живой искренней интонации, доминантность таких качеств текста, как ненавязчивая самопрезентация, ироническая рефлексивность, значимость сохранения круга общения, противостояние искажению интонации, – делают текст авторской песни значительным для исследования механизмов понимания и восприятия песенного текста.

Библиографический список

1. Асафьев Б. В. Интонация. Кн.2 // Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. С. 211–376.
2. Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. С. 336–360.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
4. Васина-Гроссман В. А. Музыка и поэтическое слово. М.: Музыка, 1978. Ч. 2, 3. Интонация, Композиция. 368 с.
5. Владимир Высоцкий: монологи со сцены (Лит.запись О. Л. Терентьева). Харьков; Фолио. М.: Изд-во АСТ, 2000. 208 с.
6. Волков С. Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским // Континент. 1987. № 53. С. 337–382. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/volkov-vspominaya-ahmatovu-razgovor-s-brodskim.htm> (дата обращения: 31.10.2018)
7. Гершгорин Эла. «Не хором, а – вместе...». URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1844 (дата обращения: 31.10.2018)
8. Городницкий А. Не буду играть на плавучей гитаре // Новая газета. 2010. № 70. 2 июля. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/07/02/2697-aleksandr-gorodnitskiy-ne-budu-igrat-na-plavuchey-gitare> (дата обращения: 31.10.2018)
9. Городницкий А. Поэты песенок не любят. URL: <https://tass.ru/interviews/5044443> (дата обращения: 31.10.2018)
10. Дашкевич В. Интономика. URL: <http://www.vladimirdashkevich.ru/books.html> (дата обращения: 31.10.2018)
11. Каган М. С. Музыка в мире искусств // Каган М. С. Избранные труды: в 7 т. СПб.: Петрополис, 2008. Т. 5. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. С. 191–391.
12. Казанцева Л. П. Музыкальная интонация. Астрахань: Волга, 1999. 40 с.
13. Камбурова Е. Попсовая интонация заразила молодое поколение певцов // Вечерний Красноярск. 2010. 31 марта. URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=2570 (дата обращения: 31.10.2018)
14. Конен В. Д. Театр и симфония (роль оперы в формировании классической симфонии). 2-е изд. М.: Музыка, 1974. 376 с.
15. Корсакова И. А. Музыкальная коммуникация как феномен культуры. М.: Буки Веди, 2014. 371 с.

16. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С. П. Евтушенко. М.: Респубблика, 2000. 287 с.

17. Лорес Ю. Л. Здесь и сейчас // Журнал «АП Арт». URL: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=230 (дата обращения: 31.10.2018)

18. Назарчук А. В. Учения Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012. 248 с.

19. Сулимов В. А. Человек-в-культуре или понимающий субъект: эволюция восприятия // Антропология: альманах философский, культурологический, антропологический. Вып. 1 / отв. ред.: В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева. Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 72–103.

20. Сюиты Баха для клавира. О символике «Французских сюит» И. С. Баха / Б. Яворский, В. Носина. М.: Классика-XXI, 2009. 156 с.

References

1. Asaf'ev B. V. *Intonaciya* [Intonation]. Kn. 2. Asaf'ev B. V. *Muzykal'naya forma kak process* [Musical form as a process]. Leningrad, Muzyka, 1971, pp. 211–376. (In Russ.)

2. Bahtin M. M. *Iz zapisej 1970–1971 godov*. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity], sost. S. G. Bocharov; tekst podgot. G. S. Bernshtejn, L. V. Deryugina; primech. S. S. Averinceva, S. G. Bocharova. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 336–360. (In Russ.)

3. Bahtin M. M. *Problema rechevyh zhanrov*. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity], sost. S. G. Bocharov; tekst podgot. G. S. Bernshtejn, L. V. Deryugina; primech. S. S. Averinceva, S. G. Bocharova. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 237–280. (In Russ.)

4. Vasina-Grossman V. A. *Muzyka i poehticheskoe slovo* [Music and poetic word]. 2, 3. *Intonaciya, Kompoziciya* [Intonation, Composition]. Moscow, Muzyka, 1978. 368 p. (In Russ.)

5. *Vladimir Vysockij: monologi so sceny* (Lit. zapis' O. L. Terent'eva) [Vladimir Vysotsky: monologues from the scene]. Har'kov, Folio; Moscow, AST, 2000, 208 p. (In Russ.)

6. Volkov S. *Vspominaya Annu Ahmatovu. Razgovor s Iosifom Brodskim* [Remembering Anna Akhmatova. Conversation with Joseph Brodsky]. Kontinent, 1987, no. 53, pp. 337–382. (In Russ.) Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/volkov-vspominaya-ahmatovu-razgovor-s-brodskim.htm> (accessed 31.10.2018)

7. Gershgorin Behla «*Ne horom, a – vmeste...*» [Not in chorus, but together] Available at: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1844. (In Russ.) (accessed: 31.10.2018)

8. Gorodnickij A. *Ne budu igrat' na plavuchej gitare* [I will not play the floating guitar]. Novaya gazeta, no 70, 2010. July 2. Available at: <https://>

www.novayagazeta.ru/articles/2010/07/02/2697-aleksandr-gorodnitskiy-ne-budu-igrat-na-plavuchey-gitare. (In Russ.) (accessed 31.10.2018)

9. Gorodnickij A. *Poety pesenok ne lyubyat* [Poets do not like songs]. Available at: <https://tass.ru/interviews/5044443>. (In Russ.) (accessed 31.10.2018)

10. Dashkevich V. *Intonomika* [Intonomy]. Available at: <http://www.vladimirdashkevich.ru/books.html>. (In Russ.) (accessed 31.10.2018)

11. Kagan M. S. *Muzyka v mire iskusstv* [Music in the world of arts]. Kagan M.S. *Izbrannye trudy v 7 tomah, t. 5. Problemy teoreticheskogo iskusstvoznaniya i estetiki* [Selected Works, vol. 5, Problems of theoretical art study and aesthetics]. St. Petersburg, ID Petropolis, 2008, pp. 191–391. (In Russ.)

12. Kazanceva L. P. *Muzykal'naya intonaciya* [Musical intonation]. Astrahan', Volga Publ., 1999, 40 p. (In Russ.)

13. Kamburova E. *Popsovaya intonaciya zarazila molodoe pokolenie pevcov* [Pop intonation infected the younger generation of singers]. *Vechernij Krasnoyarsk*, 2010, March 31, Available at: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=2570. (In Russ.) (accessed 31.10.2018)

14. Konen V. D. *Teatr i simfoniya (rol' opery v formirovanii klassicheskoy simfonii). 2-e izd.* [Theater and symphony (the role of opera in the formation of a classical symphony), 2nd ed.]. Moscow, Muzyka Publ., 1974, 376 p. (In Russ.)

15. Korsakova I. A. *Muzykal'naya kommunikaciya kak fenomen kul'tury* [Musical communication as a phenomenon of culture]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2014. 371 p. (In Russ.)

16. Langer S. *Filosofiya v novom klyuche: Issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva/ per. s angl. S.P. Evtushenko* [Philosophy in a new way: A study of the symbolism of the mind, ritual and art; transl. from Engl. to S. P. Yevtushenko. Moscow, Respublika Publ., 2000, 287 p. (In Russ.)

17. Lores Yu. L. *Zdes' i sejchas* [Here and now]. *Zhurnal "AP Art"* [AP Art magazine]. Available at: http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=230. (In Russ.) (accessed 31.10.2018)

18. Nazarchuk A. V. *Ucheniya Niklasa Lumana o kommunikacii* [Niklas Luhmann's teachings on communication]. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 248 p. (In Russ.)

19. Sulimov V. A. *Chelovek-v-kul'ture, ili ponimayushchij sub»ekt: ehvolyuciya vospriyatiya* [Man-in-culture or understanding subject: the evolution of perception]. *Antropologika: al'manah filosofskij, kul'turologicheskij, antropologicheskij. Vypusk 1, otv. red. V. A. Sulimov, I. E. Fadeeva* [Anthropology: philosophical, cultural, anthropological almanac. Issue one]. Syktyvkar, Komi pedinstitut, 2011, pp. 72–103. (In Russ.)

20. *Syuity Baha dlya klavira. O simvolike «Francuzskih syuit» I. S. Baha* [Bach suites for clavier. On the symbolism of the "French Suite" by I. S. Bach], B. Yavorskij, V. Nosina. Moscow, Klassika-XXI, 2009, 156 p. (In Russ.)

Е. М. Кузюрина

Политическая эстетика и ее роль в построении социума в Народной Польше (1947–1956 гг.)*

В статье представлена попытка рассмотреть роль политической эстетики в формировании социально-классовой структуры и общественного сознания в Народной Польше после установления коммунистической власти. Исследование построено на пространственно-временной характеристике режима. Внимание уделено сакральному и профанному пространству. Сделан вывод о том, что реорганизация пространства находит отражение в архитектуре, памятниках, плакатах, наименованиях. Рассмотрены такие способы, как театрализация, сакрализация пространства, создание визуальной сверхреальности и конструирование государственных мифов.

Ключевые слова: политическая эстетика, пространство сакральное и профанное, время, архитектура, плакат, телесность.

E. M. Kuziurina. Political aesthetics and its role in the construction of society in People's Poland (1947–1956)

The article reviewed the role of political aesthetics in the formation of a social class structure and public consciousness in People's Poland after the establishment of communist power. The study is based on the space-time characteristic of the regime. Attention is paid to the sacred and profane space. It is concluded that the reorganization of space is reflected in architecture, monuments, posters, names. It considers such methods as dramatization, sacralization of space, creation of a visual superreality and construction of state myths.

Keywords: political aesthetics, sacred and profane space, time, architecture, poster, corporality.

Политическая эстетика как определенный способ политической практики, демонстрирует политические идеи посредством применения эстетических связей, а также является отражением состояния социальной структуры. В данном случае структура общества будет представлена через пространственно-

---

© Кузюрина Е. М., 2019

* *Примечание:* работа выполнена под руководством доктора исторических наук, профессора Л. М. Макаровой.

временные характеристики установившейся в 1947 г. в Народной Польше коммунистической власти.

Пространство формируется прежде всего архитектурой, которая обладает двойкой ценностью – материально-практической и информационно-эстетической. Среда, организованная архитектурой, всегда ненавязчиво, но постоянно, воздействует на эмоции, сознание и поведение человека. Эстетическое, таким образом, выступает как некая «надстройка», а создание эстетических ценностей – как необходимая часть общественного назначения архитектуры [3, с. 7].

Утверждение новой власти обусловило необходимость строительства зданий общественных и партийных организаций. Прежде всего это касалось Варшавы как главного административного центра страны. Задача сопровождалась и необходимостью послевоенного восстановления Варшавы, которое было одновременно стремлением власти придать новый облик столице, иным сделать пространственное разграничение. Уже с 1947 г. проводятся конкурсы на проекты зданий ЦК Польской объединенной рабочей партии, Главного статистического управления, Польского национального банка [8].

Существенные изменения в архитектурный облик польской столицы внес Дворец культуры и науки в Варшаве, возводившийся с 1952 по 1955 гг. Дворец должен был стать не только пространственным ориентиром – самым высоким зданием в городе, но и эталоном стиля. Дворец считается «родственником» сталинских высотных зданий, строительство которых в Москве ознаменовало послевоенный триумф режима.

Выступавший на торжественном открытии Б. Берут подчеркивал, что Дворец культуры – это в первую очередь «символ могучей силы пролетарского интернационализма». Кроме того, Б. Берут отмечал, что «весь польский народ обращается с самыми искренними чувствами дружбы и братства к советскому народу» [цит. по: 16].

Противниками Дворца присутствие советского «подарка» в пространстве столицы воспринимается в качестве символа подчиненного положения Польши и показателя расширения советского влияния за пределами СССР. В современной польской публицистике Дворец характеризуется как «символ польского

порабощения советской империей», «наблюдательная вышка в центре социалистического лагеря» [13]. Ассоциативный ряд мог возникнуть в сознании благодаря размерам Дворца, высота которого первоначально составляла 230,68 м. В 1994 г. к шпилю был добавлен кронштейн антенны, что увеличило высоту до 237 м. В настоящее время Дворец является самым высоким зданием в Польше.

Дворец должен был стать олицетворением социалистических идеалов, но при этом сохранять верность традициям польской культуры [7]. Это неизбежно придавало эклектичность архитектуре здания. Оно представляет собой смесь стилей ар-деко и польского историзма с верностью идеалам социалистического реализма. В 1951 г. советские архитекторы по приглашению польского руководства посетили несколько польских городов для изучения особенностей национальной архитектуры. В оформлении здания Дворца были использованы архитектурные детали, схожие с аттиками Сукенниц (торговых рядов) в Кракове и городского рынка в Казимеже над Вислой [9]. Свообразным прототипом для оформления завершения послужила башня городской ратуши в Кракове [6]. В украшении фасада здания были использованы монументальные скульптуры, в частности изображающие А. Мицкевича, Н. Коперника, а также 28 соцреалистических скульптур советских авторов: аллегии планового хозяйства, науки, искусства, спорта, металлургии [9].

Иное идеологическое наполнение имело строительство города Новая Гута (Nowa Huta), связанное с созданием крупного металлургического завода недалеко от Кракова. Это было ключевым мероприятием 6-летнего плана хозяйственного развития и строительства основ социализма (1950–1955 гг.). Основными его задачами были послевоенное восстановление страны и ее индустриализация.

Строительство нового города вокруг завода способствовало искусственному формированию нового, связанного с коммунистической властью рабочего класса. Это достигалось, в том числе, путем привлечения к работе большого количества крестьян, экспроприацией местного сельского населения и ликвидацией десятка деревень. Эти меры вели и к ограничению влияния реакционной краковской интеллигенции [1].

Стиль Новой Гуты достаточно суровый – нет мозаик, витражей, мало рельефов и скульптур. С этой точки зрения город напоминает провинциальные советские социалистические города. Проектировщики Новой Гуты использовали элементы классицизма – ризалиты, тройное деление фасада, колонны и полуколонны. Часть проектов так и осталась на бумаге, среди них Дом культуры, Ратуша с колоннадой и аттиками, отвечающая принципу «национальная по форме». Национальные архитектурные элементы – аттики, стилизованные под аттики Сукенниц в Кракове – можно видеть на здании, в котором находится главный вход на территорию комбината [10].

21 июня 1949 г. на партийном совещании архитекторов в качестве главного метода в архитектуре был провозглашен социалистический реализм. После принятия принципов соцреализма композиция города начала рассматриваться как единое целое, особо подчеркивалось значение площадей как мест манифестаций и парадов [11].

План Новой Гуты представляет собой «веер»: несколько главных улиц начинаются от центральной площади, образованной административными зданиями, и расходятся в разные стороны. Городские артерии обозначали «ось комбината», связанную с работой, и «центральную ось», где была сосредоточена административная, политическая и социальная жизнь города. Две оставшиеся артерии выполняли коммуникационные функции [11].

Повседневное пространство приобретает иные функции тогда, когда становится местом проведения различных торжественных мероприятий. Оно становится сакральным за счет использования украшений: флагов, плакатов.

Особое значение для коммунистической власти имели два праздника: День Труда (1 мая) и Праздник Возрождения (22 июля), установленный в честь подписания Манифеста Польского комитета национального освобождения в 1944 г., содержавшего программу строительства народно-демократической Польши. Этот день считался символической датой восстановления польской государственности. В польском обществе 1 мая называли «именинами системы», а 22 июля – «днем рождения» [17].

В польской историографии День Труда характеризуется как праздник пропаганды, демонстрация сил коммунистического

режима. Это был тщательно организованный спектакль, при помощи которого власти осуществляли тотальный контроль [19, с. 64], что было возможным благодаря обязательному участию граждан в мероприятиях.

Главным мероприятием коммунистических празднований являлось парадное шествие. Особое значение приобретает здесь понятие массы, поскольку человек интегрируется в общее участие. Э. Канетти отмечал, что первое и главнейшее свойство массы – это стремление к росту. Она готова захватить каждого, и каждый может к ней примкнуть [4]. Можно полагать, что сценарий праздника – некий ритуал, где массовые шествия выступают средством организации масс или способом сохранения власти над ними.

С точки зрения пропаганды было чрезвычайно важно создать жизнерадостное настроение среди участников процессии, потому демонстрации сопровождали музыка и пение. Массовая песня выполняла в первую очередь образовательную и мобилизационную функции [19, с. 64].

Праздник 22 июля был также важен для коммунистической власти, но по части организации уступал 1 мая. Проводились многочасовые парады, но празднованиям пытались придать домашний характер, делая акцент на культурных и спортивных мероприятиях. В эти дни планировались крупнейшие коммунистические политические и экономические события. 22 июля был днем, выбранным для принятия коммунистической Конституции 1952 г., в соответствии с которой Польская Народная Республика была объявлена республикой трудового народа с закреплением руководящей роли за рабочим классом [5].

Помимо парадов и массовых шествий организовывались митинги, на которых рабочие давали обязательство увеличить производительность труда. Параллельно проходили очистка и благоустройство производственных зданий, общественных центров и жилых домов. Этот ритуал ассоциировали с временем возрождения сил природы и расширения человеческой жизнеспособности [19, с. 64].

Кроме того, важными днями для власти были такие даты, как 17 января – освобождение Варшавы, 23 февраля – годовщина создания Красной армии. Особое значение имели празд-

ники представителей отдельных профессий: 9 мая отмечался День металлурга, 28 июня – День кораблестроителя, 12 сентября – День железнодорожника, а 4 декабря – день горняка. Это были профессии, которые играли важную роль для экономического развития страны, а потому не могли быть оставлены без внимания [19, с. 67].

Интересным явлением была адаптация католических праздников к коммунистическому календарю. Рождество пытались представить не как религиозный праздник, а как элемент народной традиции. В «Голосе Народа» («Głos Ludu») – официальной газете Центрального комитета Польской рабочей партии, о нем было написано: «Божий день – день солнцестояния дня и ночи. Ночи становятся короче, а дни становятся длиннее. Силы жизни, весна оказываются сильнее, чем силы ночи. В течение тысяч лет легенды и мифы слились с этим днем о победе добра над злом» [19, с. 69].

24 декабря пытались придать характер «Рождественской акции», взаимного обмена подарками. Чтобы размыть смысл рождественского ритуала, власть пыталась переместить центр тяжести от Рождества к Новому году. В первые дни января во Дворце Совета министров была организована «новогодняя елка», в ходе которой детям дарили подарки.

Власть неохотно ссылалась на католические праздники, предпочитая им советские. Например, годовщину Октябрьской революции считали своим. День 7 ноября был первым праздником, который отмечался сразу после войны, но он не был встречен с энтузиазмом населением, которое помнило действия Красной Армии на территории Польши. Власть считала, что празднование советского национального праздника – это форма благодарности СССР за помощь, оказанную Польше. Празднования начинались в Академии наук, где выступали представители братских стран. Затем появилась художественная часть, например выступление любительских групп Красной армии, вся церемония заканчивалась пением гимнов и возложением венков на могилы павших советских солдат [19, с. 69].

Итальянский историк Э. Джентиле характеризовал подобные массовые зрелища как компенсацию за лишения, которые претерпевали низшие классы общества. Их целью было скрыть

трудности, которые испытывал режим, за фасадом, изображавшим порядок и эффективность [цит. по: 2].

Особое значение в сакрализованном пространстве имеют места и объекты поклонения. В пространстве праздника, к примеру, участники парадов приветствовали высокопоставленных лиц с «трибуны чести», которая была центральным пунктом всех торжеств. Она служила способом презентации, саморекламы власти. Народно-рабочим акцентом трибуны становилось приглашение на нее «обычных» людей, тесно сотрудничающих с коммунистической партией [17]. Трибуна чести может быть охарактеризована в данном случае как попытка обожествления партийных лидеров, элемент идеального мира.

К объектам поклонения и восхваления можно отнести и плакаты, изображающие политических лидеров. Эта форма символической презентации была свидетельством распространения культа личности. Образы, представленные на плакатах, переполняли сознание людей и создавали для них вторую реальность [2].

Главными действующими лицами политических плакатов стали И. Сталин и Б. Берут. Таким способом укреплялся статус Б. Берута, которого в Польше считали верным учеником Сталина и продолжателем дела социализма [19, с. 48].

В таком духе выполнен плакат с совместным изображением Сталина и Берута, широко распространенный весной и летом 1953 г. (рис. 1) [14]. И. Сталин изображен в парадном белом кителе с погонами генералиссимуса и звездой Героя на груди. Б. Берут, напротив, одет в гражданский костюм, без отличительных знаков. Фигура Сталина статная, он изображен спокойным, уверенным, в отличие от слегка сутулого Берута, который держит руки за спиной. Волосы и усы И. Сталина имели благородную седину, что свидетельствовало о мудрости и опыте. Позади двух лидеров развеваются два флага, польский и советский, как принято во время официальных встреч. Но польский флаг практически сливается с советским. Все это, безусловно, снижает значимость польского президента по сравнению с советским лидером, говорит о подчиненном положении не только Б. Берута, но и в целом Польши. При этом сам плакат имеет явно агитационный характер и свидетельствует о пользе польско-

советской дружбы для национальных интересов. Это подчеркивает лозунг: «Советско-польская дружба – это мир. Независимость. Счастливое завтра нашей Родины». Кроме того, присутствует изображение Дворца культуры и науки в Варшаве, «дара советского народа польскому», строительство которого было завершено уже после смерти И. Сталина в 1955 г.

Рис. 1. Советско-польская дружба – это мир. Независимость. Счастливое завтра нашей Родины [18]

Аллея Шестилетнего плана, Аллея Кубинской Революции, Аллея Ленина.

Со сменой власти в стране произошли изменения в семантике пространства. В 1990 г. улица Ленина получила название «Аллея Солидарности». В 1991 г. Аллея Шестилетнего плана и Аллея Кубинской революции стали частью Аллеи Иоанна Павла II, соединяющей Краков и Новую Гуту. Аллея Октябрьской революции получила имя генерала В. Андерса, после войны занимавшего враждебную позицию по отношению к коммунистической власти. Центральная площадь в 2004 г. была названа в честь президента США Рональда Рейгана, известного своей жесткой антикоммунистической позицией. Название металлургического комбината также было изменено в 1990 г., когда

он получил имя известного в Польше металлурга Т. Сендзимира. Изменения отразили новые политические ориентиры.

В 1953 г. именем И. В. Сталина названо предприятие металлообрабатывающей промышленности в Познани, город Катовице в Верхней Силезии переименован в Сталиноруд. Осенью 1956 г. были возвращены прежние названия. Еще при жизни Берута назван его именем Вроцлавский университет (1950 г.) и завод в Ченстохове (1952 г.) [14, с. 31].

В идеализированном пространстве размещается новый, совершенный человек. Особое значение приобретает эстетизация тела, создание образов и текстов, изображающих «нового человека».

Социальную структуру общества определяла Польская объединенная рабочая партия (ПОРП). На I съезде ПОРП в 1948 г. была подчеркнута решающая роль рабочего класса в строительстве социализма и необходимость укрепления союза рабочих и крестьян как фундамента народной власти. Съезд принял директивные установки 6-летнего плана развития народного хозяйства (1950–1955 гг.), в основу которого была заложена программа социалистической индустриализации Польши. В связи с этим на плакатах конца 1940-х – начала 1950-х доминировали изображения представителей рабочего класса и крестьянства, как по отдельности, так и вместе.

Принадлежность к определенному классу обозначалась с помощью характерных атрибутов: одежды и способов ее ношения, изображений орудий труда (рабочие с молотом и мастерком, крестьяне с мотыгой, плугом). Пространство людей на плакатах становится действующим, поскольку они традиционно изображены в процессе труда: рабочие строят (их пространство – стройка, город), крестьяне сеют и собирают урожай (их пространство – поле, село). Символом союза на плакате становится рукопожатие, лозунги подчеркивают общее дело: «Да здравствует»

Рис. 2. Да здравствует рабоче-крестьянский союз! [15]

ет рабоче-крестьянский союз!» (рис. 2) «Вступаем в 6-летний план».

Помимо этого, во время празднования 1 Мая предпринимались усилия по смягчению барьеров, разделяющих город и деревню. В этих целях в городских мероприятиях участвовали крестьянские делегации, а рабочие, с свою очередь, отправлялись в село. Тем самым праздник не должен был ассоциироваться исключительно с рабочим движением.

Рис. 3. Несем урожай в наш общий дом [18]

Характерным для плакатов является изображение людей спиной к зрителю либо таким образом, что практически невозможно разглядеть лиц. Это не распространяется на изображения лидеров страны. Цель подобных плакатов – демонстрация не личности с индивидуальным внутренним миром, а члена социума, ориентированного на общие задачи. Кроме того, обезличенными становятся результаты труда (рис. 3).

Потому его имидж дополняют плакаты, призывающие к здоровому образу жизни. Такие плакаты могут изображать маргиналов, отказавшихся идти вместе с обществом. Один из лозунгов такого плаката требует: «Перестань пить! Пойдем с нами строить счастливое завтра» (рис. 4). Плакат символично разделяет мир на старый и новый, но у человека есть шанс на новую жизнь.

Лозунг другого плаката, на котором изображен нетрезвый мужчина, позади которого идет работа на стройке, гласит: «Отсутствующий [на работе] – это пустыня с фронта борьбы за мир и сильную

Красота «нового» человека, способного к самоотверженному труду, помимо включенности в трудовой процесс, заключалась и в физическом здоровье.

Красота «нового» человека, способного к самоотверженному труду, помимо включенности в трудовой процесс, заключалась и в физическом

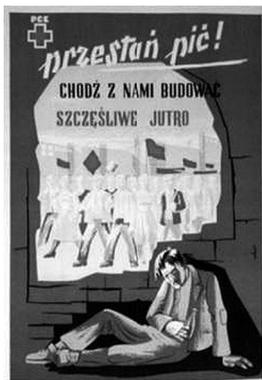

Рис. 4. Перестань пить! Пойдем с нами строить счастливое завтра [18]

Польшу». «Идеальный» человек коммунистического общества должен быть полностью интегрирован в него, он представляет ценность именно по этой причине.

Примечательно, что плакат в качестве способа визуализации будущего и идеальной картины жизни был элементом как временного пространства в качестве украшения праздника, так и пространства повседневного, призванный в таком случае ненавязчиво, но постоянно транслировать заложенные в него идеи.

Неудачным оказалось государственное мифотворчество при создании Новой Гуты. Как отмечал немецкий исследователь Х. Гюнтер, неработающую экономику невозможно до бесконечности поддерживать только лозунгами, обещаниями лучшего будущего и героическим энтузиазмом. В итоге «красота» не может в тоталитарных государствах надолго восполнить недостатки экономической, социальной и политической реальности [2]. Так и Новая Гута постепенно стала местом «борьбы против репрессивной государственной системы». Жители «образцового города» еще в 1960 г. добивались разрешения на строительство храма, а с 1981 г. регулярно организовывали забастовки и уличные акции протеста. Уже в середине 50-х гг. XX века стало ясно, что город был далек от заявленного «идеала». Жизненный уровень населения был низким, наблюдалась регрессия социального и культурного развития [12].

Перед коммунистической властью Народной Польши стояла задача построения иного общества с точки зрения социально-классовой структуры и общественного сознания. Реорганизация пространства стала одним из методов достижения цели. В политическую сферу были включены эстетические способы: театрализация, сакрализация пространства, создание визуальной сверхреальности и конструирование государственных мифов.

Власть, используя политическую эстетику, кодировала в «пространство» повседневности необходимые идеологические конструкты, прежде всего идею построения рабоче-крестьянского государства с доминированием рабочего класса.

Архетип «идеального» человека был искусственно сконструирован властью, которая определяла полезные качества. Это должен был быть сильный и здоровый представитель

рабоче-крестьянской страны. Ценность рабочего класса дополнительно подчеркивалась государственным поощрением отдельных рабочих профессий. Человек становился не только объектом, на который была направлена идеология, но и неким искусственным конструктом, образу которого должен был соответствовать каждый.

Реорганизация пространства находит отражение в архитектуре, скульптуре, плакатах, семантике. Особое значение приобрела сакрализация пространства. Ярким примером абсолютизации сакрального пространства стала Новая Гута, где идеи доминирования рабочего класса транслировались постоянно, вне зависимости от праздничных дат.

В повседневности действовали переосмысленные церковные ритуалы, где идея святости была заменена светской: создание собственной системы праздников, проецирование религиозных прообразов на политических лидеров, создание объектов поклонения (памятников, изображений на плакатах, присвоение имен политических лидеров и значимых событий зданиям и улицам, выделение «трибуны чести» во время праздничных мероприятий).

Искусственное создание идеального общества, без участия в этом процессе человека как личности, явилось одной из причин неприятия идей, о чем свидетельствуют и провал конструирования государственного мифа «идеального города», и массовое неприятие сценария коммунистических праздников.

Библиографический список

1. Веселовская В. «Nowa Huta» в Кракове – (не)забытое прошлое, или Почему популярный среди туристов из ЕС район не посещают жители стран бывшего СССР. 2014. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/puteshestviya/nowa-huta-v-krakove-nezabytoe-proshloe> (дата обращения: 02.12.2015).

2. Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм / авторизованный перевод с нем. А. Маркова, 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/gu2.html> (дата обращения: 30.11.2018).

3. Иконников А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. 288 с.

4. Канетти Э. Масса и власть. Свойства массы. 1960. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/KANETTI/power.txt> (дата обращения: 11.04.2014).

5. Конституция Польши 1952 г. 2008. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=783&attempt=1> (дата обращения: 28.11.2018).
6. Кружков Н. Н. Высотки сталинской Москвы. Наследие эпохи. М.: Центрполиграф, 2014. URL: <https://myguidebook.ru/b/book/1970543998/16> (дата обращения: 30.11.2018).
7. Рудченко О. Дворец культуры и науки в Варшаве. 2001. URL: http://www.projectclassica.ru/v_o/02_2001/02_o_08.htm (дата обращения: 19.02.2013).
8. Самойлова Н. А. Архитектура Польской Народной Республики // Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 2. Архитектура зарубежных социалистических стран / под ред. Н. В. Баранова. М.: Стройиздат, 1977. URL: http://ussr.totalarch.com/architecture_polish_peoples_republic (дата обращения: 30.11.2018).
9. Стрельбицкая М. В. Дворец Культуры и Науки в Варшаве (Pałac Kultury i Nauki) // Советская архитектура. Объекты. URL: <http://www.sovarch.ru/catalog/object/234/?photo=5> (дата обращения: 25.11.2015).
10. Стрельбицкая М. В. Новая Гута // Советская архитектура. URL: <http://www.sovarch.ru/243/> (дата обращения: 02.02.2014).
11. Стрельбицкая М. В. Шестилетний план реконструкции 1950–1955 гг. // Советская архитектура. URL: <http://www.sovarch.ru/104/> (дата обращения: 02.02.2014).
12. Cegła E. Socrealizm Nowej Huty, 2013 URL: <http://krakow.naszemiasto.pl/artukul/galeria/socrealizm-nowej-huty-widziany-z-trabanta,1944421,t,id.html> (дата обращения: 02.02.2014).
13. Kielar A. Ann Applebaum: PKiN to symbol stalinizmu, 2013. URL: <http://www.politykawarszawska.pl/a/254> (дата обращения: 17.09.2014).
14. Król E. C. Bohaterowie z urzędu. Portret przywódcy w stalinowskiej Polsce. Stalin – Bierut – Rokossowski // Blok №2/2003, Polska Akademia Nauk, Warszawa/Berlin. Ss. 11–34.
15. Kultowe plakaty z czasów PRL. URL: <http://staredobreczasy.pl/inne/kultowe-plakaty-z-czasow-prlu/> (дата обращения: 16.02.2015).
16. Lempp E. Kontrowersyjny podarunek Stalina, 2012. URL: [<http://www.rp.pl/artukul/55362,869047-Budowa-PalacuKultury-i-Nauki-ruszyla-60-lat-temu.html?p=1>] (дата обращения: 6.01.2014).
17. Nawrocki K. «Imieniny» i «urodziny» systemu komunistycznego w Polsce, 2008. URL: <http://histmag.org/Imieniny-i-urodziny-systemu-komunistycznego-w-Polsce-1696> (дата обращения: 2.04.2014).
18. Polish communist propaganda posters. URL: <http://mythousandtrinkets.weebly.com/polish-communist-propaganda-posters.html> (дата обращения: 03.12.2014).

19. Wrona G. Język plakatu politycznego jako język władzy. Główne motywy na polskim plakacie propagandowym w latach 1945–1956. Kraków: Uniwersytet pedagogiczny, 2010. S. 109.

References

1. Veselovskaya V. «Nowa Huta» v Krakove – (ne)zabytoe proshloe ili Pochemu populyarnyj sredi turistov iz ES rajon ne poseshchayut zhiteli stran byvshego SSSR. 2014. [«Nowa Huta» in Krakow – (not) forgotten past or why the popular tourist area of the EU the people of the former USSR do not visit]. 2014. (In Russ.). Available at: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/puteshestviya/nova-huta-v-krakove-nezabytoe-proshloe> (accessed: 02.12.2015).

2. Gyunter H. *O krasote, kotoraya ne smogla spasti socialism* [About the beauty, which could not save socialism] (avtorizovannyj perevod s nem. A. Markova), 2010. (In Russ.). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/gu2.html> (accessed: 30.11.2018).

3. Ikonnikov A.V. *Funkciya, forma, obraz v arhitekture* [Function, form, image in architecture]. Moscow, Strojizdat, 1986, 288 p. (In Russ.)

4. Kanetti E. *Massa i vlast'. Svoystva masy* [Mass and power. Properties of masses]. 1960. (In Russ.) Available at: <http://lib.ru/POLITOLOG/KANETTI/power.txt> (accessed: 11.04.2014).

5. *Konstituciya Pol'shi 1952 g.* [Polish Constitution] (In Russ.) Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=783&attempt=1> (data obrashcheniya: 28.11.2018).

6. Kruzhkov N. N. *Vysotki stalinskoj Moskvy. Nasledie epohi* [High-rise of Stalinist Moscow. Heritage of the era]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2014. (In Russ.). Available at: <https://myguidebook.ru/b/book/1970543998/16> (accessed: 30.11.2018).

7. Rudchenko O. *Dvorec kul'tury i nauki v Varshave* [Palace of Culture and Science in Warsaw] 2001. (In Russ.) Available at: http://www.projectclassica.ru/v_o/02_2001/02_o_08.htm (accessed: 19.02.2013).

8. Samojlova N. A. *Arhitektura Pol'skoj Narodnoj Respubliki* [Architecture of the Polish People's Republic]. *Vseobshchaya istoriya arhitektury. Tom 12. Kniga vtoraya. «Arhitektura zarubezhnyh socialisticheskikh stran» pod redakciej N.V. Baranova.* Moscow, Strojizdat Publ., 1977) (In Russ.). Available at: http://ussr.totalarch.com/architecture_polish_peoples_republic (accessed: 30.11.2018).

9. Strel'bickaya M.V. *Dvorec Kul'tury i Nauki v Varshave* (Pałac Kultury i Nauki) [Palace of Culture and Science in Warsaw]. *Sovetskaya arhitektura. Ob'ekty.* [Soviet architecture. Objects]. (In Russ.) Available at: <http://www.sovarch.ru/catalog/object/234/?photo=5> (accessed: 25.11.2015).

10. Strel'bickaya M. V. Novaya Guta [Nowa Huta]. *Sovetskaya arhitektura* [Soviet architecture]. (In Russ.). Available at: <http://www.sovarch.ru/243/> (accessed: 02.02.2014).

11. Strel'bickaya M. V. SHestiletnij plan rekonstrukcii 1950–1955 gg. [The six-year plan for the reconstruction of 1950–1955]. *Sovetskaya arhitektura*. [Soviet architecture] (In Russ.). Available at: <http://www.sovarch.ru/104/> (accessed: 02.02.2014).

12. Cegła E. Socrealizm Nowej Huty [Socrealizm of Nowa Huta], 2013. (In Polish). Available at: <http://krakow.naszemiasto.pl/artukul/galeria/socrealizm-nowej-huty-widziany-z-trabanta,1944421,t,id.html> (accessed: 02.02.2014).

13. Kielar A. Ann Applebaum: Dvorec kul'tury i nauki – eto simvol stalinizma [Palace of Culture and Science's a symbol of Stalinism], 2013. (In Polish). Available at: <http://www.politykawarszawska.pl/a/254> (accessed: 17.09.2014).

14. Król E. C. Geroi iz kontory. Portret vozhdya v stalinskoj Pol'she. Stalin – Berut – Rokossovskij [Heroes from the office. Portrait of a leader in Stalinist Poland. Stalin – Berut – Rokossovsky]. Blok №2/2003, Polska Akademia Nauk, Warszawa/Berlin, ss. 11–34. (In Polish).

15. Kul'tovye plakaty so vremen PNR [Iconic posters from the time of the PPR]. (In Polish). Available at: <http://staredobreczasy.pl/inne/kultowe-plakaty-z-czasow-prlu/> (accessed: 16.02.2015).

16. Lempp E. Protivorechivij podarok Stalina [Stalin's controversial gift], 2012. (In Polish). Available at: [<http://www.rp.pl/artukul/55362,869047-Budowa-PalacuKultury-i-Nauki-ruszyla-60-lat-temu.html?p=1>] (accessed: 6.01.2014).

17. Nawrocki K. «Imeniny» i «den' rozhdeniya» kommunisticheskoi sistemy v Pol'she [«Name Day» and «birthday» of the communist system in Poland], 2008. (In Polish). Available at: <http://histmag.org/Imieniny-i-urodziny-systemu-komunistycznego-w-Polsce-1696> (accessed: 2.04.2014).

18. *Pol'skie kommunisticheskie agitacionnye plakaty* [Polish communist propaganda posters]. Available at: <http://mythousandtrinkets.weebly.com/polish-communist-propaganda-posters.html> (accessed: 03.12.2014).

19. Wrona G. *Jazyk politicheskogo plakata kak jazyk vlasti. Osnovnye motivy na pol'skom agitacionnom plakate 1945–1956 gg.* [The language of the political poster as the language of power. The main motives on the Polish propaganda poster of 1945–1956]. Krakov, Pedagogicheskij universitet, 2010, s. 109. (In Polish).

Л. М. Макарова

Сценография Мариана Колодзеля как пространство коммуникации

На творчество известного польского художника и сценографа Мариана Колодзеля (1921–2009) большое влияние оказало пребывание в концлагере Аушвиц. В течение всей его последующей жизни концлагерь присутствовал в его творчестве в качестве собственного отрицания. Это достигалось в первую очередь при помощи преобразования сценического пространства. Обычно он следовал тексту и ремаркам, но всегда старался найти в своих переживаниях знаки, понятные аудитории, а не просто реквизиты мартирологии.

Ключевые слова: сценография, концлагерь, коммуникация, пространство, творчество, семиология, сцена, лабиринт.

L. M. Makarova. Scenography of Marian Kolodziej as a communication's space

Abstract. In Second World War Marian Kolodziej was the prisoner in Auschwitz, and during all his life Auschwitz was present in everything he did. His work for the theatre was as a protest against what he experienced there. He usually tried to be faithful to the text and to the stage directions, but he would often smash apart the space on the stage. He always tried through his experience to look for common ground with the audience by means of things which are only the external props of martyrdom.

Keywords: scenography, concentration camp, communication, space, creation, semiology, stage, labyrinth.

В польской исследовательской литературе, посвященной театральной деятельности, достаточно большое место уделяется вопросу коммуникации между режиссером спектакля и зрителями. Однако коммуникационные параметры театра этим не ограничены, они представляют собой целостную междисциплинарную систему, состоящую не только из элементов, но и из способов их организации. Особенно важная роль здесь принадлежит понятию «пространство», которое применяется к разным аспектам текста постановки. В частности, для нас особую роль

играет сценографическое пространство, в котором находятся и публика, и актеры, и где также учитывается взаимосвязь разнородных пространств. Помимо этого, необходимо принять во внимание культурные коды, при помощи которых только и возможно понять смысл театральной символики как еще одного элемента коммуникации.

Особым методом в стремлении донести до зрителя режиссерское видение спектакля оказывается сценография, а при ее создании – фигура сценографа. В данном случае это Мариан Колодзей, оказавший значительное влияние на развитие польской сценографии, человек сложной и нелегкой судьбы.

Наиболее значительным жизненным событием М. Колодзая, определившим последующую его биографию, в том числе творческую, стало пребывание в концлагере. Вначале это был Аушвиц, куда М. Колодзей прибыл первым транспортом в 1940 г. Узников этого транспорта использовали первоначально для строительства лагеря, они же стали там первыми заключенными. В 1944 г., когда началась эвакуация Аушвица, М. Колодзая переводили в другие лагеря, вначале на территории Германии, потом за ее пределами. Освобожден он был в 1945 г. из австрийского лагеря Эбензее.

После освобождения М. Колодзей поступил в Краковскую академию изящных искусств, где вначале обучался живописи, а после окончания третьего курса специализировался в области сценографии. Подготовку он получил основательную, его учителем был профессор Кароль Фрыч, один из ведущих специалистов Польши в этой области. Обучение Колодзей с отличием закончил в 1950 г. [9, s. 8]. После окончания академии он был приглашен в качестве сценографа в гданьский театр «Побережье», где проработал до 1989 г.

Сценография, как особый метод и непосредственная деятельность М. Колодзая, является одним из способов реализации режиссерского замысла, его стремления донести до зрителя коммуникацией уровня «режиссер – сценограф – зритель». Эта коммуникация первоначально была ограничена театральной пространством и по преимуществу ориентирована на режиссуру. Однако эволюция драматургии привела к тому, что сценогра-

фическая функция приобрела более самостоятельное и важное значение.

Первый сценографический опыт М. Колодзей, по его собственному утверждению, получил в концлагере, где в целях маскировки помогал занавешивать окна во время проходивших втайне от охраны лагеря выступлений известных польских артистов-заключенных (С. Ярача, Т. Каньского, З. Савана) и режиссера Л. Шиллера [5, s. 6]. Там читали стихи А. Мицкевича, Ю. Словацкого, других известных польских поэтов. Подобные мероприятия пресекались лагерной охраной, поскольку способствовали выживанию узников, укреплению национального чувства, здесь звучала правильная польская речь, а не лагерный жаргон, бывший проявлением вербальной агрессии. Так неожиданно сложилась неразрушимая триада Колодзея: театр – сценография – концлагерь.

Этим актерам и другим многочисленным жертвам Аушвица М. Колодзей мысленно обещал после освобождения рассказать людям о лагере. Поэтому позднее свои рисунки на эту тему и сценографические эскизы он воспринимал как покаяние пережившего концлагерь перед умершими там [5, s. 23].

Польский историк и искусствовед А. Матыня, рассуждая о становлении Колодзея как мастера, больше значения придает не столько его концлагерным опытам, сколько разговорам с Л. Шиллером и С. Ярачем. В период обучения в Академии, а позднее специализации под руководством К. Фрыча осмысление полученной ранее информации должно было принести свои плоды [6, s. 61–62].

Это тем более вероятно, что сценографические концепции Л. Шиллера и М. Колодзея во многом оказывались сходными. Шиллер подчеркивал возросшую роль сценографа в современном театре. Далеко не всегда это видели театральные рецензенты, и не всегда это удавалось сделать самому Колодзею, особенно во времена доминирования соцреализма в Польше. Его концепция спектакля, выраженная в сценографии, временами могла противостоять режиссерской, особенно если последний не придавал значения визуальной форме спектакля. Работы М. Колодзея в этой области не просто иллюстрируют спектакли, они зачастую дают иное, альтернативное режиссерскому,

видение темы. В этом часто заключалась суть его расхождений, временами даже конфликтов с режиссерами, в чем М. Колодзей неоднократно обвиняли. Театральный критик М. Вендриховска утверждает, однако, что М. Колодзей никогда не выходил за рамки обязанностей сценографа, не пытался доминировать при подготовке спектаклей, не подсказывал актерам стиль игры, а режиссеру – способ прочтения текста [10, s. 131]. Подобная позиция вполне соответствует современному пониманию задач сценографии, однако критикой она воспринималось по-разному.

Сам М. Колодзей так пояснял собственную позицию: при подготовке сценографии спектакля главной задачей для него при общем неизбежном подчинении тексту и ремаркам оставалось противостояние концлагерю. Именно на эту задачу была ориентирована, в частности, работа по организации сценического пространства, которое должно обязательно стать разбитым на составные части и таким образом приобрести возможность раскрытия, в противоположность постоянной закрытости концлагерного пространства [5, s. 18].

Описанное пространство было по своим характеристикам не только физическим, оно включало в качестве основной составной части еще и пространство актеров. Его местоположение (это могла быть как комната, так и улица или парк) не имело значения, напротив, внутреннее единство пространства становилось достижимым, в том числе и за счет его автономности относительно сценического значения. Проекты М. Колодзея были сложными именно из-за количества разноплановых пространств внутри единого пространства. Концлагерь был хаосом, беспорядком, поэтому в театре Колодзей следил за тем, чтобы сцена что-то означала также с точки зрения образной структуры. Огромная роль в этом процессе отводилась свету. М. Колодзей создавал пространство при помощи изменения интенсивности освещения, которое влияет на восприятие масштабов пространства, изменяя видение мира.

Формы, которые принимают свет, отражают его и передают иным формам. Постепенно все пространство становится пронизанным светом, возникает впечатление сияния, воздушности. Это один из наиболее универсальных способов преобразования пространства. Примером эффектов такого рода для Колодзея

была Венеция. Там отражения домов снова падают на дома, придавая всей картине оттенок ирреальности. Колодзей использовал это в театре при создании сценографии спектакля «Осуждение доктора Фауста» (1972), когда на зрительный зал проецировались гравюры А. Дюрера из «Четырех всадников Апокалипсиса». В результате зритель оказывался во время спектакля пребывающим в едином сложном пространстве, одновременно виртуальном и реальном, охватывающем зрительный зал и сцену. С задних рядов можно было видеть всю гравюру Дюрера, в пространство которой оказывались вписанными современники [5, s. 18].

В течение примерно 40 лет М. Колодзей был сценографом гданьского театра «Побережье», где поставил за это время более 200 спектаклей, в том числе музыкальных. Работал он также на зарубежной сцене. В его художественном видении соперничали художник (именно на эту специальность он поступил в 1945 г.) и сценограф, поскольку заканчивал курс он уже как ученик известного своим новаторством К. Фрыча. Доминировало в творчестве М. Колодзея видение сценографа, он стремился преобразовать любое пространство, его работы представляли в трехмерном пространстве, даже если изначально они задумывались как двухмерные, плоскостные изображения.

В частности, такими были алтари, созданные в 1987 и 1999 гг. к приезду в Гданьск папы Иоанна Павла II, выставочные пространства, где размещались его живописные работы, сценографические эскизы. Пространство в этом случае выполняло особую роль при построении коммуникации.

В отличие от прежней декорации, сценография стала семиологической концепцией постановки, согласованием пространства текста и пространства сцены как места действия. К характеристикам пространства добавилась тогда еще категория времени. Изображалось уже не фиксированное место, а ситуация высказывания. В вопросе конструирования пластичного видения зрелища Колодзей наследует также, помимо Л. Шиллера, от драматурга и театрального деятеля С. Выспанского (1869–1907) оформление сцены как основу конструкции всего спектакля [6, s. 61].

Впоследствии в творчестве М. Колодзее можно было также увидеть смешанное художественно-сценографическое восприятие, и в настоящее время исследователи часто не могут прийти на этот счет к единому мнению, ограничиваясь простым пересказом содержания его эскизов. Примером может служить описание сценографии к спектаклю «Трагедия о Богаче и Лазаре» Анонима Гданьского, поставленному режиссером Т. Минцем в 1968 г. В описании автора исследования по сценографии мирового театра В. И. Березкина просто упоминается о соседстве готической скульптуры с барочной росписью. Это, впрочем, исходит из его понимания термина «сценография» как искусства оформления спектакля, вида художественного творчества [1, т. 2, с. 130].

М. Колодзей воспринимал театральное творчество как косвенный протест против концлагеря, противопоставляя характеристики лагерной реальности и сценического пространства. Однако конкретно об Аушвице он не упоминал примерно в течение полувека, хотя, по его собственному свидетельству, лагерь постоянно неявно присутствовал в его творчестве¹.

Тем не менее единственной прямой отсылкой к концлагерю М. Колодзей считает свою сценографию 1972 г. к пьесе Й. Сито «Осуждение доктора Фауста». Но и там лагерь показан не непосредственно, а при помощи проекции на зрительный зал во время спектакля гравюр из «Апокалипсиса» А. Дюрера.

Больше всего ассоциаций с концлагерем в этой сценографии возникает при демонстрации картин ада – клубов дыма и беспорядочно двигающихся фигур людей. Клубящийся дым или тучи, в которых исчезают люди, по свидетельству М. Грот, часто впоследствии присутствовали в сценографии М. Колодзее [4, s. 93]. Этот постоянный образ крематория оставался для него наиболее емким символом концлагеря. Колодзей подчеркивал также, что на рисунках концлагерной тематики он не изображал неба, которое было закрыто дымом из труб крематория, внешнего мира тоже не было, там был только ад [5, s. 20]. Под пространством в данном случае понимается не просто территория, виртуальная или реальная. Сценографическое пространство, в

---

¹ Такова характерная реакция многих бывших узников нацистских концлагерей [См., напр.: 7, с. 10–13].

котором находятся актеры и публика во время спектакля, обычно представляет собой в его эскизах по меньшей мере связь пространств, которые могут быть разграничены вертикально или горизонтально. Это позволяет вести действие спектакля одновременно на нескольких уровнях.

Неявным способом противостояния лагерю становился показ относительности времени. Однако этот подход оказался слишком абстрактным, для того чтобы быть воспринятым без обширных комментариев.

Пространство может трансформироваться при помощи определенной архитектуры или даже отдельных предметов, разграничивающих его чисто символически и создающих нужный эмоциональный фон. Это может быть крест из разбитых автомобилей, который придаст добавочный смысл обычной, как будто житейской драме, создавая аналогию страданиям Христа (Кладбище автомобилей, 1972). Гораздо более скромные средства преобразования пространства – небольшие предметы – зачастую оказывались более насыщенными семиотически. В частности, найденный в крематории самим Колодзеем обгоревший будильник становился вечным напоминанием как о бесчисленных погибших в концлагере, так и о времени, которое для самого Колодзея прервалось на пять с половиной лагерных лет. Часы, атрибут Времени уже в космическом значении этого слова, постоянно фигурируют как в его сценографии, так и на рисунках.

Спектакль 1970 г. «Польские Фермопилы»¹ организован как пространство видений умирающего человека, как круговорот мыслей тонущего князя. Кульминационным моментом спектакля является смерть князя Юзефа Понятовского в водах Эльстера. Изменение скорости этих мыслей передается при помощи ускорения или замедления сценического действия, что придает всему спектаклю, помимо постоянного напряжения, мистический оттенок.

Премьера спектакля состоялась в Гданьске в декабре 1970 г., а через несколько дней после этого начались рабочие высту-

---

¹ События пьесы Т. Мичинского, по которой режиссером М. Окопинским поставлен спектакль, относятся к 1813 г., Битве народов под Лейпцигом. Ю. Понятовский, маршал Франции, сражавшийся на стороне войск Наполеона, утонул через три дня после окончания битвы.

пления на гданьской верфи. Колодзей здесь использует все возможности живописи: цвет, контраст – сообщает ритм пространству, создает иллюзию глубины. Перед началом спектакля сцена от зрителей не отделяется занавесом, эта условная граница между зрителем и актером отсутствует. Такое единство сцены и зрительного зала демонстрировалось Колодзеем впервые. Актуальность спектакля была настолько значительной, что зрители искали на сцене ответы на проблемы современности. Спектакль был тесно связан с актуальными политическими событиями в Польше.

Конная статуя Ю. Понятовского в качестве постоянного атрибута организует хаотичное пространство сцены, заполненное не только живыми актерами, но и куклами, в частности царицы Екатерины II, умершей к тому времени. Исторические образы приобретают поэтому символическое значение, расширяя перспективы самой драмы. Многочисленные военные атрибуты напоминают зрителю о неудачном исходе последнего сражения и неизбежности гибели героя.

Пространство Колодзея здесь неограниченное, оно открыто как вглубь сцены, так и в сторону зрительного зала. Почти прозрачные барьеры позволяют одновременно показывать разноплановые события, происходящие в разных концах и на разных уровнях сцены. Понятовский гибнет, и его памятник приобретает четкость, свойственную произведениям искусства [10, с. 133–135].

Театральное пространство может быть создано также за счет актуализации пространства, создаваемого самими актерами. Именно при помощи проксемики, способа структурирования человеческого пространства, в «Осуждении доктора Фауста» М. Колодзей показал концлагерь как скопление ужасающих масок. Здесь может играть роль дистанция между людьми или организация жилища (такой прием был использован при подготовке сценографии «Свадьбы» С. Выспянского (1976). Учитывается еще и внутреннее пространство человека, его открытость или закрытость, поэтому уместно также говорить о проксемическом поведении индивидов. Такое пространство отражает менталитет живущих в нем людей. Возможно также наслоение пространств как добавочный способ кодирования дистан-

ции между актерами [2, с. 255–256]. Особую роль в этом случае могут играть костюмы. Однако как костюмограф М. Колодзей больше известен в мире кино, где одежда актеров играет существенно более важную роль, чем в театре. Исключением можно считать отказ М. Колодзея от использования в фильме о концлагере полосатой одежды заключенных. По его мнению, она больше говорила о лагере, чем о человеке¹.

Из музыкальных спектаклей наиболее близка к зарисовкам лагерной проблематики сценография к симфонии «Художник Матис» П. Хиндемита, посвященной творчеству художника М. Грюневальда. Сценография трех частей симфонии – «Концерт ангелов», «Положение во гроб», «Искушение св. Антония» – базируется на росписях Изенгеймского алтаря М. Грюневальда [3, т. 1–19]. Однако работа этого художника в качестве элемента сценографии претерпела существенное изменение, одновременно приблизившись к музыкальному содержанию. Живописное пространство, в соответствии с замыслом сценографа, было разбито на ряд фрагментов.

Центральную часть, как и у Грюневальда, занимало «Распятие», выражение наивысшего страдания, в нижней части оно было дополнено фрагментом из «Искушения святого Антония» со створок того же алтаря и отдельным показом сцепленных рук Марии Магдалины, как напоминания о терновом венце. Произвольное, на первый взгляд, сочетание в сценографии отдельных фрагментов алтарных росписей М. Грюневальда создавало на сцене бинарную оппозицию «искушения-страдания» как всего содержания человеческой жизни.

Над распятием справа, немного вне пределов картины, был дополнительно помещен обгоревший будильник из крематория. Поверхность будильника покрыта изображениями контуров херувимов. Благодаря апелляции к Библии, происходящее приобретало вневременное значение. Ад и рай даже на этом ограниченном пространстве вновь соседствовали, создавая вечное противоречие между добром и злом, дополняя вневременное страдание информацией об ужасах XX века. С левой сторо-

---

¹ Речь идет о костюмах к фильму режиссера Ванды Якубовской «Конец нашего мира» (1964).

ны от распятия, в виде черного пятна, своеобразного «черного солнца», находился очередной намек на трубы крематория.

Распятие Грюневальда оказалось знаковым для Колодзая и позднее неоднократно использовалось как в сценографии, так и в рисунках по тематике концлагеря. В сценографии к спектаклю 1975 г. по историко-философской пьесе венгерского поэта и драматурга И. Мадача «Последние дни Чака» (1975) представлены сцены страданий, напоминающих одновременно страдания и св. Себастьяна, и Христа.

Поднятая вверх правая рука Чака напоминает знаменитую «судорогу» как выражение непереносимой боли из «Распятия» М. Грюневальда. Беспорядочно перекрещенные опоры, на которых распят герой, в оформлении следующей сцены окончательно превращаются в крест, где подвешено пронзенное множеством копий сердце. Однако здесь страдание показано на фоне солнечного круга, апеллирующего к «Христу в славе» из алтарных росписей Грюневальда, что позволяет надеяться на оптимистическое завершение трагедии, но уже в ином мире.

Помимо сценографии к спектаклям как на польской, так и на зарубежной сцене, М. Колодзей известен как создатель серии рисунков по концлагерной проблематике, которые также были представлены за рубежом, в частности в Италии.

Проблема пространства и времени в работах М. Колодзая тесно связана с его биографией, эту связь не смогли пригасить даже груз и опыт прожитых лет. В его творчестве это находит разнообразное выражение. За внешне однозначными изображениями у Колодзая всегда существует второй план, та самая многозначность лагерного, а позднее сценического пространства, к которой он стремился и в своей сценографии.

М. Колодзей удалось создать зримый, буквально осязаемый образ концлагеря, заполненного доведенными до состояния абсолютной идентичности тысячами людей и параллельно им чудовищными созданиями его воображения. Его видения поэтому всегда были одновременно целостными и расколотыми. В его творчестве представлены два круга, первый – это новый возврат к уже как будто преодоленной проблеме, к прежним жизненным ценностям, второй – круг автора и его произведения. Они объединены генеральной идеей – борьбой жизни и смер-

ти. Однако вместе они формируют третий, реально существующий мир. Зал, в котором открыта постоянная выставка работ Колодзая, составляет часть комплекса памяти М. Кольбе¹, и одновременно – это территория вблизи Освенцима. Все вместе составляет такое переплетение пространства и времени, которое вполне может быть генеральным лабиринтом жизни Колодзая. Лабиринты Колодзая – это и лабиринты лагерного хронотопа, и лабиринты души, длинный ряд переходящих одно в другое видений деформированного лагерного мира.

Лабиринт является одним из наиболее сложных вариантов пространства, поскольку в нем объединены пространство сцены и пространство актера. В данном случае хронологический масштаб этой коммуникации – вся жизнь М. Колодзая. Он включается в это пространство как политической деятельностью, так и искусством. Эти два элемента тесно связаны, особенно в период приездов в Польшу папы Иоанна Павла II (1987, 1999 гг.), для нас максимальный интерес представляет второй элемент.

Пространство может восприниматься как статичная структура и как явление. Замкнутое пространство концлагеря противопоставляется открытому пространству мира, как на рисунке «Древо жизни», где перед загнанными на дерево заключенными предстает мир за пределами лагерных ограждений и труб крематория. Происходит перетекание одного пространства в другое. Так может быть и в сценографии, когда пространство, создаваемое актером, оказывается связанным и с другими пространствами, и актерами или с концепцией сцены.

Иногда достаточно мелочи для преобразования пространства. Частыми элементами пространства становятся лестница (символ пути без цели) или свалка. У Колодзая без свалки не обходилась ни одна выставка. Свалкой он показывал, что при отсутствии сценографа, то есть света и сцены, декорация превращается просто в кучу мусора. Для его сценографии характерно доминирование света.

Кочующая символика М. Колодзая создает единое пространство всего его творчества. Оно и становится лабиринтом. Первый,

---

¹ Максимилиан Кольбе, монах-францисканец, бывший узник Аушвица. Пожертвовал собственной жизнью ради спасения другого человека, был убит нацистами 14 августа 1941 г. Канонизирован в 1982 г.

более ранний, альбом под названием «Лабиринты» почти полностью посвящен рисункам М. Колодзая по концлагерной тематике [5]. Это история концлагеря Аушвиц, попытка связать полисемантическую художественную интерпретацию отдельных его элементов в единое целое, некий вариант голограммы, в каждом элементе которой концлагерь отражается полностью. Художник стремился дать не столько личные переживания, сколько виртуальный образ всего лагеря. Отвечает этой цели и организация печатного материала в альбоме. У рисунков М. Колодзая нет названий, поскольку он полагал, что название навязывает (ограничивает) концепцию, это непрерывный поток лагерных впечатлений (пространств), перетекающих одно в другое.

Названия у него имеют только работы, участвовавшие в зарубежных выставках (это одно из требований к участникам), в изданном альбоме нет нумерации страниц, того, что так или иначе структурирует материал. По его собственным словам, он всегда хотел контактировать со зрителем при помощи общеупотребительных «знаков» (его термин), хотел донести до зрителя более глубокое представление о назначении лагеря, чем просто внешние обозначения мартирологии. Таким образом, изначально оказывается заявленной семиотическая составляющая его творчества. Свое творчество М. Колодзей оценивал как послание, обращенное к современникам, и одновременно письмо к самому себе, спустя годы. Особенно это подчеркивается в его двойном автопортрете – девятнадцатилетнего заключенного Аушвица с маской вместо лица и современника.

Сценографические работы – это тоже своеобразное письмо, но, в отличие от его рисунков, усложненное трехмерностью пространства. Происходит согласование и взаимодействие, с одной стороны, образа и текста, с другой – пространства сцены и пространства текста. В этих условиях сценограф становится автономным в своем стремлении выразить указанное соотношение, он может теперь внести собственный вклад в сценическое решение спектакля. Пластическое воображение М. Колодзая было настолько экспрессивным, что могло внести дополнительные элементы в режиссерскую интерпретацию спектакля. Все его творчество испытывает сценографический подход, становится объемным.

Поскольку в лагере наибольшее впечатление производила, по словам Колодзая, замкнутость пространства, при оформлении спектаклей он часто старался продемонстрировать открытость и множественность внутреннего пространства сцены, придать ему самостоятельное значение, разбив на собственно территорию, «космос» и освещение [5, с. 18]. Одно пространство всегда перетекало в другое. В сценографии Колодзая лагерь присутствовал, таким образом, в виде собственного отрицания. Но прежде всего он должен был раствориться в свете, имевшем для Колодзая особое значение. Именно свет, по его мнению, отражаясь от множества поверхностей, придает всему пространству особую внутреннюю освещенность, даже свечение, создавая впечатление сияния, воздуха, «космоса». Подобное открытое, незамкнутое пространство он старался увидеть и в человеке, в первую очередь в актерах, это также становилось вызовом концлагерю, где человек замкнут телесно и духовно.

Библиографический список

1. Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. Т. 2: Вторая половина XX века. В зеркале Пражских Квадриеннале 1967–1999 годов. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 130.
2. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. С. 255, 256.
3. Fraenger W. Matthias Grünewald. Dresden: Verlag der Kunst, 1985. Tafeln nr. 1–19. Иллюстрации в издании пронумерованы особо, вне номеров страниц.
4. Groth M. Czysta słów rysowanych. W rozzukiwaniu formy // Marian Kołodziej: *Theatrum vitae*. Gdańsk: Muzeum Narodowe w Gdańsku, 2013. S. 87–103.
5. Kołodziej M. Labirynty Mariana Kołodzieja. Stała wystawa Mariana Kołodzieja – Oświęcim-Harmężę. Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OFMConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin-Oświęcim, 2003. 237 s. (нумерация страниц наша. – Л.М.)
6. Matynia A. Teatr swój widział ogromny... Kilka dywagacji o wizjach scenicznych Mariana Kołodzieja //Marian Kołodziej: *Theatrum vitae*. Gdańsk: Muzeum Narodowe w Gdańsku, 2013. S. 61–73.
7. Pawełczyńska A. Wartości a przemoc. Zarys socjologicznej problematyki Oświęcimia. Warszawa-Lublin: Test, 2004. 248 s.
8. Słojewska-Kołodziej H. Twoja droga przez Labirynty Mariana Kołodzieja. Przewodnik. Gdańsk-Harmężę, Klasztor Franciszkanów w Harmężach, 2008. 47 s.

9. W tym mieście odnalazłem siebie. Rozmawiali: M.Brand, R.Radwański // City magazine. Listopad 2000. S.8-9.

10. Wendrychowska M. Forma otwarta. Szkic o plastyce teatralnej Mariana Kołodzieja // Marian Kołodziej: Theatrum vitae. Gdańsk: Muzeum Narodowe w Gdańsku, 2013. S. 129-142.

References

1. Berezkin V. I. *Iskusstvo scenografii mirovogo teatra*. T. 2: *Vtoraya polovina XX veka. V zerkale Prazhskih Kvadriennale 1967–1999 godov* [Scenographik art of mondial theater. T. 2: Second haft of the XX century. In the mirror of Prag Kvadriennale 1967–1999 years] 2 Izd. Moscow, Editorial URSS Press, 2010, p. 130. (In Russ.)

2. Pavi P. *Slovar' teatra* [Theaters dictionary]. Moscow, Progress Press, 1991, pp. 255, 256. (In Russ.)

3. Fraenger W. *Matthias Grünewald* [Matthias Gruenewald]. Dresden, Kunst Press, 1985. 354 s. Tafeln nr. 1–19. (In German).

4. Groth M. *Cisza słów rysowanych. W roszukiwaniu formy* [Silence of the words drawned. In search of the form. Marian Kołodziej: Theatrum vitae. Gdańsk, Publ. Muzeum Narodowe w Gdańsku, 2013, ss. 87–103. (In Polish)

5. Kołodziej M. *Labirynty Mariana Kołodzieja* [Marian Kolodziejs Labyrinths] Stała wystawa Mariana Kołodzieja – Oświęcim-Harmęże. Publ. Diecezji Pelplińskiej Bernardinum Zakon oo. Franciszkanów (OFMConv.). Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau. Pelplin-Oświęcim, 2003, 237 s. (нумерация страниц наша. – Л.М.) (In Polish)

6. Matynia A. *Teatr swój widział ogromny... Kilka dywagacji o wizjach scenicznych Mariana Kołodzieja* [He saw his theater immense...Several digressions on stage visions of Marian Kolodziej]. Marian Kołodziej: Theatrum vitae. Gdańsk, Muzeum Narodowe w Gdańsku Publ, 2013, ss. 61–73. (In Polish)

7. Pawełczyńska A. *Wartości a przemoc. Zarys socjologicznej problematyki Oświęcimia* [Values and Violence. Sketch of problem sociological of Auschwitz]. Warszawa-Lublin, Test Press, 2004, 248 s. (In Polish)

8. Słojewska-Kołodziej H. *Twoja droga przez Labirynty Mariana Kołodzieja. Przewodnik* [You route through Marian Kolodziejs Labyrinths] Guide. Gdańsk-Harmęże, Publ. Klasztor Franciszkanów w Harmężach, 2008, 47 s. (In Polish)

9. *W tym mieście odnalazłem siebie*. [In that city find vself] Interview. Rozmawiali: M. Brand, R. Radwański. City magazine. Listopad, 2000, ss. 8–9. (In Polish)

10. Wendrychowska M. *Forma otwarta. Szkic o plastyce teatralnej Mariana Kołodzieja* [Form open. Sketch of Marian Kołodziejs theatre plastic]. Marian Kołodziej: Theatrum vitae [Marian Kołodziej: Theatrum vitae]. Gdańsk, Publ. Muzeum Narodowe w Gdańsku, 2013, ss. 129–142. (In Polish)

О. Л. Максимова

**Философия образования в контексте философии
лимитизма К. Ф. Жакова**

В статье рассматриваются философские взгляды К. Ф. Жакова на образование: раскрывается значение образования, его цель и принципы, на основе которых базируется педагогическая деятельность. Анализируется система образования, основанная на комплексном подходе к изучению человека. Особое внимание уделяется взаимоотношениям образования и философии. Проводится сравнительный анализ прогрессивных взглядов К. Жакова на образовательный процесс и современную систему образования.

Ключевые слова: К. Ф. Жаков, лимитизм, философия образования, принципы педагогической деятельности.

O. L. Maksimova. Philosophy of education in the context of K. F. Zhakov's limitism philosophy

The article considers the K. F. Zhakov's philosophy of education and reveals the importance of the education, its purpose and principles forming the basis for the pedagogical activity. The educational system building on the integrated approach to the study of man is under review. Particular attention is paid to the relationships between education and philosophy. The comparative analysis of the K. F. Zhakov's progressive view on the educational process and the modern educational system is provided.

Keywords: K. F. Zhakov, limitism philosophy, philosophy of education, principles of the pedagogical activity.

Взгляды К. Ф. Жакова на образование закономерно возникают из картины мира, представленной в философии лимитизма [1]. Лимитизм, созданный по принципу синтеза разных типов мировоззрения и способов познания, зарождается как реакция на социальные и политические преобразования начала XX века и на «болезни» современной западной философии, к которым, по мнению К. Ф. Жакова, относятся потеря философией свой ведущей роли, отрицание Бога, специализация, индивидуализа-

ция, всеобщая разобщенность и вражда ученых с философами, противостояние науки и философии с религией. В связи с этим К. Ф. Жаков определяет цель лимитизма как единство наук, философии и религий: «Лимитизм – неизбежный вывод всех наук, всех философий, всех религий. Это неизбежное Благо» [5, с. 204]. Таким образом, лимитизм как философская система представляет собой попытку привести к общему знаменателю накопленные человечеством знания и опыт.

Лимитизм – эволюционная теория познания К. Ф. Жакова [4], стремящаяся к своему пределу – Бытию как проявлению диалектического «Единого» («Первопотенциального») в круговороте жизни по граням Потенциального и Реального. Грани реального мира образуют пространство, время, материю, душу, разум, эстетическое, добро. В потенциальной реальности им соответствуют семь потенциалов: бесконечность, вечность, перво-материя, мировая душа, космический разум, космическая жажда творчества, мировая любовь. Грани не переходят друг в друга ни в реальном, ни в потенциальном, подобно тому как материальное не сводится к духу, но при этом оба начала обеспечивают непрерывный жизненный цикл. В соответствии с семигранностью мира К. Ф. Жаков выстраивает систему наук: каждой грани соответствует своя определённая наука (геометрия, хронология, физика, психология, логика, эстетика и этика), а пределом стремления всех наук является доминирующая наука о ценностях – философия, которая должна определять цели и задачи всех наук.

Придерживаясь принципов эволюционной системы, К. Жаков раскрывает постепенное развертывание Потенциала от низших к высшим граням реального мира: от низшего к высшему, от переменного к предельному. Такое развитие обеспечивает гомологичность в природе и в психике. В материальном и психическом Потенциал раскрывается не полностью, оставаясь «в себе», он сохраняет возможность реализации в высших ценностях – логическом, эстетическом и моральном. При этом такая эволюция Потенциала становится возможной только благодаря человеку. Следовательно, человек в лимитизме – это особая ступень эволюционного раскрытия мира.

По мнению К. Ф. Жакова, эволюционное развитие высших ценностей осуществляется благодаря воспитанию, доминантой которого является образование. Философом задается цель образования – стремление к логическому (развитию разума), эстетическому (формированию чувства прекрасного) и этическому (постижение добра). Придавая первостепенное значение образовательному процессу и опираясь на лимитические принципы постижения законов мира, К. Жаков выстраивает целостную систему образования.

В работе «О воспитании» (1917 г.) философ определяет основополагающий принцип воспитания и образования: «Воспитывать нужно сообразно природе» [2, с. 2]. На первый взгляд, такой подход аналогичен пайдеи – античной системе воспитания, осуществляющей гармоничное развитие души и тела с опорой на природу человека. Однако понимание взаимодействия физического и духовного в XX веке выходит на новый научный уровень: система воспитания, по мнению мыслителя, должна отталкиваться от психофизиологических особенностей человека, знание о которых заключено в таких науках, как анатомия, психология, физиология и др. Именно эти науки, познавая психическую и физическую специфику человеческого организма, отвечают на вопрос «как воспитывать?» и формируют тем самым методологическую базу воспитательного и образовательного процессов. Содержание, как было сказано выше, определяется философией. Рассматривая закономерности появления и проявления потенциальных возможностей человека в разные возрастные периоды, К. Ф. Жаков опирается, во-первых, на философские труды (Сократ, Платон, Аристотель, Дж. Локк, И. Кант и др.); во-вторых, на труды психологов и физиологов (И. Павлов, М. Бехтерев, В. Вундт и др.); в-третьих, обращается к практическому опыту докторов (Серебряников [2, с. 7]) и своим педагогическим наблюдениям.

Описывая особенности ребенка в разные периоды его развития, К. Жаков определяет принципы педагогической деятельности: во-первых, педагоги должны знать специфику психических процессов, в частности, учитывать соотношение разума, воли и инстинктов. Раскрывая сущность инстинктов, К. Ф. Жаков выделяет низшие инстинкты (природные) и выс-

шие инстинкты (социальный, моральный, эстетический, интеллектуальный, религиозный). Высшие инстинкты (субъективное начало) не следует путать с высшими категориями (объективное начало). Инстинкты – это стремление к категориям, которые отражают объективные законы, лежащие в основе разумного (логического, интеллектуального), прекрасного (эстетического), доброго (морального) и качества (психического). Если инстинкты берут верх над волей и разумом, то человек впадает в сумасшествие. Таким образом, педагог должен наблюдать за инстинктами ребенка, способствовать их развитию, но при этом следить, чтобы инстинкты были под контролем разума.

Рассматривая последовательность развития инстинктов в процессе обучения, К. Ф. Жаков в первую очередь акцентирует внимание педагогов на социальном и моральном инстинктах. Социальный инстинкт проявляется в стремлении человека к своему роду и потребности «соглашать свои действия с толпой» [2, с. 4]. Формы выражения социального инстинкта достаточно разнообразны, например «славолюбие», тщеславие, «почетолобие» и т. д. Для человека опасно неодобрение социума, так как это ведет к уязвлению самолюбия, а «на этой почве много трагедий и самоубийств» [2, с. 5]. Социальный инстинкт развивается благодаря образовательным учреждениям, в частности детским садам, детским площадкам, школам и т. д. Говоря современным языком, К. Ф. Жаков имеет в виду социальную адаптацию ребенка и личностную идентификацию: «Самое великое открытие, которое делает ребенок, – это констатирование своего “я”» [2, с. 9]. Второй высший инстинкт, требующий особого внимания педагога, – моральный инстинкт, проявляющийся «в жалости, в стыде, и в благочестии» [2, с. 4]. Существует предел развития высших инстинктов: они не должны превалировать над волей и разумом, иначе, как указывалось выше, это путь к сумасшествию. Таким образом, педагог должен знать особенности инстинктов как природных факторов и уметь их корректировать.

Следующее требование, выдвигаемое К. Ф. Жаковым к педагогу, – обладать знаниями из области физиологии, в частности понимать функционирование нервной системы, основной формой деятельности которой является рефлекс. Сочетание реф-

лексов определяет поведение человека, следовательно, цель педагогической деятельности – разрушать вредные рефлексy и формировать полезные сочетания рефлексов. Следует отметить, что в понимании рефлексов К. Жаков больше разделяет точку зрения М. Бехтерева, нежели И. Павлова, с которым философ вступает в дискуссию. Взгляды К. Жакова и М. Бехтерева на цели воспитания также созвучны: «Воспитание есть создание привычек в сфере физической, нравственной и умственной» [6, с. 3]. Таким образом, воспитание и образование должно не только улучшать и правильно направлять то, что заложено в человеке природой, но и формировать новые качества, которые помогут человеку стать высоконравственной личностью и приносить пользу своему сообществу.

В соответствии с воззрениями на человека, представленными в лимитизме [8], и учётом психического и физического развития ребенка К. Ф. Жаков разрабатывает систему образования низшей (начальной), средней и высшей школы. Образование дошкольного периода философом не затрагивается подробно: «предмет мало изучен <...> Здесь, по-видимому, можно рекомендовать лишь два правила: 1) изучать ребенка, и 2) по возможности не мешать его самотворчеству» [2, с. 10]. Следует отметить, что педагогические воззрения К. Ф. Жакова складываются в русле формирующейся в к. XIX – нач. XX в. российской традиции философии образования и во многом продолжают линию научной педагогики К. Ушинского, который обращается к философии для осмысления педагогического процесса и создает новые школьные программы на основе комплексного подхода. Подготовленные и внедряемые К. Ушинским образовательные программы имели выраженный прикладной характер и должны были готовить учеников к реальной жизни.

Основополагающим элементом образовательной системы К. Ф. Жакова является философское образование (именно оно формирует миропонимание), затем идет изучение семи главных наук (геометрия, хронология, физика, психология, логика, эстетика и учение о нравственности), а далее – освоение технических наук. При выстраивании образовательного процесса К. Жаков делает акцент на таких трех основополагающих принципах, как логизация, индивидуализация и провинциализация препо-

давания. В соответствии с принципом логизации образование должно быть нацелено на развитие разума, а не памяти, на которую нельзя опираться: «Память – свойство материи нервов и изменчива, а разум – свойство духа» [2, с. 12]. Индивидуализация должна проявляться в преподавании в соответствии с уровнем развития познавательных способностей каждого ученика: «для тех, кто отстает, и для тех, кто нога в ногу идет с программой» [2, с. 12]. Провинциализация предполагает выбор учебных дисциплин с учетом природной и производственной специфики региона, в котором находится учебное заведение.

На примере изучения философии ярко проявляются особенности образовательных уровней начальной, средней и высшей школы. При составлении программы начальной школы учитывается специфика и взаимосвязь исторических типов мировоззрения, в частности выявляется общее между философией и мифом: философия как теоретический тип мировоззрения своими корнями уходит в миф, объясняющий мир через образы и ощущения. «На основании мифов, сказок и легенд и необходимо излагать философию детям ... Мы читаем Калевалу, там говорится, что из яйца утки возник мир, из верхней части – небо, из нижней – земля, из желтка – солнце, из белка – луна; мы читаем индусские сказания, что мир есть лотос, растущий из бездны» [2, с. 11]. Ребенку на данном этапе развития достаточно знаний, чтобы сформировать первичные представления о мире. Через знакомство со сказками и мифами он постигает нравственные и эстетические законы: научается различать добро и зло и понимать красоту. Этих знаний хватает, чтобы вести разговоры о Первопотенциальном и религии.

В 2012 году вышел сборник издававшихся работ К. Ф. Жакова, обнаруженных лишь в XXI в. Среди рукописей – труд «Древняя философия в сказках» (1919 г.), в котором мыслитель реализует идею преподавания философии детям младшего и среднего возраста. История философской мысли от Древности (периода зарождения философской мысли) до современной эпохи представлена в уникальной, заслуживающей отдельного исследования художественной форме. К. Ф. Жаков образно представляет биографию философов, отмечает их характерные привычки, раскрывает специфику той или иной философской систе-

мы. Качественное осмысление философии и аналитические способности позволяют К. Ф. Жакову сконцентрировать, на первый взгляд, в детском художественном жанре глубокие научные знания. Рассказывать просто о сложном дано только профессионалам, в полной мере владеющим своим предметом. Следует отметить, что К. Ф. Жаков не просто рассказчик, но и мудрец, находящий ответы на вопросы о мироздании и смысле жизни, и философ, расширяющий проблемное поле философии, и критик, указывающий на ограниченность той или иной системы. Синергетичность сознания автора философских сказок передается и его героям, и его читателям. Естественным образом в ткань художественно-философского повествования «Древней философии в сказках» вплетаются основные положения лимитизма, что позволяет начать разговор с ребенком о многих сложных проблемах, например о жизни и смерти, о Боге, о смысле жизни человека, о творчестве и т. д. Таким образом, «Древняя философия в сказках» погружает ребенка в мир философии – мир ценностей и смыслов, не нарушая при этом психофизиологических особенностей восприятия детей младшего и среднего возраста.

Следует отметить, что работа «Древняя философия в сказках» вполне уместна и в современном образовательном процессе при изучении истории философии: во-первых, текст несет достоверную научную и биографическую информацию; во-вторых, решаются цели патриотического воспитания (практическое знакомство с деятельностью выдающихся выходцев Коми земли); в-третьих, обучающиеся знакомятся с одной из уникальных художественно-эстетических систем начала XX века; в-четвертых, непосредственно устанавливается взаимосвязь между будущей профессиональной деятельностью обучающихся и курсом философии.

В системе К. Ф. Жакова философское образование должно быть поддержано изучением семи главных наук, основы которых в начальной школе ребенок получает экспериментально-опытным путем: вырезая фигуры из бумаги, измеряя, взвешивая и т. д. Таким образом, наряду с мироощущением и мировосприятием у ребенка формируются понимание того, что он часть мироздания, и навыки, необходимые для практической деятельности.

Средняя школа, по мнению К. Ф. Жакова, – это второй уровень философского образования, который включает изучение истории философии, этики и эстетики. При этом расширяется содержание основных наук, увеличивается объем технических наук и вводятся иностранные языки. Целью педагога на этом уровне является развитие воли и характера ученика. К. Ф. Жаков приводит в пример создателя общеобразовательных курсов в Петрограде А. С. Черняева, который считал, что лучшее средство развития характера – чтение биографий великих людей, а эстетический вкус развивает художественная литература [2, с. 16]. Основным принцип обучения в средней школе – «самостоятельность» учеников, под которой К. Ф. Жаков понимает самостоятельное познание предмета, научное творчество и осознание учеником, что он учится сам и для себя. Например, при изучении математики ученики должны сами составлять задачи, а не решать готовые, так называемые задачи репродуктивного типа. К. Ф. Жаков активно развивал самостоятельность обучения в своей педагогической практике. Используя язык современного образования, К. Ф. Жаков внедрял интерактивные формы обучения, при которых происходят взаимообратные обучающие моменты между участниками образовательного процесса: ученики сами на уроках раскрывают темы в соответствии с программой, готовят доклады, творческие задания, проекты, а в конце оценивают труд друг друга. Развивая в своих учениках интерес к обучению и «самостоятельность», К. Ф. Жаков как педагог получал высокие результаты: «В конце обучения на экзамене перед попечителем весь класс показал очень высокие результаты» [2, с. 14].

Высшая школа выводит философское образование на фундаментальный научный уровень. В связи с этим студенты высших учебных заведений изучают философию первые два года обучения («основной факультет»), а затем уже определяются с будущей профессией и переходят к изучению специальных наук («специальные курсы»). При этом К. Ф. Жаков отмечает, что любая наука имеет две взаимосвязанные части – философскую и техническую, для того чтобы освоить техническую составляющую, студент сначала должен освоить философию. К основным

дисциплинам относятся математика, хронология, наука о материи, психология, логика, эстетика, этика.

Следует отметить, что в нач. XX в. этика как дисциплина не входила в образовательный процесс. Так, в работе «О преподавании этики в средних учебных заведениях» философ пишет: «Пусть эта заметка моя будет маленьким началом в великом деле введения важнейшей научной дисциплины – науки о нравственности, которая так нужна подрастающему поколению нашего Великого Отечества» [3, с. 8]. Актуальность введения этики в программу обучения К. Ф. Жаков находит в требующих научного обоснования аморальных проявлениях реальной действительности. Этические проблемы затрагивались в рамках религиозной этики на уроках Закона Божия, что, с точки зрения К. Ф. Жакова, не соответствует объективным требованиям и задачам образования: этика «как и всякая наука, должна быть поставлена как независимая, самодовлеющая дисциплина. В этике имеются положения [Императивный характер ее принципов, универсальность их, их долженствование, моральная, а не иная, необходимость их], делающие ее независимой от характера религии и вероисповеданий, поэтому она должна быть поставлена независимо от того или иного религиозного настроения и миропонимания» [3, с. 5].

К конкретным наукам, которые должны изучаться в высшей школе, К. Жаков относит геологию, астрономию, родноведение, социологию, историю религии. При этом увеличивается степень самостоятельного изучения предмета и изменяются требования к преподаванию в высшей школе. Преподаватель должен активно заниматься научной деятельностью и на лекциях излагать положения своих трудов.

Образовательная система К. Жакова – это философское осмысление теории и практики. Так, представленная философом двухступенчатая система образования высшей школы (основной факультет и специализированный) была успешно реализована в деятельности Санкт-Петербургского психоневрологического института, созданного в 1908 г. М. Бехтеревым, основоположником рефлексологии и экспериментальной психологии в России. В соответствии с целями вновь созданного института был набран прогрессивный профессорско-преподавательский

состав из ведущих ученых (В. А. Бутенко, М. Я. Басов, В. А. Вагнер, А. С. Гинзберг, Н. И. Кареев, Д. Н. Зейлигер, П. И. Люблинский, О. А. Чечотт и др.). Среди приглашенных преподавателей был К. Ф. Жаков, активно включившийся в деятельность учебного заведения и проработавший в нем до революции 1917 г. При формировании учебных программ создание двухуровневой системы образования было поддержано и учредителями, и преподавателями. «Создавая Основной факультет, В. М. Бехтерев исходил из идеи, что для будущей научной и практической деятельности врача, педагога или юриста необходимо философское образование, которое позволило бы будущему специалисту понимать взаимные связи и зависимости между отдельными научными дисциплинами» [7].

В Психоневрологическом институте впервые в мире осуществили комплексный подход к изучению человека (психология, психиатрия, неврология и т. д.), на основе полученных данных формировались теории воспитания и образования, которые воплощались на практике. С этой целью при Психоневрологическом институте был открыт Педологический институт. Таким образом, К. Ф. Жаков находился в самом эпицентре научной и педагогической мысли. Именно в стенах Психоневрологического института философия лимитизма впитала в себя революционные знания из области психологии, физиологии, психиатрии и обрела научное оформление.

В связи с тем что философия лимитизма – это открытая эволюционирующая система, позволим себе перекинуть мост между эпохами и проанализировать актуальность некоторых педагогических тезисов К. Ф. Жакова в контексте современного образования. Педагогический и философский дискурсы XX – нач. XXI в. приводят к переосмыслению роли философских дисциплин в процессе образования. Так, в средней школе с 2010 г. вводится (изначально в качестве эксперимента) учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики», а в высшей школе с учетом уровня образования в образовательную программу включены базовый курс философии и философии науки (в зависимости от направления). Необходимо отметить сокращение объема таких философских дисциплин, как логика, этика, эстетика. Это продиктовано особенностями современно-

сти, требующей прикладного характера от некоторых образовательных дисциплин. Так, актуальным становится курс профессиональной этики, который, если рассматривать логику образовательного процесса, является продолжением школьного предмета «Основы религиозных культур и светской этики».

Современный компетентностный подход в своей основе тоже базируется на природных началах человека, точнее, способностях. Компетенции понимаются как способности человека, раскрывающиеся в профессиональной деятельности. Развитие личностных, социальных и профессиональных компетенций позволяет улучшить познавательные способности, на основе полученных знаний усовершенствовать свою деятельность, в том числе и профессиональную, но, самое главное, учит совместно существованию в коллективе и обществе. Личностные компетенции – это способности человека осуществлять свою деятельность на основе сформированной нравственной позиции, соответствующей гуманистическим ценностям. При этом у человека должно быть понимание, что только такая деятельность может быть движущей силой нравственного прогресса, социального и экономического развития. Социальные компетенции – это способность человека взаимодействовать с другими людьми и использовать источники информации с целью выживания человечества и сохранения человеческого достоинства.

Таким образом, философское осмысление образования позволяет К. Ф. Жакову выдвинуть ряд прогрессивных идей, актуальных для философии образования нач. XXI в.

Библиографический список

1. Жаков К. Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929.
2. Жаков К. Ф. О воспитании. Издание Кружка Латышских офицеров-слушателей лекций профессора К. Ф. Жакова в Юрьеве. Юрьев: Типо-литография Эд. Бергман, 1917.
3. Жаков К. Ф. О преподавании этики в средних учебных заведениях. СПб.: Книгоизд-во «Парма», 1908.
4. Жаков К. Ф. Основы эволюционной теории познания (лимитизмъ). С-Петербургу: Типографія Т-ва «Грамотность», 1912.

5. Жаков К. Ф. Утверждение истины (Рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми). Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты “Коми му”», 2012.

6. Бехтерев В. М. Вопросы воспитания в возрасте первого детства. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017.

7. История Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. URL: http://bekhterev.ru/ob_institute/istoriya_instituta/ (дата обращения: 14.01.2019)

8. Максимова О. Л. Смысл и назначение человека в контексте идей лимитизма К. Жакова // Вестник Сыктывкарского университета. 2016. Вып. 5. С. 40–48.

References

1. Zhakov K. F. *Limitizm. Edinstvo nauk, filosofij i religij* [Limitism. Unity of sciences, philosophies and religions]. Riga, 1929. (In Russ.)

2. Zhakov K. F. *O vospitanii. Izdanie Kruzhka Latyshskih oficerov-slushatelej lekcij professora K. F. Zhakova v Yur'eve*. Yur'yev: Tipo-litografiya Ed. Bergman, 1917. (In Russ.)

3. Zhakov K. F. *O prepodavanii ehtiki v srednih uchebnyh zavedeniyah* [On the teaching of ethics in secondary schools]. S.-Peterburg, Knigoizd-vo «Parma», 1908. (In Russ.)

4. Zhakov K. F. *Osnovy ehvolyucionnoj teorii poznaniya (limitizm)* [Fundamentals of the evolutionary theory of knowledge (limitism)]. S.-Peterburg, Tipografiya T-va «Gramotnost'», 1912. (In Russ.)

5. Zhakov K. F. *Utverzhdenie istiny (Rukopisi poslerevolyucionnyh let iz fondov Nacional'noj biblioteki Respubliki Komi)* [The statement of truth (Manuscripts of post-revolutionary years from the collections of the National Library of the Komi Republic)]. Syktyvkar, AU RK «Redakciya gazety “Komi mu”», 2012. (In Russ.)

6. Bekhterev V. M. *Voprosy vospitaniya v vozraste pervogo detstva* [Education issues in the age of first childhood]. Moscow; Berlin, Direkt-Media, 2017. (In Russ.)

7. *Istoriya Psihonevrologicheskogo instituta imeni V. M. Bekhtereva* [History of the Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev]. (In Russ.) Available at: http://bekhterev.ru/ob_institute/istoriya_instituta/ (accessed: 14.01.2019)

8. Maksimova O. L. *Smysl i naznachenie cheloveka v kontekste idej limitizma K. Zhakova* [The meaning and purpose of a person in the context of the ideas of limitism K. Zhakov]. Vestnik Syktyvkarskogo universiteta [Bulletin of the Syktyvkar University], 2016, no. 5, pp. 40–48. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА

УДК 377.031

**И. А. Архипова, Н. Б. Карбачинская,
О. В. Мосягина, Е. Е. Харитонова**

Метапредмет «Связь» в формировании различных компетенций при создании научного индивидуального проекта обучающимися на базе среднего профессионального образования

Статья представляет промежуточный результат исследования авторов, полученный в процессе поиска продуктивных методов и приёмов обучения мировой художественной культуре, математике и естествознанию по программам СПО. Мы поставили своей задачей найти метапредмет, который сможет предоставить обучающимся полезные и необходимые знания по данным дисциплинам и применить их для работы в рамках предмета «Индивидуальное проектирование», а в дальнейшем использовать в жизненной практике. В качестве примера мы предлагаем фрагменты предмета «Индивидуальное проектирование», где представлены части метапредмета «Связь».

Ключевые слова: метапредмет, «Связь», индивидуальный проект, математика, естествознание, мировая художественная культура, познавательная деятельность.

© Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Мосягина О. В., Харитонова Е. Е., 2019

I. A. Arkhipova, N. B. Karbachinskaya, O. V. Mosyagina, E. E. Kharitonova. Metasubject «Connection» in forming of various competences during the students creation of a scientific individual project on the basis of secondary professional education

The article represents an inter mediate result of the authors' survey, which was obtained in the process of search of productive methods and ways of teaching world fiction, maths and natural science in accordance with the secondary professional education programs. We set as the aim of the survey to find a metasubject, which could provide students with useful and necessary know ledge in these subjects and to use it for work on the subject «Individual project» and in turtle lifl. As examples we offer parts of the subject «Individual project», where the parts of the metasubject «Connection» are present.

Keywords: *metasubject, «Connection», individual project, maths, natural science, world fiction, cognitive activity.*

Сегодня образование находится на переломном этапе, что связано с переменами во всех сферах жизни. Меняющиеся экономические и социальные условия заставляют нас задуматься, достаточно ли знаний имеет обучаемый, чтобы занять своё место в современном обществе. В то же время есть проблема, связанная с сохранением культурной самобытности, культурного наследия, что представляется особенно трудным в условиях процесса глобализации. Очевидно, что готовить молодого человека к будущей жизни старыми приёмами и методами невозможно. Раздражители, воздействующие сегодня на сознание обучающегося: компьютер, телефон, соцсети, реклама, – делают его знания кратковременными и поверхностными. Обучающийся знает всего понемногу, не углубляясь в суть вопроса, не понимая того, что обладает несметными информационными богатствами.

Нигилизм, о котором предупреждал И. С. Тургенев, перерождается и существует под иной личиной. Базаров, которого молодые люди считают чаще всего лишь литературным персонажем, не узнавая в нём себя, вновь отрицает искусство, философию, абстрактные научные знания, природу и самого гармоничного человека. И можно сколько угодно сокрушаться, «принимать пилюлю» от нового поколения, как говорил Николай

Петрович, герой бессмертного романа [8, с. 372], но совершенно очевидно, что новые подходы к образованию необходимы.

Сэр Кен Робинсон, один из самых активных противников традиционного образования, в своей лекции-анимации сравнил систему обучения с заводом, где есть смены-уроки, звонки-гудки, отдельные процессы-предметы [7]. Получается, что в мировом, не только в российском образовании, преобладает развитие конвергентного мышления, которое, собственно, и основано на том, что задача должна быть выполнена точно по инструкции и сводится к выполнению предусмотренных действий для решения этой задачи. Это умение, конечно, необходимо, как и конвергентное мышление. Никто не отменял решение типовых задач, выполнение подобных действий и запоминания в точном виде. Однако сегодня важной представляется работа не только над развитием творческого мышления как над процессом создания ценностных идей, но и над дивергентным образом мышления, который является одним из условий творчества, предполагающего способность мыслить абстрактно, находить множество возможных решений задачи в нескольких плоскостях.

В связи с этим сегодня предлагается множество инновационных программ, технологий и методов. Среди них метапредметный подход в образовании, который является одним из самых эффективных методов в формировании дивергентного мышления и «обеспечивает переход от дробления на части к целостному восприятию мира, метадеятельности» [6, с. 26].

Что же вкладывается в понятие метапредмета? Занимаясь этой темой и разрабатывая уроки в соответствии с метапредметным подходом, наша авторская группа исследовала эту проблему и сделала вывод, что тема эта является объектом широкого методологического спора. В методологии существует множество определений метапредметности. Так, Ю. В. Громыко называет метапредмет «допредметностью», «мыследеятельной дидактикой» [3, с. 2]. А.В. Хуторской рассматривает его как «фундаментальный образовательный объект» [12, с. 2]. «В нынешнюю версию Федеральных государственных образовательных стандартов включено понятие метапредметности, что является прогрессивным шагом» [11, с. 4] и в то же время вызывает много разногласий. Несколько лет работы над данной темой позво-

лили нам сделать собственные выводы и найти новые подходы к использованию данной необходимой формы обучения, непосредственно связанной с новым компетентностным подходом. Последний выражается в том, что обучающийся ориентируется на практическую составляющую содержания образования, обеспечивающую успешную жизнедеятельность, работая по принципу «познаю, пользуюсь, творю», что, в свою очередь, обеспечивает результативность образовательного процесса.

Таким образом, «метапредметом мы называем такой предмет обучения, который позволит обучающемуся развить практическую мыследеятельность, достигнув дивергентных результатов, которые, в свою очередь, дадут результат, позволяющий выйти на новый, более сложный уровень проблем и задач» [1, 73]. Современный обучающийся хорошо знает эту схему, так как игровые уровни они проходят безупречно. Метапредмет предполагает умение учиться, то есть способность к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. Это универсальные учебные действия, совокупность способов действий учащегося, а также связанных с ними навыков учебной работы, обеспечивающих самостоятельное усвоение новых знаний, формирование умений, включая организацию этого процесса. И задача педагога здесь заключается в том, чтобы мотивировать добыть эти знания, правильно сформировать понятия, дать направление для саморазвития. Непоследнюю роль в таком развитии играет и коллективная работа, где работает коллективное дивергентное мышление.

В связи с вышеизложенным мы разработали систему метапредметных уроков на основе работы обучающихся с индивидуальными проектами. В процессе данной работы обучающийся должен освоить несколько групп метапредметных умений: формулировать тему проектной исследовательской работы, обосновывать её актуальность; составлять индивидуальный и коллективный планы проектной работы; выделять объект и предмет исследования; проводить сбор, анализ и структурирование информационных источников; работать с различными информационными ресурсами, в том числе с первоисточниками, грамотно их цитировать, оформлять библиографические

ссылки, составлять библиографический список по тематике исследования; выбирать и применять на практике методы исследовательской работы, адекватные задачам исследования; аргументировать свою точку зрения на основе изученного материала; оформлять результаты проектной работы (создавать презентацию), наглядно представлять имеющийся материал; приобретать опыт публичной защиты индивидуального проекта по выбранной проблематике; планировать собственную деятельность, самостоятельно анализировать деятельность и условия, в которых она реализуется, сопоставлять содержание проблемы с собственными умениями и знаниями и результатами работы других участников проекта, уметь оценивать собственные действия и корректировать их, вырабатывать умение предлагать различные пути решения проблемы. Наша авторская группа разработала метапредмет «Связь», схема которого приведена ниже (рис. 1) [1, 74].

Рис. 1. Схема работы метапредмета «Связь»

Для наглядности мы предлагаем фрагменты метапредмета «Связь», построенные на основе занятий над индивидуальными проектами. Само слово «Связь» предполагает поиск связующих компонентов и в тематике, и в способах, и методах исследования, и в конечных выводах. Обучаемый должен прийти к выво-

ду, что всё в мире взаимосвязано, и найти рациональное решение, благодаря которому появляется способность найти связи, ведущие к необходимому полезному результату.

Мы выстроили следующий алгоритм работы над метапредметом «Связь»:

Этап 1. Целеполагание, проблема, методы, приёмы

- Определение преподавателями разных дисциплин ключевых компетенций в каждом из учебных предметов. Выделение базисных ключевых компетенций курсов «Математика», «Естествознание», «Мировая художественная культура». Составление перечня образовательных компетенций, формирование которых относится к каждому из выбранных учебных предметов. Анализ компетентностного содержания с точки зрения возможности ключевых компетенций: ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, информационной, коммуникативной, профессиональной, метапредметной и т. д. Определение преподавателями роли метапредметности, рефлексии, межпредметности, мыследеятельности в формировании определённых компетенций.

- Формирование мини-групп в соответствии психологическими чертами обучающихся и в соответствии с выбранными темами.

- Определение роли каждой группы в совместной работе.

- Проектирование объекта, предмета, целей исследования, методов работы, возможных результатов. Подбор конвергентных решений.

- Определение основных компонентов учебной, воспитательной и обучающей задач: когнитивного (исследование, обобщение), аксиологического (формирование нравственных ценностей, воспитание трудолюбия, уважения к работе другого и т. д.) и операционального (развитие навыков, умений, дивергентного мышления, памяти и т. д.)

Этап 2. Курирование. Взаимодействие. Дивергент

- Проектирование работы, выбор методов и приёмов в соответствии с заданным направлением.

- Исследование содержания в соответствии с выбранной темой индивидуально и в коллективе.

- Освоение теоретического материала: фактов, формул, параграфов, статей и т. д.
- Установление связей между работами отдельных обучающихся внутри содержания.
- Прогнозирование результатов исследовательской работы в соответствии с предложенными подходами.

Этап 3: Результат, рефлексия, выводы

- Индивидуальная работа с выходом в связующие этапы, позволяющие корректировать ход работы. Обсуждение путей поиска знаний.
- Рефлексия, предварительная диагностика совместной работы, выбор формы защиты проекта.
- Обоснование необходимых промежуточных результатов. Предоставление группе экспертов достигнутых результатов.
- Подготовка экспертами презентации и тезисов для выступления.

Этап 4. Защита исследования

- Защита исследования группой экспертов и учебная рефлексия, где студенты дают оценку как своей работе, так и результату этой работы.
- Координация преподавателем метапредметной программы, мыследеятельности, создание ситуации успеха.

Итак, одна студенческая группа получила тему «Золотое сечение: история открытия, примеры существования в мировой культуре и способы применения знаний о золотом сечении в современном мире».

1. Преподаватели определяют, какие компетенции необходимо сформировать, предлагают тему, содержание, цели, задачи, структуру, формы и методы. Обсуждается предполагаемый результат предстоящего исследования. Выбирается группа «математиков», «естествоиспытателей», «культурологов», «экспертов».

2. После определения состава группы исследователей в обществе с преподавателем разрабатывается проект работы, распределяются функции между исследователями, выбираются методы и формы работы, избираются различные направления поиска материала в соответствии со связующими элементами, которые предположительно выведут к необходимому резуль-

тату, то есть обсуждаются конвергентные умения группы. В то же время обсуждается вопрос поиска нетрадиционных решений проблемы, собственное обоснование теории золотого сечения. Определение формы проекта происходит после того, как определён объект и предмет работы, отобран теоретический материал, исследователи выбрали оптимальные методы и приёмы для решения проблемы, осознали степень её сложности, нашли связь между исследуемыми явлениями, отобрали задачи исследования. В соответствии с планом группа математиков подобрала свой материал о золотом сечении. Интересно, что часть ребят отработывала материал в соответствии с предложенным планом, но определилась группа учащихся, которые стали искать решения проблемы за пределами предложенных знаний.

Так, исследователи-математики описали следующие вопросы:

1) первое упоминание понятия «золотое сечения» в «Началах» Евклида;

2) точное математическое число $\Phi = (1 + \sqrt{5})/2$, задающее золотое сечение и соответствующее уравнение, благодаря которому оно вычисляется;

3) описание чисел Фибоначчи и большое количество свойств, связывающих числа Фибоначчи и Φ ;

4) связи Φ и углов, кратных 36° , а также элементов многоугольников, содержащих такие углы;

5) связи Φ и правильных многогранников;

6) построение приближенной логарифмической спирали с помощью золотых прямоугольников;

7) исследования математиков, в том числе и современных, на тему «золотой пропорции»;

8) сопоставление полученных результатов с известными математическими фактами.

Далее свое исследование приводят «естествоиспытатели», которые вынесли на рассмотрение проявления золотого сечения в природе:

1) пропорции частей человеческого тела и лица;

2) отношение показателей систолического и диастолического давления у человека;

3) строение молекулы ДНК;

- 4) строение раковин улиток, моллюсков, бивней мамонтов, когтей некоторых животных;
- 5) расположение семян подсолнечника, лепестков роз, ячеек шишек сосны и листьев на стебле растений;
- 6) соотношение пропорций тел стрекоз и ящериц;
- 7) формы птичьих яиц;
- 8) траектории полетов птиц и насекомых;
- 9) форма снежинки и некоторых кристаллов;
- 10) спиралевидные формы галактики и строение орбит планет солнечной системы.

Полученные результаты позволили группе исследователей-естествоиспытателей получить новые знания, на основе которых делается вывод о том, что естествознание тесно и неразрывно связано с такими науками, как математика и физика, что принцип золотого сечения неизменно присутствует в природе, в жизни Вселенной и человека, что позволяет увидеть тесную взаимосвязь всего сущего.

Решая ряд задач, исследуя тему разными способами, «математики» и «естествоиспытатели» выстраивают общую схему исследования, формулируют выводы о результатах исследования, сообщая о них на общем заседании.

Группа «культурологов» предлагает к рассмотрению собственное исследование, для которого существует база в виде результатов поиска двух предыдущих групп:

- 1) пропорции пирамиды Хеопса, рисунков и предметов, находившихся в гробнице Тутанхамона;
- 2) «идеальные пропорции» греческих статуй и появление «Канона Поликлета»;
- 3) «золотые особенности» Парфенона, собора Парижской Богоматери, Университета Ломоносова на Воробьевых горах, здания ООН в Нью-Йорке, виллы Савой в Пуасси и других архитектурных сооружений;
- 4) элементы золотого сечения в живописи Рафаэля, Микеланджело, Веласкеса, Дюрера, Репина, Сурикова и многих других;
- 5) исследования на тему «божественного сечения» Луки Пачоли, Цейзинга, Леонардо да Винчи, Дюрера и др.
- 6) золотое сечение в современной архитектуре Москвы: московские высотки и тайна их гармонии.

На каждом этапе в работе активно участвует и группа «экспертов». Все вместе проводят консультации по схеме: исследователь – преподаватель; исследователь – исследователь; преподаватель – преподаватель, исследователь – эксперт, преподаватель – эксперт. Цель этой работы – передать полученный опыт, найти связи, выработать подходы к созданию единой работы.

Предоставив вниманию группы коллективную работу, исследователи начинают процесс диагностики результатов, поиска путей применения полученных выводов, обсуждают форму защиты проекта. Рефлексия группы должна привести к выводам о значении понятия «золотого сечения» в современной жизни вообще и в жизни отдельного человека в частности.

Группа «экспертов», анализируя собранный материал, выстраивает систему полученных результатов и ищет практическую зону их применения, обобщает полученные знания, оформляет последнюю главу исследовательской работы.

Защита данного исследования проводится в форме презентации и защиты полученных результатов.

Данный пример метапредмета «Связь» подтверждает мысль о том, что метапредметные программы способствуют преодолению фрагментарности знаний учащихся и формированию общеучебных умений и навыков, ориентированности на конкретный практический результат, способствуют раскрытию неповторимости каждой личности.

Библиографический список

1. Архипова И. А., Карбачинская Н. Б., Мосягина О. В., Харитоновна Е. Е. Использование возможностей метапредмета в развитии различных компетенций при работе студентов с индивидуальным проектом // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып. 8. М.: РГУП, 2018. С. 70–75.

2. Архипова И. А., Сафонова Т. А., Васильева Е. А. Применение инновационных методов обучения при метапредметном подходе в изучении мировой художественной культуры, геометрии и естествознания // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Вып. 6. М.: РГУП, 2017. С. 153–171.

3. Громько Н. В. Мыследеятельностная педагогика и новое содержание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников. URL: <http://1314.ru/node/24>. (дата обращения: 03.02.2019)

4. Громыко Н. В., Половкова М. В. Метапредметный подход как ядро российского образования // Сборник статей для участников финала Всероссийского конкурса «Учитель года России-2009» СПб., 2009. С. 7–10.
5. Недогреева Н. Г., Козлова И. С. О метапредметной компетенции учащихся в условиях современного образования // Вектор науки Тольятинского государственного университета. 2014. № 4. С. 259–262.
6. Ратикова И. Н. Метапредметный подход в образовательной практике // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2013. № 06. URL: <http://ekoncept.ru/2013/13557.htm>. (дата обращения: 11.11.2018)
7. Робинсон К. О смене парадигм образования. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ps4hp7LS568&feature=player_embedded# (дата обращения: 02.02.2019)
8. Тургенев И. С. Избранные произведения. Отцы и дети. Л.: Лениздат, 1980. С. 325–506.
9. Фернандо Корбала. Золотое сечение. Математический язык красоты. Мир Математики: в 40 т. М.: Де Агостини, 2014. Т. 1. 160 с.
10. Храмцова Н. В. Феномен метапредметности в современном образовании // Педагогический имидж. 2016. № 1(30). С. 17–22.
11. Хуторской А. В. 12 ошибок ФГОС // Вестник Института образования человека. 2016. № 1. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2016/100/> (дата обращения: 11.11.2018)
12. Хуторской А. В. Методика проектирования и организации метапредметной образовательной деятельности учащихся // Вестник Института образования человека. 2014. № 1. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/100/> (дата обращения: 15.11.2018)

References

1. Arkhipova I.A., Karbachinskaya N. B., Mosyagina O. V., Kharitonova E.E. Ispol'zovanie vozmozhnostej metapredmeta v razvitii razlichnyh kompetencij pri rabote studentov s individual'nym proektom [Making use of the abilities that metasubject provides in the development of various competencies in the students' work with an individual project]. *Organizaciya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze*. Moscow, RGUP, 2018, no. 8, pp. 70–75. (In Russ.)
2. Arkhipova I.A., Safonova T.A., Vasil'eva E.A. Primenenie innovacionnyh metodov obucheniya pri metapredmetnom podhode v izuchenii mirovoj hudozhestvennoj kul'tury, geometrii i estestvoznaniya [Usage of innovational methods of learning during metasubjective approach while learning arts, geometry and natural science]. *Organizaciya uchebnoj i vospitatel'noj raboty v vuze*. Moscow, RGUP, 2017, no. 8, pp. 153–171. (In Russ.)

3. Gromyko N. V. *Mysledeyatelnostnaya pedagogika i novoe sodержanie obrazovaniya. Metapredmety kak sredstvo formirovaniya refleksivnogo myshleniya u shkol'nikov* [Mental activity pedagogy and new contents of education. Metasubjects as a way of creating pupils' reflexive thinking] (In Russ.) Available at: URL: <http://1314.ru/node/24>. (accessed 11.11.2018)
4. Gromyko N. V., Polovkova M. V. Metapredmetnyj podhod kak yadro Rossijskogo obrazovaniya [Metasubjective approach as a center of Russian education]. *Sbornik statej dlya uchastnikov finala Vserossijskogo konkursa «Uchitel' goda Rossii-2009»*. Saint-Petersburg, 2009, pp. 7–10. (In Russ.)
5. Nedogreeva N. G., Kozlova I. S. O metapredmetnoj kompetencii uchashchihsya v usloviyah sovremennogo obrazovaniya [About the meta-subject competence of the students in the context of modern education]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science vector of Tolyatin State University], 2014, no. 4, pp. 259–262. (In Russ.)
6. Ratikova I. N. Metapredmetnyj podhod v obrazovatel'noj praktike [Metasubject approach in educational practice]. *Nauchno-metodicheskij zhurnal Koncept* [Periodic scientific and methodic e-journal “Koncept”], 2013, no. 06. (In Russ.) Available at: <http://ekoncept.ru/2013/13557.htm>. (accessed 11.11.2018)
7. Robinson K. Changing educational paradigm. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=Ps4hp7LS568&feature=player_embedded# (accessed 02.02.2019)
8. Turgenev I. S. *Izbrannye proizvedeniya. Otcy i deti*. [Fathers and children]. L.: Lenizdat, 1980, pp. 325–506. (In Russ.)
9. Fernando Korbalan. *Zolotoe sechenie. Matematicheskij yazyk krasoty. Mir Matematiki v 40 t. T. 1*. [Golden section. Mathematical language of beauty. World of Mathematics: in 40 vol.]. Moscow, De Agostini, 2014, 160 p. (In Russ.)
10. Hramcova N. V. Fenomen metapredmetnosti v sovremennom obrazovanii [The Phenomena of “Metasubject” in Modern Education]. *Pedagogicheskij imidzh* [Pedagogical Image], 2016, no. 1(30), pp. 17–22. (In Russ.)
11. Hutorskoj A. V. 12 oshibok FGOS [12 mistakes of Federal state education standards]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* [Bulletin of the Institute of Human Education], 2016, no. 1. (In Russ.) Available at: <http://eidos-institute.ru/journal/2016/100/> (accessed 11.11.2018)
12. Hutorskoj A. V. Metodika proektirovaniya i organizacii metapredmetnoj obrazovatel'noj deyatel'nosti uchashchihsya [Methodology of projecting and organizing students' metasubjective educational activity]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* [Bulletin of the Institute of Human Education], 2014, no. 1 (In Russ.) Available at: <http://eidos-institute.ru/journal/2014/100/> (accessed: 15.11.2018)

О. Н. Иванищева

Веб-квест как эффективная технология профессионализации будущих журналистов

В статье рассматривается специфика использования веб-квест технологий в журналистском образовании. Отмечается, что веб-квест, активно применяемый в филологическом образовании, в частности при изучении иностранных языков и русского языка как иностранного, в методическом плане не отличается от веб-квеста, применяемого в журналистском образовании, но методологически является иным способом активизации способностей студентов и имеет своей целью развитие прежде всего их критического мышления. Указывается, что использование веб-квеста в журналистском образовании не столько и не сколько создает учебную среду, сколько развивает принцип партисипации. Рассмотрен вариант использования веб-квест технологии в изучении дисциплины «Современные зарубежные СМИ» в теме «Регулирование деятельности современных зарубежных СМИ».

Ключевые слова: веб-квест технологии, журналистское образование, государственный стандарт

O. N. Ivanishcheva. Web quest as an effective technology professionalization of future journalists

In the article shows the problem of using web quest technologies in journalism education. It is noted that the web quest, actively used in philological education, in particular in the study of foreign languages and Russian as a foreign language, methodically does not differ from the web quest used in journalism education, but methodologically it is a different way of enhancing students' abilities and has its goal is to develop primarily their critical thinking. It is indicated that the use of a web quest in journalism education creates not so much and not so much a learning environment as it develops the principle of participation. It is presented the using of the web quest technology in the study of the discipline «Modern foreign mass media» in the topic «Regulation of the activities of modern foreign mass media».

Keywords: web quest technology, journalism education, state standard

Проблема качества высшего образования представляется особо значимой в эпоху информационных и глобализационных изменений в обществе. Появилось даже понятие «информационная мобильность», которая понимается как «интегративное качество личности студентов, проявляющееся в готовности к поиску, восприятию и активному использованию новой информации, быстрой адаптации к современным технологиям и изменяющейся информационной среде» [10, с. 8]. Одновременно возрастает интерес к самостоятельной работе студентов, которая является причиной и следствием использования новых информационных технологий в преподавании учебных дисциплин (см., например: [6]). Новые вызовы в процессе обучения могут иметь отрицательные последствия, одним из которых является некритическое отношение к материалу, взятому из глобальной сети Интернет (см. об этом: [13, с. 3–4]). Поэтому чрезвычайно актуальной становится проблема управления качеством образования, в том числе самостоятельной работы.

В научных исследованиях представлены организационно-технологические и педагогические аспекты управления самостоятельной работой студентов [13, с. 6]. Важным принципом такого управления видится практико-ориентированная направленность с доминированием партисипативного подхода, предусматривающего активное включение студентов в совместную с преподавателем деятельность по управлению самостоятельной работой [13, с. 9]. Качество подготовки студента с использованием открытой образовательной среды (Интернет) представляется набором компетенций, отражающих способность студента самостоятельно получать новое знание и осуществлять различные процессы [13, с. 45]. Интерес вызывают технологии создания междисциплинарных электронных проектов [8], проектных кластеров [14]. В связи с этим обсуждаются вопросы формирования информационно-коммуникативной и коммуникативной компетенций, компетенций в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Новизна данной работы состоит в обращении к технологии веб-квеста в журналистском образовании. Веб-квест технологии являются важным средством формирования коммуникативной компетентности в филологическом образовании. Иссле-

дования проблем использования веб-квест технологий в журналистском образовании в литературе не представлено, так же как и нет конкретных разработок использования веб-квестов в рамках конкретных журналистских дисциплин.

Цель работы – выявить специфику веб-квест технологии в формировании компетенций студентов-журналистов. Задачи, которые необходимо решить для ее достижения: рассмотреть специфику веб-квест технологий в филологическом и журналистском образовании; представить модель веб-квеста в преподавании курса «Современные зарубежные СМИ».

Веб-квест как технология обучения и профессионализации студентов

*Веб-квест как инструмент формирования компетенций
на современном этапе развития образовательных программ*

Необходимость формирования информационно-коммуникативной и коммуникативной компетенций, а также компетенций в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), как и организации самостоятельной работы студентов, обоснована наличием соответствующих списков компетенций в федеральных государственных стандартах.

На настоящий момент для направления подготовки 42.03.02 Журналистика существуют два федеральных государственных стандарта, так называемые ФГОС 3+ и ФГОС 3++. Компетенции, представленные во ФГОС 3+ и ФГОС 3++ по направлению подготовки бакалавриата 42.03.02 Журналистика, могут служить исходным пунктом для организации управления качеством самостоятельной работы студента, а их формирование в результате освоения образовательной программы может служить оценкой результативности данного процесса.

Как показал наш анализ федеральных государственных стандартов по направлению подготовки бакалавриата 42.03.02 Журналистика, ФГОС 3+ по сравнению с ФГОС 3++ отличается большей конкретностью в формулировке компетенций и основан на знаниевой компоненте.

Следовательно, новые стандарты (так называемые ФГОС 3++) призваны осуществлять управление качеством образо-

вания студентов на основе развития поисковых способностей, критического мышления и совершенствования когнитивного опыта, что позволит студенту самообучаться и самообразовываться в течение всей профессиональной жизни. Это связано с их ориентацией на практическую деятельность и профессиональные стандарты.

Наличие компетенций в образовательных стандартах не означает их автоматическое формирование. Этот процесс необходимо регулировать, используя принципы стимулирования и педагогические условия, позволяющие поощрять саморазвитие студента в области информационных технологий. Такие принципы и условия разработаны в научной литературе. К принципам стимулирования относят принцип активности и самостоятельности, принцип развития субъектной позиции студента и его творческого мышления, принцип мотивации конкурентоспособности, принцип технологического и культурологического подхода. Говоря о педагогических условиях, стимулирующих саморазвитие информационно-коммуникационной компетентности студента, отмечают принятие самим преподавателем постулата о студенте как субъекте собственного развития, систематическое формирование у студента ценностных установок на саморазвитие, приобретение навыков информационно-коммуникационной компетентности, интенсификации и индивидуализации самостоятельной исследовательской деятельности, развитие критического мышления. Инструментом для формирования многих указанных выше компетенций с целью профессионализации студентов-журналистов, по нашему мнению, могут служить веб-квест технологии.

Веб-квест – новое направление в методике преподавания, но отнюдь не оригинальное. Его корни находятся в проектной методике и в проблемном обучении. Исследователи и методисты по-разному понимают суть метода веб-квеста: одни воспринимают его как проблемное задание с элементами ролевой игры, другие – как веб-проект (веб-страницу), третьи – как вид проблемно-ориентированных, индивидуальных или групповых заданий с использованием Интернета, четвертые – как сценарий проектной деятельности (например: [16, с. 4]). Классификация веб-квестов предлагается в зависимости от степени

их сложности, проблемности и направленности на формирование и развитие видов деятельности, навыков поисковой и исследовательской работы с использованием информационных ресурсов: репродуктивные, репродуктивно-когнитивные, когнитивные, когнитивно-креативные, креативные. Описываются различные виды заданий для веб-квестов – репродуктивные, компиляционные, конструкторские и творческие / креативные (см.: [15, с. 9]).

*Веб-квест как способ формирования компетенций
в образовании будущих журналистов*

В литературе встречаются исследования трансмедийной компетентности у студентов-журналистов в процессе обучения иностранному языку. Трансмедийная компетенция понимается как интегративная характеристика универсального журналиста, включающая в себя понимание сути и знание принципов трансмедийности [1, с. 4]. Исследователь Е. В. Агрикова понимает принципы трансмедийности в очень, на наш взгляд, ограниченных рамках, необходимых ей для достижения целей научной работы, – это быстрое распространение, серийность, расширение и погружение в информационную среду, субъективность восприятия, иммерсивность. А формирование трансмедийной компетентности возможно, по ее мнению, осуществить с помощью интегрированных видов речевой деятельности на иностранном языке, т. е. комбинации двух или более видов деятельности в одном коммуникативном задании [1, с. 4–5].

Думается, что выделение трансмедийной компетентности имеет смысл, но понимать ее в образовательном процессе у студентов-журналистов надо в прямом значении. Трансмедиа, по словам В. Д. Мансуровой, новая культурная практика потребителей и новый опыт восприятия современных медиа, свидетельство конвергенции медиаформатов и жанровых трансформаций [11], т. е. гораздо более глубокое понятие, чем просто «быстрое распространение, серийность, расширение и погружение в информационную среду, субъективность восприятия, иммерсивность» [1, с. 4–5]. Концепция подготовки журналистов-визуалов имеет фундаментальной основой теорию комплексного взаимодействия медиасистем с аудиторией, поэтому одним из перспек-

тивных подходов называют эффект усиления иммерсии при погружении аудитории в виртуальную цифровую среду [4, с. 65–66].

Таким образом, трансмедийная компетентность может быть сформирована средствами самого трансмедийного контента и информационными технологиями, в т. ч. веб-квестов.

Отмечается, что место веб-квестов в образовательном пространстве недостаточно четко определено, что объясняется, по нашему мнению, диффузностью методики (совпадает или пересекается с другими методиками), недостаточным владением технологиями поиска в Интернете, неочевидностью найденной информации.

В отличие от использования веб-квестов при подготовке студентов-лингвистов веб-квест для студентов-журналистов не является способом создания учебного ресурса. Это совсем другая платформа, которая соответствует сути журналистского образования.

Мнение, что «система журналистского образования должна быть современной и отвечать реалиям и технологическим возможностям медиаиндустрии, изменяться по требованию времени и трансформации общества» и что «нельзя отрицать необходимость практических компетенций, дополняющих гуманитарные знания» [9, с. 47], является ведущим в споре о том, нужно ли учить журналистике.

Явное преимущество веб-квестов для журналистского образования в данной ситуации состоит в технологической и гуманитарной составляющей метода, а именно в развитии критического мышления студентов, когда найденная в Интернете информация должна подвергаться проверке, что является необходимым навыком в работе журналиста, и вызывать потребность в высказывании своей, обоснованной позиции.

Еще одно явное преимущество для использования веб-квест технологий в журналистском образовании, в отличие от филологического (лингвистического) образования, является создание не столько учебной среды, сколько среды партисипативной, взаимодействия с другими участниками образовательного процесса, в т. ч. с преподавателем, что позволяет аккумулировать разные точки зрения, а значит, создает базу для дискуссии. Кроме того, не последним преимуществом является эле-

мент эдьютейнмента (обучение с увлечением, см., например: [7]) при использовании методики веб-квеста.

Веб-квест в преподавании курса «Современные зарубежные СМИ»

Формирование компетенций универсального журналиста в курсе «Современные зарубежные СМИ»

Курс «Современные зарубежные СМИ» является основным в специальной профессиональной подготовке студентов-журналистов и имеет целью познакомить студентов с современными зарубежными массмедиа и их моделями. Задачами курса являются, во-первых, дать понятие СМИ в условиях перехода к информационному обществу и в глобальной перспективе, во-вторых, познакомить с современными зарубежными теориями СМИ и, в-третьих, представить обзор современных печатных, аудиовизуальных и онлайн-новых СМИ.

В курсе создаются условия для формирования умений в таком виде профессиональной деятельности, как проектно-аналитическая деятельность, так как в нем даются знания о разных концепциях СМИ в мировой журналистике. Кроме того, курс имеет воспитательные задачи: формирование толерантности, расширение кругозора, содействие развитию мировоззренческих идей, влияние на профессиональное самоопределение.

В результате освоения курса студент должен знать закономерности развития современного зарубежного медиапространства, типологию современных зарубежных СМИ, уметь использовать значение опыта зарубежной журналистики для практики современных российских СМИ и работы регионального журналиста, владеть навыками анализа тенденций развития медиапространства.

Содержание курса, в целом представленное в ГОС ВО 2000 года, остается актуальным за исключением раздела «Новые информационные технологии», суть которого стремительно меняется. Поэтому учебники по дисциплине, как и учебники и учебные пособия по теории журналистики в целом, не всегда отражают современное состояние мирового медиапространства. Для освоения данной дисциплины необходимы ресурсы Интернет.

Понятие «универсальный журналист» является спорным и оценивается по-разному теоретиками и практиками журналистики [11; 3]. Е. А. Баранова показывает, что мнение теоретиков о том, что современный журналист должен быть универсалом, владеть навыками создания мультимедийного контента, не находит своего подтверждения на практике. Но речь идет о своей рода технической стороне проблемы – обладание навыком работы с пользовательским контентом (UGC) и знанием того, как привлечь аудиторию к производству контента [2, с. 180]. В данной работе мы акцентируем внимание на развитии когнитивных способностей студента – будущего журналиста, которые обеспечивают выполнение основной миссии журналистики – ее объективности.

Нам кажется, что курс «Современные зарубежные СМИ» подходит для формирования образа «универсального журналиста», поскольку отрабатывает навыки пользования новыми информационными технологиями (технологический аспект) и формирует критическое мышление студентов (когнитивный аспект). Обе стороны проблемы могут быть решены с помощью веб-квест технологии.

Особенность занятия по дисциплине «Современные зарубежные СМИ» с использованием веб-квест технологии

Веб-квест по дисциплине «Современные зарубежные СМИ» может быть применен к такой теме, как «Регулирование деятельности современных зарубежных СМИ».

Актуальность представленной темы обусловлена обострением проблемы свободы слова и выражения мнения в условиях изменяющихся геополитических условий (террористические атаки, обострение национальных отношений), а также необходимостью формирования единой законодательной базы Евросоюза, в т. ч. в области медиа (медиаправо).

Обоснование необходимости проведения веб-квеста по данной теме состоит в том, что раздел содержит теорию вопроса (акты законодательные, постановления, законы), но эта теория в реальной практике журналистской деятельности подвергается постоянным изменениям и рискам. Последние примеры («убийство» журналиста в Киеве; анонимная редакторская ста-

тья в Нью-Йорк Таймс, критикующая политику Трампа) показывают, что регулирование СМИ – довольно сложное дело и государство не всегда тут способно (и должно!) держать все под контролем. Студенты должны не только анализировать имеющиеся законы и законодательные акты, но и видеть проблемы современного глобализирующегося мира, критически осмысливать события в мире журналистики. Такие навыки трудно отработать при традиционном чтении лекций, даже при организации традиционного занятия-дискуссии, потому что студенты должны самостоятельно осмыслить имеющиеся информационные источники.

В ходе предлагаемого занятия можно организовать ролевые игры (журналист «Шабли Эбдо» и читатель (иммигрант, например), что даст еще одну возможность для студентов по-новому взглянуть на проблему, например публикации во французском журнале карикатур на умирающего мальчика с гибнущего корабля с иммигрантами.

Структура занятия с использованием веб-квест технологии может быть представлена следующим образом: Введение. Преподаватель объясняет структуру, методику проведения веб-квеста, а также цель конкретного задания. Цель задания – ответ на вопрос, как совместить регулирование деятельности СМИ и закона о свободе слова. Задание. Преподаватель дает заранее подготовленные задания: 1) определить, с чем связана актуальность темы регулирования деятельности СМИ; 2) сформулировать, в чем отличие органов регулирования и цензуры; 3) выявить, какие споры и терминологические дополнения вызывает принцип свободы слова; 4) представить позиции, комментирующие слова Вольтера: «Я не приемлю того, что вы говорите, но я готов умереть за ваше право это говорить»; 5) провести исследование деятельности французского журнала «Шарли Эбдо» с позиции отношения политкорректности и свободы слова. Оценка результативности. Студенты оценивают результат своей деятельности, одновременно демонстрируя отработанные навыки трансмедийного (универсального) журналиста, соответствующего миссии объективной журналистики. Вывод. Студенты сравнивают результаты своей работы с заданной целью.

Подобное занятие было проведено автором настоящей статьи на 4 курсе и получило желаемый результат, а именно: по-

вышение мотивации к изучению дисциплины и постоянную активность студентов, а также лучшее усвоение информации. Такая форма работы структурировала знания учащихся. За счет предлагаемых готовых ресурсов студенты не тратили время на поиск источников информации, а совершенствовали знания в предмете и навыки работы с информацией. Кроме того, результатом такой формы работы стало формирование собственной точки зрения на объект исследования и развитие навыков групповой работы.

В результате подобной работы, рассчитанной на 2–3 занятия, была обоснована актуальность темы веб-квеста; определено отличие между регулированием СМИ и цензурой; выявлено, какие споры и терминологические дополнения вызывает принцип свободы слова; представлен материал для обсуждения деятельности журнала «Шарли Эбдо» и отношения Франции к его деятельности.

Как и во всех инновационных формах, в веб-квест технологиях есть свои преимущества и недостатки. Проблемными моментами в организации веб-квеста по данной теме была, с нашей точки зрения, достаточная временная протяженность процесса: подготовка к занятию занимает несколько дней или недель, работа должна вестись в мини-группах, которые не всегда легко территориально организовать, посещаемость студентов на всех занятиях и собраниях по подготовке должна быть абсолютной. Основным преимуществом проведения веб-квеста по журналистской дисциплине нам видится достаточная доступность материала. Интернет заполнен журналистскими материалами по разным темам. Газеты, радио и телевидение выкладывают свои материалы практически в режиме онлайн. Кроме того, студентам-журналистам легко получить комментарий от ведущих региональных журналистов, которые пользуются социальными сетями и всегда «на связи».

Позиция теоретиков и практиков журналистского образования по вопросу о том, как учить журналистике, обнаруживает свои расхождения практически с первых лет появления журналистского образования, особенно в России. Споры идут до сих пор и становятся особенно острыми в связи с изменением сути журналистики: появления «народной» и «роботизированной»

[5] журналистики. Однако миссия журналистики остается прежней – это выполнение ее социальной функции, реализация ее социальной ответственности.

Требования времени и общества к журналистскому образованию определяют перечень компетенций в образовательных стандартах, а также формы работы со студентами – будущими журналистами. ФГОС 3++ ориентирует преподавателя не только на осуществление компетентного подхода, но и на выполнение требований профессиональных стандартов. А это, в свою очередь, обязывает высшую школу выбирать оптимальную стратегию преподавания, эффективно использовать инновационные образовательные технологии (см.: [12]).

Веб-квест технологии являются определенным этапом в развитии инновационных технологий и имеют своей основой проблемное обучение и технологии проектного обучения. Этот этап развития интерактивного обучения особенно значим в условиях подготовки универсального журналиста, который отвечает требованиям современного медийного пространства.

Веб-квест, активно применяемый в филологическом образовании, в частности при изучении иностранных языков и русского языка как иностранного, в методическом плане не отличается от веб-квеста, применяемого в журналистском образовании, но методологически является иным способом активизации способностей студентов и имеет своей целью развитие прежде всего их критического мышления. Использование веб-квеста в журналистском образовании не столько и не сколько создает учебную среду, сколько развивает принцип партисипации. В отличие от партисипарности в журналистике, где участниками процесса является журналист и его читатель (слушатель, зритель), в журналистском образовании участниками партисипарного процесса являются сами студенты и преподаватель.

В работе представлена разработка занятия по дисциплине «Современные зарубежные СМИ» с использованием веб-квест технологий. Тема занятия – «Регулирование деятельности современных зарубежных СМИ» – сама по себе дискуссионная, позволяет использовать возможности веб-квест технологий: доступность материала, наличие противоположных точек зрения дают шанс студентам отработать навыки поиска информации

(технический ракурс), развить критическое мышление (когнитивный ракурс), а преподавателю осуществлять интерактивную связь (партисипативный ракурс).

Библиографический список

1. Агрикова Е. В. Формирование трансмедийной компетентности студентов – будущих журналистов в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2018. 26 с.

2. Баранова Е. А. Новые журналистские концепции в условиях медиаконвергенции: мифы и реальность // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 177–188.

3. Борщева Н. Н. Модель универсального журналиста, или Стратегия журналистского образования в условиях конвергенции СМИ // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6. № 1 (18). С. 82–86.

4. Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М., Цынарева Н. А. Информационно-технологические подходы для обучения журналистов: состояние, дискурс, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 3–2. С. 62–67.

5. Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М., Цынарева Н. А., Замков А. В. Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. С. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2295> (дата обращения: 21.01.2019)

6. Исакова Т. Б. Методы проблемного обучения в практике организации самостоятельной работы студентов-журналистов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. Т. 1. № 9. С. 56–59.

7. Кобзева Н. А. Обучение иноязычному устному общению студентов бакалавриата на основе технологии эдьютейнмента: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2018. 25 с.

8. Красавина Ю. В. Организация самостоятельной работы студентов – будущих бакалавров профессионального обучения на основе метода междисциплинарных электронных проектов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2017. 24 с.

9. Макарова Н. Я. Журналистика и журналистское образование: вызовы информационного общества // Историко-педагогические чтения. 2018. № 22. С. 46–50.

10. Манаева Н. Н. Формирование информационной мобильности студентов университета: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2017. 24 с.

11. Мансурова В. Д. Трансмедийный дискурс событийности в сетевом пространстве СМИ // Онлайн-конференция «Журналистика регионов: дискурсы и медиапрактики – 2018». URL: <http://www.newsman>.

tsu.ru/konkursy-i-konferencii/onlajn-konferencii-zhurnalistska-regionov-diskursy-i-mediapraktiki/ (дата обращения: 21.01.2019)

12. Останина С. А., Птицына Е. В. Модернизация высшего образования в контексте перехода к федеральным государственным образовательным стандартам четвертого поколения // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 1. № 3. С. 106–111.

13. Стрекалова Н. Б. Управление качеством самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Самара, 2017. 53 с.

14. Татьяна Е. П. Подготовка будущих педагогов к управлению проектными кластерами: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2017. 26 с.

15. Толмачёва Е. В. Инновационное обучение РКИ (сфера «Строительный менеджмент») на основе информационно-коммуникационной веб-квест технологии : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 24 с.

16. Шульгина Е. М. Методика формирования коммуникативной компетентности студентов посредством технологии веб-квест (профиль «Рекреационная география и туризм», английский язык) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2014. 23 с.

References

1. Agrikova E. V. *Formirovanie transmedijnoj kompetentnosti studentov-budushchih zhurnalistov v vuze. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [Formation of transmedia competence of students-future journalists in high school. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Ul'yanovsk, 2018. 26 p. (In Russ.)

2. Baranova E. A. *Novye zhurnalistskie koncepcii v usloviyah mediakonvergencii: mify i real'nost'* [New journalistic concepts in terms of media convergence: myths and reality]. *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhby narodov* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistska, 2017, no. 1, vol. 22, pp. 177–188. (In Russ.)

3. Borshcheva N. N. *Model' universal'nogo zhurnalista, ili strategiya zhurnalistikogo obrazovaniya v usloviyah konvergencii SMI* [Model of a universal journalist, or a strategy of journalistic education in terms of media convergence]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik* [Volga pedagogical journal], 2018, no. 1, vol. 6, pp. 82–86. (In Russ.)

4. Zamkov A. V., Krashennnikova M. A., Lukina M. M., Cynareva N. A. *Informacionno-tekhnologicheskie podhody dlya obucheniya zhurnalistov: sostoyanie, diskurs, perspektivy* [Information technology approaches for training journalists: state, discourse, perspectives]. *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie* [Modern information technology and IT education], 2016, no. 3–2, vol. 12, pp. 62–67. (In Russ.)

5. Zamkov A. V., Krashennnikova M. A., Lukina M. M., Cynareva N. A., Zamkov A.V. *Robotizirovannaya zhurnalistika: ot nauchnogo diskursa k zhurnalistickomu obrazovaniyu* [Robotic journalism: from scientific discourse to journalistic education]. *Mediascope* [Mediascope], 2017, vol. 2, pp. 2. (In Russ.) Available at: <http://www.mediascope.ru/2295> (accessed 21.01.2019)
6. Isakova T. B. *Metody problemnogo obucheniya v praktike organizatsii samostoyatel'noj raboty studentov-zhurnalistov* [Methods of problem-based learning in the practice of organizing independent work of student students]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: a problem field of media education], 2012, no. 9, vol. 1, pp. 56–59. (In Russ.)
7. Kobzeva N. A. *Obuchenie inoyazychnomu ustnomu obshcheniyu studentov bakalavriata na osnove tekhnologii ehd»yutejnmenta. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [Teaching foreign language oral communication of undergraduate students on the basis of technology edutainmentment. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2018. 25 p. (In Russ.)
8. Krasavina Yu. V. *Organizatsiya samostoyatel'noj raboty studentov – budushchih bakalavrov professional'nogo obucheniya na osnove metoda mezhdisciplinarnykh ehlektronnykh proektov. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [The organization of independent work of students – future bachelors of vocational training based on the method of interdisciplinary electronic projects. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2017. 24 p. (In Russ.)
9. Makarova N. Ya. *Zhurnalistika i zhurnalistickoe obrazovanie: vyzovy informacionnogo obshchestva* [Journalism and journalistic education: challenges of the information society]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya* [Historical and pedagogical reading], 2018, no. 22, pp. 46–50. (In Russ.)
10. Manaeva N. N. *Formirovanie informacionnoj mobil'nosti studentov universiteta. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk*. [Formation of information mobility of university students. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Orenburg, 2017. 24 p. (In Russ.)
11. Mansurova V. D. *Transmedijnyj diskurs sobytijnosti v setevom prostranstve SMI* [Transmedia event discourse in online media space]. *Zhurnalistika regionov: diskursy i mediapraktiki – 2018* [Regional Journalism: Discourses and Media Practices – 2018]. (In Russ.) Available at: <http://www.newsman.tsu.ru/konkursy-i-konferencii/onlajn-konferencii-zhurnalistika-regionov-diskursy-i-mediapraktiki/> (accessed 21.01.2019)
12. Ostanina S. A., Pticyna E. V. *Modernizatsiya vysshego obrazovaniya v kontekste perekhoda k federal'nym gosudarstvennym obrazovatel'nym standartam chetvertogo pokoleniya* [Modernization of higher education in the context of the transition to the fourth-generation federal state educational standards]. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Successes of modern science and education], 2017, no. 3, vol. 1, pp. 106–111. (In Russ.)

13. Strekalova N. B. *Upravlenie kachestvom samostoyatel'noj raboty studentov v otkrytoj informacionno-obrazovatel'noj srede. Avtoref. diss. ... dokt. ped. nauk* [Quality management of independent work of students in an open information and educational environment. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Samara, 2017. 53 p. (In Russ.)

14. Tat'yanina E. P. *Podgotovka budushchih pedagogov k upravleniyu proektnymi klasterami. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [Preparing future teachers for project cluster management. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Chelyabinsk, 2017. 26 p. (In Russ.)

15. Tolmachyova E. V. *Innovacionnoe obuchenie RKI (sfera «Stroitel'nyj menedzhment») na osnove informacionno-kommunikacionnoj veb-kvest tekhnologii. Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [Innovative training of RCTs («Construction Management») based on information and communication web quest technology. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015. 24 p. (In Russ.)

16. Shul'gina E. M. *Metodika formirovaniya kommunikativnoj kompetentnosti studentov posredstvom tekhnologii veb-kvest (profil' «Rekreacionnaya geografiya i turizm», anglijskij yazyk). Avtoref. diss. ... cand. ped. nauk* [Methods of forming the communicative competence of students through the technology of the web quest (profile «Recreational Geography and Tourism», English). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2014. 23 p. (In Russ.)

С. Д. Сажина

**Компетентностный подход как условие подготовки
руководителей образовательных организаций
на современном этапе**

В статье рассматривается проблема подготовки управленческих кадров для отрасли образования; выделены требования к современному руководителю образовательной организации; определены компетенции руководителя образовательной организации.

Ключевые слова: *руководитель образовательной организации, компетенции руководителя, управленческие компетенции, подготовка руководителей, образовательная организация.*

S. D. Sazhina. Competence-based approach as a condition of training of heads of educational organizations at the present stage

The article deals with the problem of management training for the Education industry; the requirements for the modern head of the educational organization; the competence of the head of the educational organization.

Keywords: *head of educational organization, competence of the head, managerial competence, training of managers, educational organization.*

Проблема подготовки административно-управленческого персонала системы образования стала рассматриваться не так давно. Достаточно часто встречается мнение, что она может не отличаться от подготовки обычных менеджеров. Однако есть и другое мнение, считающее, что данная подготовка должна отличаться и включать не только технологии менеджмента, но и специфику работы менеджера в образовательной организации, понимание роли образования на современном этапе. Для того чтобы установить особенности подготовки руководителей образовательных организаций, необходимо определить требования, предъявляемые к данной категории работников на современном этапе.

Закон РФ «Об образовании» [7] определяет руководителя образовательной организации (далее – ОО) как единоличного исполнительного органа образовательной организации, который осуществляет текущее руководство деятельностью – ОО, «несет ответственность за руководство образовательной, научной, воспитательной работой и организационно-хозяйственной деятельностью ОО».

В едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [8] определены профессиональные качества директора ОО. В данных квалификационных характеристиках закреплены должностные обязанности руководителя ОО, требования к его стажу и уровню подготовки.

Одним из документов, предполагающих регламентирование деятельности руководителя в ближайшее время, является проект стандартов профессиональной деятельности руководителя ОО, содержащий трудовые функции (компетенции), которые в своем объеме не только значительно шире по сравнению с квалификационными характеристиками, но и отражают инновационную суть требований государства и общества к профессионализму руководителя.

Сопоставление требований к руководителю ОО, представленных в Законе «Об образовании» [7] и в квалификационном справочнике [8], и их соотнесение с необходимыми для выполнения трудовыми функциями проекта профессионального стандарта показал, что руководитель ОО «в реальной практике обязан решать стратегические, тактические и оперативные задачи по всем направлениям деятельности ОО ежедневно» для достижения конечных целей: роста «мотивации к творческой и инновационной деятельности удовлетворенных трудом работников образования; роста числа родителей, желающих привести своих детей именно в данную ОО; роста числа обучающихся, которые желают учиться» в данной ОО; высокой мотивации обучающихся на развитие личностных качеств и др. [12].

Вместе с тем сфера образования предъявляет особые требования к руководителям ОО, отличающиеся от тех, которые требуются от иных менеджеров. Это обусловлено рядом при-

чин: 1) организация работы связана не только с непосредственными подчиненными – педагогами, но и с потребителями услуги – обучающимися и с непосредственным взаимодействием с третьими лицами – родителями детей; 2) отдача от того, что было затрачено на подготовку, переносится на неопределенный период в связи с тем, что итог обучения заключается в развитии не только самого обучающегося, но и всего общества; 3) большая ответственность, по сравнению с управлением производственным процессом, так как сбои в управлении производственным процессом могут привести как максимум к остановке производства, а в ОО – к проблемам в развитии личности ребенка. Также необходимо отметить, что регулярные реформы в образовании: переход к вариативной системе образования, диверсификация образовательных организаций и, как следствие, невозможность обеспечения эффективной деятельности ОО без учета влияния внешней социокультурной среды; информатизация системы образования в целом, интенсивная компьютеризация образовательного процесса, развитие информационных технологий в образовании; сокращение объемов бюджетного финансирования и необходимость решать проблемы финансового обеспечения и внебюджетного финансирования деятельности учреждения образования; попытка стандартизации образовательного процесса, повышение уровня требований к организации учебно-воспитательного процесса; развитие системы оценки качества образования, включая международные исследования PISA, PIRLS, TIMSS и др.; бюрократизация образования, ужесточение требований, предъявляемых при лицензировании и аттестации ОО; низкая заработная плата в сфере образования, отсутствие средств для дополнительных способов финансового стимулирования педагогических работников за эффективную работу и, как следствие, формирование новых механизмов материального и нематериального стимулирования и мотивации труда персонала; изменение качественного состава обучающихся – диктуют особые требования к управленческим кадрам системы образования [11].

Таким образом, современной развивающейся ОО необходим руководитель-менеджер с конструктивной логикой мышления, с развитой методологической культурой управления и психолого-

педагогическим образованием. «Во-первых, он должен мыслить системно, решать нестандартные управленческие задачи, использовать экономические, юридические знания, умело управлять в новых условиях. Во-вторых, руководителю надо уметь подходить к педагогу и обучающемуся не с позиции власти, а с позиции участников общей деятельности, социальных партнеров. В-третьих, современному руководителю необходимо постоянно учиться, получать знания не только о современном управлении как особом типе профессиональной деятельности» [6], но и обо всех изменениях в системе образования, а также навыки активной деятельности в информационной среде и лидерские компетентности. Таким образом, руководителю необходимо формировать и развивать управленческую компетенцию [11, с. 7–8].

Говоря об управленческих компетенциях, необходимо более подробно рассмотреть понятия «компетенция», «компетентность», «профессиональная компетентность», «управленческая компетентность».

Дж. Равен [10] говорит о компетентности как специфической способности, которая необходима для осуществления деятельности, приносящей определенный результат в выбранной предметной области, которая включает специальные знания, навыки, особенности мышления и формирует осознание ответственности за совершенные действия. То есть, компетентностью можно назвать измеряемую характеристику человека, которая даст ему возможность стать эффективным специалистом в конкретном виде деятельности.

По мнению О. Е. Лебедева, термин «компетенция» (в переводе с латинского – соответствие, соразмерность) трактуется как «круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом, а компетентность как способность действовать в ситуации неопределённости» [5]. Таким образом, можем говорить о том, что компетентность состоит из ряда компетенций.

Под компетентностью директора ОО Н. А. Шкляева «понимает интеграцию базовых компетенций, позволяющих руководителю качественно выполнять свои трудовые функции» [12], свою профессиональную деятельность.

Современные взгляды отечественных и зарубежных ученых на профессиональную компетентность именно управ-

ленческой деятельности в образовании сильно различаются. Э. Ф. Зеер рассматривал профессиональную компетентность как совокупность специальной, социальной и индивидуальной компетенций [2]. Д. В. Бухаров определил профессиональную компетентность как совокупность трех компетентностей: базовой, ключевой и специальной [1]. «Базовая компетентность определяется спецификой конкретной (управленческой и педагогической) профессиональной деятельности. Руководитель ОО обязан быть компетентным как в общепедагогическом, так и в актуально-педагогическом аспекте. Ключевая компетентность включает успех личности в изменяющейся действительности, способность к решению профессиональных задач, основываясь на коммуникации, информации, социально-правовых основах поведения личности в гражданском обществе. Специальная компетентность определяется спецификой конкретных предметных или надпредметных областей управленческой деятельности (может рассматриваться как реализация ключевой и базовой компетентностей в конкретной сфере профессиональной деятельности) [9]. Реализация отдельных компетенций, входящих в состав профессиональной компетентности, осуществляется в ходе выполнения многообразных видов деятельности, направленных на решение практико-ориентированных задач, так как в условиях современного российского образования на первый план выступает проблема обеспечения готовности руководителя организации формировать установку подчиненных на преобразование профессиональной деятельности, тем самым обеспечивая постепенное наращивание у них профессиональной компетентности и квалификации, профессионального опыта. Поэтому основной упор в подготовке должен быть сделан на проектировочную и исследовательскую работу, на формирование инициативы в деятельности, развитие творческого потенциала руководителей» [1]. В ряде исследований профессиональную компетентность руководителя ОО подразделяют еще на несколько подкомпетентностей: управленческую, коммуникативную, инновационную, экономическую, психологическую, психотерапевтическую и конфликтологическую, информационную и информационно-технологическую. В. Ю. Кричевский сделал акцент на методической компетентности руководящих ка-

дров ОО [2, с. 28]. Таким образом, мы можем определить профессиональную компетентность как интегративную характеристику. Данная характеристика включает совокупность теоретической и практической подготовки специалиста, а также совокупность тех компетенций, которые дадут ему способность решать проблемы, связанные с профессиональной деятельностью, использовать жизненный опыт в решении проблем, связанных с ситуацией неопределенности.

К наиболее выраженным видам профессиональной компетентности руководителя относят управленческую, которая рассматривалась целым рядом ученых (Е. Н. Белова, О. Епишева, В. Мейер, В. В. Тарасенко, А. В. Хуторской) и определяется как «совокупность личностных качеств руководителя, где раскрывается содержание данного свойства личности с позиции современной управленческой педагогической деятельности руководителя ОО», или «способность и готовность целостно и глубоко анализировать, выявлять, точно формулировать проблемы ОО и находить из большего числа альтернативных подходов к их решению наиболее целесообразный и эффективный относительно конкретной ситуации этого учреждения» [11, с. 22–23]. Поэтому сегодня руководителю «необходимы не только определенные личностные качества и педагогический опыт, но и знания в области менеджмента, экономики, юриспруденции, а также опыт и навыки интеграции этих знаний и оперативного применения в конкретной ситуации» [11, с. 24]. Также управленческая деятельность менеджера характеризуется такими качествами, как «умение доводить до подчиненных оперативную информацию; способность к свободному межличностному общению; умение принимать решения и разрешать возникающие проблемы в условиях агрессивности внешней среды; навыки работы в команде; коммуникабельность (умение советоваться со специалистами, учитывать их мнение, вести переговоры); умение убеждать, мотивировать, договариваться; способность учиться оперативно, включаться в определенные разноплановые системы рыночных отношений и осваивать при этом навыки перспективного мышления, стратегического управления». Данная деятельность соотносится, в том числе и с таким видом профессиональной компетентности, как коммуникативная [11]. Ком-

муникативная компетентность является одной из ключевых в деятельности руководителя, поскольку основной вид его деятельности связан со взаимодействием с другими людьми. Коммуникативная компетентность неразрывно связана с личностной, где доминируют склонность к риску и умение работать в условиях нововведений.

В связи с расширением экономической составляющей деятельности учреждений образования, их финансовой и хозяйственной самостоятельностью экономическая компетентность руководителя приобретает особую значимость. Экономическая компетентность руководителя ОО «включает в себя знаниевый, деятельностный, мотивационный и личностный компоненты, характеризующиеся совокупностью специальных компетенций (маркетинговая, предпринимательская, хозяйственно-правовая), которые отражают способность руководителя использовать полученные экономические знания, умения, опыт, известные способы деятельности, создавать экономические смыслы, объекты деятельности в процессе непрерывного личностного совершенствования для обеспечения функционирования ОО, регулируемой преобладающими у личности ценностями и мотивами» [11].

С развитием информационных технологий все большую значимость приобретает информационная компетентность руководителя, которая рассматривается Е. Г. Пьяных как «умение работать с информацией (сбор, поиск, передача, анализ); моделирование и проектирование собственной профессиональной деятельности; умение ориентироваться в организационной среде на базе современных информационно-коммуникационных технологий; использование в своей практической профессиональной деятельности современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающее увеличение производительности труда» [11]. Также акцент делается на информационно-экономическую компетентность, которая рассматривается «в виде трех компонентов: содержательно-процессуального, включающего владение знаниями и умениями практического использования информационных технологий в процессе принятия управленческих решений; мотивационно-целевого, отражающего побуждение к совершенствованию знаний и умений в области познания

экономической реальности в образовании и приводящего картину экономического развития образовательного учреждения к информационной экономической системе; ориентировочно-нравственного», который показывает значение данной компетентности для руководителя ОО [11].

Немаловажную роль в формировании руководителя на современном этапе играет психологическая компетентность, которая включает когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, мотивационный, регуляционный аспекты. Психотерапевтическая и конфликтологическая компетентность руководителя включают виды профессиональной компетентности, которые граничат с личностными качествами и отражают специфику деятельности руководителя в области выстраивания межличностных отношений, в том числе в сложных и противоречивых ситуациях [11].

Процесс модернизации и регулярные инновации в отрасли образования предъявляют требования к содержанию правовых знаний руководителя ОО, к его роли в правовом пространстве: руководитель не только следит за изменением нормативно-правового пространства, но и «становится инициатором и участником разработки нормативно-правовых документов, а в определенной степени и экспертом в данной области» [3, с. 4]. В связи с этим требуется формирование правовой компетентности, предполагающей готовность к постоянному самостоятельному обновлению правовых знаний и умений. «Исследования правовой компетентности руководителя ОО, в том числе, вопросы ее формирования и развития, представлены в работах Г. М. Германовой, А. Н. Кузибецкого и В. Ю. Розки, Е. Б. Майоровой, П. А. Муסיнова, С. В. Мягковой, А. И. Рытова, М. В. Сакун, Е. В. Сараева, Н. Н. Сапрыкиной и других исследователей» [3].

Исходя из вышеизложенного, можем определить, что направленность на формирование профессиональной компетентности руководителя задает логику всей организации подготовки управленческих кадров ОО, а именно как решать те или иные задачи и реальные проблемы при реализации актуальных управленческих аспектов.

Особенности обучения будущих или действующих руководителей ОО определяются содержанием их профессиональной

деятельности. В числе основных направлений можно выделить: подготовка управленцев к решению новых задач в условиях регулярных изменений в отрасли образования; пополнение их знаний в смежных областях и освоение эффективных способов принятия управленческих решений. Среди важнейших задач обучения будущих руководителей ОО, согласно выделенным компетентностям, можно выделить следующие: 1) дать знания и сформировать умения, необходимые для успешного решения задач, для эффективного руководства ОО; 2) помочь понять и систематизировать имеющийся управленческий и педагогический опыт, осуществляемую работу и стимулировать потребность в совершенствовании своей управленческой деятельности.

Необходимо также понимать, что у будущих руководителей должно осуществляться формирование понимания роли изменений в образовании, современных научно обоснованных подходов к управлению, профессионального языка и ценностей, способностей управлять организациями и системой образования в условиях изменений внешней среды, нарастания социально-культурного разнообразия и процессов децентрализации управления. В связи с вышеизложенным возникает потребность в разработке профессиональных образовательных программ подготовки руководителей отрасли образования нового типа, которые должны обладать знаниями и умениями в сфере управленческой деятельности, понимать особенности и значимость развития образования в современных условиях, а также в условиях рыночной экономики, осознавать ответственность за свою деятельность.

В связи с вышеизложенным, важность и необходимость подготовки специалистов-управленцев высокого качества отрасли образования именно в высшей школе не вызывает сомнений. Наиболее оптимальным условием подготовки руководителя ОО, имеющего высшее образование по педагогическому направлению подготовки и желающего получить подготовку в области менеджмента в образовании на современном этапе, является обучение в рамках магистерских программ в высших учебных заведениях, так как магистерские программы основываются на имеющемся высшем образовании, следуют ФГОС ВО, где определен вид деятельности «организационно-управленческий» и пе-

речислены необходимые компетенции, которые должны быть сформированы у обучающегося за короткий срок (2–2,5 года).

Библиографический список

1. Бухаров Д. В. Педагогические условия профессиональной подготовки в вузе будущих руководителей образовательных организаций к имиджевой деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2015. 136 с.

2. Кричевский В. Ю. Очерки истории и теории управления образованием. СПб.: СПбГУПМ, 2001.

3. Крымовская И. А. Подготовка руководителей профессиональных образовательных организаций к образовательному нормотворчеству: дис. ... канд. пед. наук. М: ФИРО, 2015. 235 с.

4. Лазаренко И. Р. Формирование имиджа образовательной организации как управленческое новшество // Педагог. 2000. № 9. URL: http://www.informika.ru/text/magaz/pedagog/pedagog_9/stat8.html (дата обращения: 17.02.2017).

5. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.

6. Лебедева Л. И. Особенности магистерского образования в отечественной высшей школе // Известия ВГПУ. 2008. № 6. С. 79–84.

7. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

8. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования: приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 N 761н (ред. от 31.05.2011) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-26082010-n-761n/>.

9. Прокументова Г. Н. Открытое образовательное пространство и управление профессиональным развитием: процессы субъективации // Управление профессиональным развитием и изменениями в системе повышения квалификации. Томск: ЦПКЖК, 2002.

10. Равен Джон. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация : пер. с англ. М.: Когнито-центр, 2002. 394 с.

11. Чечель И. Д. Директор школы и его команда: стратегия и тактика коллективного профессионального развития. М.: Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2016. 192 с. (Библиотека журнала «Директор школы»).

12. Шкляева Н. А. Проблемы определения компетентности руководителя муниципального образовательного учреждения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. URL: <http://uecs.ru/logistika/item/1549%E2%80%932012%E2%80%9309%E2%80%9324%E2%80%93>

References

1. Bukharov D. V. *Pedagogicheskiye usloviya professional'noy podgotovki v vuze budushchikh rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy k imidzhevoy deyatel'nosti*. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions of professional training in higher education institution for future leaders of educational organizations to branding activities. Cand. ped. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2015, 136 p. (In Russ.)

2. Krichevsky V. Y. *Ocherki istorii i teorii upravleniya obrazovaniyem* [Essays on the history and theory of education management]. St. Petersburg, SPBGUP, 2001. (In Russ.)

3. Krymovska I. A. *Podgotovka rukovoditeley professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiy k obrazovatel'nomu normotvorchestvu* [Training of managers of professional educational organizations to educational standard setting. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, FIRO, 2015, 235 p. (In Russ.)

4. Lazarenko I. R. Formirovaniye imidzha obrazovatel'noy organizatsii kak upravlencheskoye novshestvo [Formation of the image of the educational organization as a managerial innovation]. *Pedagog* [Teacher], 2000, no. 9. (In Russ.). Available at: http://www.informika.ru/text/magaz/pedagog/pedagog_9/stat8.html (accessed: 17.02.2017).

5. Lebedev O. E. Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii [Competence approach in education]. *Shkol'nyye tekhnologii* [School technologies], 2004, no. 5, pp. 3–12. (In Russ.)

6. Lebedeva L. I. Osobennosti masterskogo obrazovaniya v otechestvennoy vysshey shkole [Peculiarities of the master's of education in Russian higher school]. *Izvestia VGPU* [Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University], 2008, no. 6, pp. 79–84. (In Russ.)

7. On education in the Russian Federation: Federal law from 29.12.2012 № 273-FZ (as amended on 07.03.2018). ATP ConsultantPlus. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

8. The order of the health Ministry of Russia from 26.08.2010 N 761Н (ed. by 31.05.2011) «On approval of the Uniform qualification reference book of positions of heads, specialists and employees, section «Qualifying characteristics of posts of workers of education». ATP ConsultantPlus. (In

Russ.). Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-26082010-n-761n/>.

9. Prozumentova G. N. Otkrytoye obrazovatel'noye prostranstvo i upravleniye professional'nym razvitiyem: protsessy sub'yektivatsii [Open educational space and management of professional development: processes of subjectivation]. *Upravleniye professional'nym razvitiyem i izmeneniyami v sisteme povysheniya kvalifikatsii* [Management of professional development and changes in the system of professional development]. Tomsk, CPKZHK, 2002. (In Russ.)

10. Raven To John. *Kompetentnost' v sovremennom obshchestve. Vyyavleniye, razvitiye i realizatsiya* [Competence in modern society. The identification, development and realization]. Moscow, Cognitive center, 2002, 394 p. (In Russ.)

11. Chechel I. D. *Direktor shkoly i yego komanda: strategiya i taktika kollektivnogo professional'nogo razvitiya* [Director of the school and his team: strategy and tactics of collective professional development]. Moscow, 2016, 192 p. (library of the magazine «school Principal»). (In Russ.)

12. Shklyaeva N. A. Problemy opredeleniya kompetentnosti rukovoditelya munitsipal'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Problems of determining the competence of the head of the municipal educational institution]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of economic systems: electronic scientific journal]. (In Russ.). Available at: <http://uecs.ru/logistika/item/1549%E2%80%932012%E2%80%93309%E2%80%9324%E2%80%933>

Е. В. Сердюк

**О технологии вовлечения студентов
в иноязычную деятельность**

*В статье рассматриваются способы моделирования целевых психических состояний на занятии по английскому языку со студентами педагогического направления подготовки. Как показывает практика обучения, погружение студентов в данные относительно устойчивые психические состояния позволяет управлять студенческой вовлеченностью с целью подготовки сознательных, мотивированных, чувствующих и сочувствующих учителей иностранного языка. Приводятся инварианты установок заданий на стадии имплементации функциональных грамматически-ориентированных упражнений на основе аутентичного текста *A Day's Wait (Ожидание)* Э. Хемингуэя.*

Ключевые слова: студенческая вовлеченность, психическое состояние, поведенческое проявление личности, моделируемые ситуации, инвариант установок.

E. V. Serdyuk. Technology of student engagement into foreign language practice

*The author considers the ways of modeling of the objective psychological conditions at English lessons with pedagogical students. As practice shows, student plunge into these relatively stable psychological conditions lets us manage student engagement in order to prepare responsible, motivated, sensitive, sympathetic teachers of foreign languages. The article gives examples of the invariants of the tasks at the stage of implementation of the functional grammar-oriented exercises on the basis of the authentic story *A Day's Wait* by E. Hemingway.*

Keywords: student engagement, psychological condition, behavioral display of personality, modeling situations, task invariant.

Качество образования всегда являлось приоритетным в кругу проблем народного образования, и в частности высшей школы. Спрос на высокое качество породил большое количе-

ство работ, посвященных анализу проблем вуза. Исследователи отмечают недостаточный уровень подготовки абитуриентов, низкий проходной балл при поступлении [4], масштабные пропуски занятий студентами [9], феномен «работающего студента», разное отношение студентов к обучению в вузе [6, с. 3].

В последнее время многие ученые уделяют пристальное внимание феномену *студенческой вовлеченности*, призванной, как они полагают, заменить термин мотивации в образовательном процессе. По их мнению, усиление студенческой вовлеченности (от англ. student engagement) позволит университету выпускать мотивированных, компетентных, творческих, социально ответственных специалистов, заинтересованных в личностном развитии и внедрении инноваций [5, с. 40].

Студенческая вовлеченность понимается как совокупность «физической и психологической энергии, затрачиваемой для приобретения академического опыта и выражающейся в поведении» [5, с. 47]. Это инвестирование психологической энергии в обучение [8, с. 216]. В студенческой вовлеченности большую роль играет поведенческий аспект. «Не так важно, что человек думает или чувствует, как то, что он или она делает, как ведет себя, именно это определяет и представляет собой вовлеченность» [10, р. 519]. Поведенческое проявление личности позволяет наблюдать, измерять, а значит, и управлять студенческой вовлеченностью.

При обучении иностранному языку речь должна идти о вовлечении студентов преподавателем в определенные психические состояния, вызванные модулируемые им различными ситуациями. Вовлечение, в свою очередь, сопровождается погружением в эмоционально-когнитивные переживания эпизодов деятельности, которые превращаются в личностные поведенческие акты, известные психологам как поступки. Определим поступок как действие личности, оцениваемое другими. Как можно понять, вовлечение, в отличие от мотивации, которая в общем виде определяется как комплекс факторов, влияющих на поведение человека, раскрывает то, что происходит в субъекте, заинтересованном в процессе и в результате своей деятельности. В самом деле, если обучающий будет иметь представление о тех психических состояниях, в которые он будет вовлекать об-

учающихся, он обеспечит тем самым субъектное переживание самой становящейся деятельности.

А. О. Прохоров дает следующее определение психического состояния. «Психическое состояние – это отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома (совокупности) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени» [7, с. 37]. Данное определение позволяет нам сделать следующие выводы: психическое состояние вызывается ситуацией, что в целях методики позволяет нам его воссоздавать и изменять; оно устойчиво, что дает возможность студенту переживать определенное психическое состояние относительно длительное время; оно выражается в поступочном поведении, а значит оно обозримо и наблюдаемо; оно связано с эмоциями, т. е. затрагивает личностные сферы:

- волевую;
- интеллектную;
- информативно-смысловую;
- инструментально-смысловую;
- эмоциональную;
- индивидуальную;
- социальную:
  - а) коллективистскую;
  - б) лидерскую;
  - в) аффилиационную;
- актуализации мыслительных противоречий;
- познавательную, или самосозидающую;
- регулятивную;
- разделенного слова (диалогическую) [3, с. 19].

Вслед за В. М. Гурленовым мы полагаем, что «каждое конкретное психическое состояние должно быть названо (поименовано) в виде внутреннего импульса, подвигающего человека на деятельность и позволяющего ему проявлять себя как личность» [Там же, с.19].

Рассмотрим конкретные психические состояния [См. об этом подробнее: 3, с. 210–214], возникающие на одном из занятий по предмету «Английский язык: практика устной и письменной речи» на втором курсе института иностранных языков

Сыктывкарского государственного университета им. Питири-ма Сорокина. Студенты – будущие учителя английского языка. Обучение на втором курсе носит четкую грамматическую направленность и осуществляется в рамках тем учебника «Практический курс английского языка. 2 курс» под ред. В. Д. Аракина. Тема занятия – *Illnesses and their Treatment* (Болезни и их лечение).

Технология вовлечения обучающихся в мотивирующие психические состояния рассматривается здесь на стадии реализации функциональных грамматически-ориентированных упражнений [См. об этом подробнее: 1, с. 6] на базе аутентичного текста *A Day's Wait* (Ожидание) Э. Хемингуэя. Главные герои рассказа – девятилетний мальчик и его отец, проживающие в США. Мальчик заболел гриппом. Доктор сообщил, что его температура 102 градуса. С этого момента мальчик стал вести себя странно: не засыпал; лежал уставившись на спинку кровати; не хотел, чтобы ему читали; не верил, что лекарства ему помогут; запретил родным заходить к нему в комнату; казался отрешенным от всего происходящего. Отец принял данные симптомы нервного напряжения за симптомы гриппа. В конце дня мальчик спросил, когда он умрет. Оказалось, что друзья во Франции сказали ему, что нельзя жить с температурой 44 градуса, а у него было 102. Отец рассказал мальчику про два различных термометра: по шкале Цельсия и Фаренгейта, на следующий день мальчик был очень вялым и много плакал по пустякам.

Комплекс функциональных грамматически-ориентированных упражнений строится таким образом, что шаг за шагом достигается поступательное овладение иноязычной речевой деятельностью при скоординированном освоении функционального (деятельностного) и познавательного (информативного осваивающе-преобразующего) ее аспектов. Данные упражнения всегда выполняются на основе текста, который служит источником предметно-содержательной и лингвистической информации. Студенту предлагается решать на основе текста определенные функционально-познавательные задачи.

При выполнении различных видов упражнений студенты вовлекаются в следующие инвариантные психические состояния:

1) Упражнения на выборочное воспроизведение

Интеллектуальное состояние:

– *Я смогу отбросить ненужное, второстепенное, обращая внимание на главное, необходимое (проявление глубины ума)!*

Информативно-смысловые состояния:

– *Я могу найти только... (поиск информации).*

– *Я могу (рас)сказать только ... (отбор, фильтрация информации).*

– *Я могу найти и объединить по смыслу (классификация информации).*

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *Расскажите только о состоянии мальчика/только о погоде/только о поведении отца/только о визите врача.*

2) Упражнения на содержательную перестановку фактов внутри текста

Интеллектуальное состояние:

– *Я могу предложить несколько вариантов решения проблемы (проявление широты ума)!*

– *Я могу по-новому посмотреть на это! Я в этом оригинален (проявление гибкости и подвижности ума)!*

Индивидуальное состояние:

Я сделаю это по-своему, потому что:

– *я вижу по-другому,*

– *я думаю по-другому.*

Проблемное состояние:

Я должен предложить свое понимание, решение жизненной проблемы!

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *Расскажите, как бы вел себя мальчик во время болезни, если бы он не учился во Франции/знал только термометр в градусах по Фаренгейту.*

3) Упражнения на расширение и сокращение текста

Интеллектуальное состояние:

– *Я смогу доказать (проявление доказательности)*

Информативно-смысловые состояния:

– *Я могу ещё (рас)сказать... (добавление информации).*

– *Я могу рассказать подробно* (детализация информации).

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствуют следующие инварианты установки: *Расскажите, как вел себя мальчик на следующий день, после того, как он понял, что он не умирает.*

Проиллюстрируйте высказывание «Недостаток знаний – опасная вещь» кратким изложением текста в качестве примера.

4) Упражнения на сравнение

Информативно-смысловое состояние:

– *Я могу сказать то же самое о...* (идентичность информации).

Познавательное (самосозидающее) состояние:

– *Надо узнать в деталях, сравнить, уточнить значение* (желание обладать информацией).

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *Сравните поведение мальчика в первый день болезни и последующие дни.*

5) Упражнения на языковую и содержательную трансформацию

Интеллектуальное состояние:

– *Это любопытно!* (проявление любопытства)!

– *Я попробую быть последовательным в рассуждениях. Я по-пробую учесть все* (проявление логичности)!

– *Я смогу доказать* (проявление доказательности)!

Индивидуальное состояние:

Я сделаю это по-своему, потому что я вижу по-другому.

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *Как бы развивались события, если бы они происходили во Франции.*

6) Упражнения на аналогию

Информативно-смысловые состояния:

– *Я знаю то, что никто не знает, и хочу этим поделиться* (обладание информацией)!

– *Я могу рассказать об этом разным людям и в разных аудиториях* (адаптация информации).

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *Как ведете себя вы/ваши*

родственники во время болезни? Расскажите об этом своей подруге/другу, а затем преподавателю.

7) Упражнения на репродуктивное творчество даются в качестве домашнего задания. При выполнении домашнего задания главную роль играет регуляция (саморегуляция).

Регулятивное состояние:

– *я представляю/вижу результат, к которому я стремлюсь, и он меня увлекает (целеполагание);*

– *я представляю, какие шаги мне нужно сделать, а также их значение, чтобы достичь цели (планирование);*

– *я отдаю себе отчет в том, насколько будет совершенен результат, к которому я стремлюсь в определенный промежуток времени (предвосхищение результата и уровня усвоения);*

– *я могу определить, получается ли у меня так, как я замыслил, и внести необходимые исправления в то, что я делаю (кон-троль и коррекция);*

– *я могу оценить то, что я делаю по шкалам хорошо/плохо, с ошибками/без ошибок, удовлетворен/не удовлетворен, много/мало, успел/не успел, красиво/не красиво, получилось/не получилось, не знаю/знаю, не умею/научусь (оценка и самооценка);*

– *я могу усилием воли стать совершенным (волевая саморегуляция).*

Инструментально-смысловое состояние:

Я не смогу рассказать..., если я перед этим:

– *не составлю план...,*

– *не создам черновик...,*

Эмотивное состояние:

– *Представь себе... (игра воображения).*

Познавательное (самосозидающее) состояние:

– *Попробую сделать также в аналогичной ситуации! Получится ли (ориентировочный интерес)?*

Вовлечению обучающихся в данные состояния способствует следующий инвариант установки: *События произведения «Ожидание» передаются отцом мальчика. Как бы звучал рассказ, если бы происходящее в нем мы видели глазами девятилетнего ребенка, который рассказывает о себе своей маме, чтобы она его пожалела? Предполагается рассказ от первого лица.*

Таким образом, вовлечение обучающихся в мотивирующие психические состояния, как было показано, зависит от грамотно сформулированных установок, побуждающих студентов к коммуникативно-познавательной деятельности по трансформации содержания учебного текста.

Библиографический список

1. Годунов Б. П. Обучение английской речи в функционально-познавательных упражнениях. СПб.: Образование, 1993. 133 с.
2. Гурленов В. М. Психологическая интерпретация требований ФГОС среднего образования. Предмет «Иностранный язык» // Человек. Культура. Образование. 2015. № 3. С. 207–215.
3. Гурленов В. М. Роль понятия «психическое состояние» в объяснении процессов овладения иностранным языком // Сборник статей международной исследовательской организации «Cognitio». СПб.: Международная исследовательская организация «Cognitio», 2015. С. 18–21.
4. Добрякова М. С., Андрущак Г. В. Прием в российские государственные вузы в 2010 г.: увидеть, чтобы задуматься. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/19/1267422772/Dobryakova.pdf>. (дата обращения: 10.01.2019).
5. Малошонок Н. Г. Студенческая вовлеченность как социальное явление: теория и методология исследования: дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 278 с.
6. Павлюткин И. В. Организационные изменения в технических университетах: институционализация управления качеством образования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 25 с.
7. Прохоров А. О. Определение понятия «психическое состояние» // Психология состояний. Хрестоматия. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2004. С. 34–39.
8. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом гос. ун-та, 2010. 304 с.
9. Фрумин И. Д., Добрякова М. С. Что заставляет меняться российские вузы. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251416829/Frumin.pdf>. (дата обращения: 23.01.2019).
10. Astin A. Involvement the Cornerstone of Excellence // Change: The Magazine of Higher Learning. 1985. Vol. 17. No 4. P. 35–39.

References

1. Godunov B. P. *Obuchenie angliyskoy rechi v funktsionalno-poznavatel'nyh upravleniyah* [Teaching of English speech in functional-cognitive approach]. St. Petersburg, Obrazovaniye Publ., 1993. 133 p. (In Russ.)
2. Gurlenov V. M. Psikhologicheskaya interpretatsiya trebovaniy FGOS srednego obrazovaniya. Predmet "Inostranniy iazyk" [Interpretation of the requirements of the Federal State Educational Standard (FCES) of secondary education. The school subject Foreign Language] *Chelovek. Cultura. Obrazovaniye* [Person. Culture. Education], 2015, № 3, pp. 207–215. (In Russ.)
3. Gurlenov V. M. Rol' pon'atiya "psikhicheskoye sostoyaniye" v obyasnenu protsesov ovladeniya inostrannym iazykom [The role of the notion "psychological condition" in the explanation of the process of acquiring a foreign language]. *Sbornik statey mezhdunarodnoy issledovatel'skoy organizatsii «Cognitio»* [The set of articles of the international research organization «Cognitio»]. St. Petersburg, Cognitio Publ. 2015, pp. 18–21.
4. Dobr'akova M. S., Andrushak G. V. *Priem v rossiyskie gosudarstvennyye vuzy v 2010 godu: uvidet' shtoby zadumatsa* [Acceptance to Russian state universities: to see to think]. (In Russ.) Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/19/1267422772/Dobryakova.pdf>. (accessed: 10.01.2019).
5. Maloshonok N. G. *Studencheskaya vovlechnost' kak sotsial'noye iavleniye: teoriya i metodologiya issledovaniya. Diss. cand. ped. nauk* [Student engagement as social phenomenon: theory and methods of investigation. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2014. 278 p. (In Russ.)
6. Pavl'utkin I. V. *Organizatsionnye izmeneniya v tekhnicheskikh universitetah: instituzializatsiya upravleniya kachestvom obrazovaniya. Avtoref. cand. diss.* [Organizational changes in technical universities: industrialization of management of education quality. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2010. 25 p. (In Russ.)
7. Prokhorov A. O. *Opreделение pon'atiya "psikhicheskoye sostoyaniye"* [Definition of the notion "psychological condition"]. *Psikhologiya sostoyaniy. Khrestomatiya* [Psychology of conditions. Reading book]. Moscow, PER SE Publ.; St. Petersburg, Rech, 2004, pp. 34–39. (In Russ.)
8. *Ridings B. Universitet v ruinah* [University in ruins]. Moscow, Moscow University Press, 2010, 304 p. (In Russ.)
9. Frumin I. D., Dobriakova M. S. *Chto zastavliaet meniatsa rossiyskie vuzy.* [What makes Russian universities change]. (In Russ.) Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/04/1251416829/Frumin.pdf>. (accessed: 23.01.2019).
10. Astin A. Involvement the Cornerstone of Excellence. *Change: The Magazine of Higher Learning*, 1985, vol. 17, no 4, p. 35–39.

Ю. И. Трофимова

Использование понятия «опыт» в объяснении процесса овладения иностранным языком

В статье раскрывается понятие иноязычной коммуникативной компетенции с точки зрения ее деятельностной составляющей. Представлено и раскрыто понятие опыта как ресурсной составляющей языковой личности. Приведены примеры некоторых видов опыта, необходимого для объяснения процесса овладения личностью иностранным языком.

Ключевые слова: *иноязычная коммуникативная компетенция, языковая личность, опыт.*

Y. I. Trofimova. Use of the concept of experience in the explanation of language acquisition process

The article defines the term of foreign language communicative competence from the point of view of its action component. The concept of the term experience, as a resource component of personal lingual identity, is disclosed. Some examples of experience types, necessary for the explanation of language acquisition are identified.

Keywords: *foreign language communicative competence, lingual identity, experience.*

Цель обучения иностранным языкам, согласно ФГОС нового поколения, состоит в развитии у школьников иноязычной коммуникативной компетенции, необходимой для успешной социализации и самореализации как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире.

Следует напомнить, что понятие компетенции пришло в сферу образования из области экономики. Требование определять компетентность человека появилось в рекрутинге (подборе персонала) и профотборе. Оно, безусловно, было нужным для организации управления и подготовки кадров в области формирования будущего специалиста. Можно констатировать, что в понятие компетенции вкладывались первоначально качества,

которые будут необходимы наемному работнику в его трудовой деятельности в той или иной сфере профессиональной занятости. Стоит задуматься в этой связи, можно ли найти в школьном образовательном процессе профессионально маркированные трудовые деятельности, поскольку, как можно понять, именно они определяют ценностные ориентации и убеждения субъекта трудовой деятельности. Именно содержание и прагматика привлекающих человека трудовых деятельностей раскрывают весь его личностный потенциал (знания, умения, навыки, готовности, способности, склонности). Другими словами, мотивирующая трудовая деятельность способствует реализации в ней личности. Можно ли использовать в школьном обучении понятие компетенции, исключив из нее глобальный мотивирующий импульс – трудовую (профессиональную) деятельность? По существу, компетенции в школьном обучении рассматриваются как способность или возможность человека реализовать свои качества для эффективной деятельности только в конкретной ситуации. Следовательно, трудовая (профессиональная) деятельность (действие мотива) сводится на уроке иностранного языка к той или иной ситуации (действие мотивации ситуации), моделируемой учителем. Таким образом, желание учителя использовать мотив, как ему представляется, трудовой деятельности, зачастую наталкивается на нежелание школьника переживать предлагаемую учителем, как ему кажется, мотивирующую ситуацию. Другими словами, учителю иностранного языка не следует полагаться на то, что все его ученики будут мотивированы на уроке личностным мотивом (жизненно-значимой деятельностью). Как правило, такого мотива в отношении желания овладеть иностранным языком у большинства школьников нет. Вовлечение обучающихся в деятельность на уроке учителя инстинктивно строят, используя явление мотивационной ситуации, которая и инициирует различные деятельности, которые могут увлечь или не увлечь ученика. К тому же часто такие деятельности могут иметь не коммуникативный, а познавательный характер.

Можно заметить, что то, что происходит с человеком, так или иначе замкнуто на проявлении его как личности. Напомним, что ядром понятия компетенция, как совершенно справед-

ливо утверждают ученые, понимающие эту проблему, является стремящаяся к самосовершенствованию личность. Вместе с тем современная дидактическая наука, к сожалению, мало говорит о ресурсной составляющей личности, без которой деятельность не может осуществиться. Д. Н. Завалишина называет этот кладезь личности «потенциальным резервуаром» актуальных деятельностей [см. об этом: 2, с. 111]. Речь идет об опыте различного рода в становлении личности.

Мы выяснили, что владение определенной компетенцией зависит от степени сформированности различных качеств личности. Становится понятным, что степень сформированности этих качеств определяется наличием/отсутствием развитости опыта в определенной деятельности. Понятие опыт не входит в сферу методических терминов. Тем не менее значение этого феномена в любой сфере человеческой жизни является фундаментальным.

Являясь «потенциальным резервуаром» актуальных деятельностей, опыт в виде импульсов-сигналов и интуитивных механизмов помогает человеку осуществлять деятельность в затрудненных условиях [2, там же]. М. А. Холодная особо подчеркивает, что опыт – это не только «следы памяти» (прошлый опыт), это еще «оперативные формы опыта (то, что происходит в ментальном опыте этого человека в настоящем), и потенциальные формы опыта (то, что появится в его ментальном опыте в качестве новообразований в ближайшем или отдаленном будущем)» [4, с. 82].

Опыт всплывает в виде «следов памяти» (феноменологические образы, поведенческие образы (обрядовые, ритуальные, процессуальные)). Опыт проявляется в актуальных деятельностях (операциональные формы опыта), он проецируется на потенциальные деятельности (регулятивные проекции).

Термин опыт происходит от русского слова пытати. Это такие жизненные ситуации, которые человек пережил, преодолевая трудности, и тем самым сохранил о них значимые воспоминания в виде событий. Такие переживания становятся смыслообразующими, они начинают влиять на его поведение и, соответственно, становятся составными частями самого себя [3, с. 52].

Таким образом, отметим, что опыт возникает там, где перед человеком появляются некие трудности, преодоление кото-

рых является важным для становления и развития личности в продуктивной деятельности. Речь идет о продуктивном опыте в виде смысловых навыков и умений.

В случае рецептивных видов деятельности переживания, чувствования, увлекавшие человека и оказавшиеся в основе рецептивного опыта, должны трактоваться по-другому. Они происходят от стремления человека снова и снова, глубже и глубже, более и более эмоционально пережить подобное желаемое эмоциональное состояние, выражающееся в чувстве удовлетворения от предыдущих подобных поступков.

Необходимо раскрыть некоторые моменты в том явлении, которое называют опытом.

Прежде всего, на что обратил внимание еще Д. Локк, опыт – это факт переживания субъектом самого себя как чего-то внутреннего, отличного от внешнего объекта [5, с. 159]. В этой связи уместно обратиться к феномену «психическое состояние», которому почему-то не уделяется внимание в методике обучения иностранным языкам. В континууме деятельности это дискретные, относительно статические, эмоционально-поведенческие психические этапы-состояния. Не основывать на них процесс обучения, упускать из виду этот существенный момент значит не совсем верно понимать истинное положение вещей в процессе овладения иностранным языком [1, с. 19]. Деятельность, как известно, объясняет процессуальный аспект в овладении обучающимися иностранным языком, а личность – результативный в виде свойств и качеств, на становление которых нацелена деятельность педагога. Личность, проявляющая себя в деятельности, переживает ее в виде испытанных ранее психических состояний, которые и регулируют деятельность. Психические состояния показывают, откуда и как возникают мотивирующие импульсы в субъекте (на)учения. Как мы видим, речь идет об опыте, который приобретает человек в своей жизни. Другими словами, следует отождествить понятия психическое состояние и опыт, поскольку и то и иное являются переживаниями личности.

Приведем в качестве примеров некоторые виды опыта, которые необходимо иметь в виду при объяснении процесса овладения личностью иностранным языком.

1. Смысловой навыковый опыт. В нем присутствует ярко выраженная ориентация на совершение определенного речевого акта: наименовать предмет, действие, качество, сообщить-запросить информацию и др. Смысловой характер навыки приобретают в процессе переживания следующих психических состояний: Я смогу рассказать..., написать..., создать..., ..., если я перед этим: потренируюсь в..., найду ..., узнаю..., составлю план..., создам черновик....

2. Эмоционально-ассоциативный позитивно оцененный опыт. Он выражается в чувстве удовлетворения от предыдущих подобных иноязычных речевых поступков, превращающегося в особое состояние – эмоциональное предвосхищение: Мне всегда удавалось и сейчас удастся. Я готов к тому, что меня оценят, и я хочу, чтобы меня оценили.

3. Опыт ощущения личностной причастности, чувства собственного достоинства: Без меня ничего не получится. Личностная причастность ощущается часто как отношение долженствования: Я должен, поскольку на меня рассчитывают.

4. Опыт стремления быть вовлеченным в интригу событий: Я очень хочу быть участником занимательного события, и я все сделаю для этого.

5. Поликультурный (роднокультурный и инокультурный) опыт: Мне интересно проявить себя, используя свой богатый поликультурный опыт.

6. Рациональный опыт. Он проявляется в переживании психических состояний, когда личность использует ментальные операции анализа, синтеза, сравнения, противопоставления, обобщения, конкретизации, интерпретации, выделения главного (определение главной мысли) и второстепенного, выделения смысловых частей, добавления, уточнения, выявления противоречий, неточностей, различения, классификации.

7. Опыт информативной насыщенности будущего поступочного поведения и, следовательно, опыт информативной предрасположенности к речевому акту: Я знаю и могу это сделать, потому что владею достаточной информацией (развитость словесно-речевых представлений), которой я могу оперировать (насыщенность и расчлененность содержания предстоящего речевого акта). Другими словами, информативная насыщенность

выливается в информативную предрасположенность, что позволяет личности ориентироваться в речевом акте и, как можно понять, определяется достаточно обширным набором информативных фрагментов, в которых реализуется речевое умение.

8. Опыт внутриречевой активности. Он выражается в потребности планирования и предвидения результата, развитости внутреннего плана действий: перечислю; переспрошу; составлю; уберу; добавлю; сначала, потом, затем, наконец; вспомню о... . Это психическое состояние можно выразить следующим образом: Владея информацией, я могу и должен предварительно продумать, что я буду делать и как я буду поступать.

9. Опыт в межличностных отношениях. Он конкретизируется во многих психических состояниях. Приведем некоторые из них. В процессе коллективной деятельности человек переживает следующее: Нам предстоит совместно разработать ..., составить..., ответить на... . В ситуации лидерской реализации: Я могу организовать своих товарищей на... . Аффiliationная реализация ощущается следующим образом: Я (кому-то) нужен... .

10. Опыт условных форм поведения: Чтобы все получилось как надо, я должен (имплицитно или эксплицитно) принять «правила игры» (условия поступочного поведения). Этот опыт тесно связан с эмоциональным предвосхищением, потребностью и опытом в межличностных отношениях.

11. Опыт самоутверждения. Содержание этого опыта хорошо представлено в ФГОС СОО. В него входят самоконтроль, самооценка и саморегуляция, которые выражаются в ощущении удовлетворенности/неудовлетворенности результатом, вызывающим потребность рефлексии с целью самоутверждения: все ли я сделал?, так ли я сказал?, в следующий раз нужно еще... .

Обучающийся, разумеется, ничего этого себе не говорит, находясь в конкретном психическом состоянии, он ощущает определенный комплекс вышеописанных переживаний.

Целью данной статьи было показать, что понятие иноязычной компетенции, явления, имеющего деятельностный и личностный характер, могло бы обогатиться за счет привнесения в него объяснительной ресурсной мотивационной составляющей личности в деятельности, представленной опытом.

Библиографический список

1. Гурленов В. М. Роль понятия «психическое состояние» в объяснении процессов овладения иностранным языком // Актуальные проблемы науки XXI века: V международная мультидисциплинарная конференция, 15 декабря 2015 года. М.: Международная исследовательская организация «Cognito», 2015. С. 18–21.

2. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления: экспериментально-теоретическое исследование. М.: Наука, 1985. 220 с.

3. Сапогова Е. Е. Смысловое кодирование экзистенциального опыта в автобиографических текстах // *Zeszyty Naukowe Panstwowej Wyzszej Szkoły Zawodowej im. Witelona w Legnicy*. Scientific papers of the Wileton University of Applied Sciences in Legnica. Legnica: Wydawnictwo Panstwowej Wyzszej Szkoły Zawodowej im. Witelona w Legnicy, 2015. № 15(2). С. 49–61.

4. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1997. 392 с.

5. *Философская энциклопедия*: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 159.

References

1. Gurlenov V. M. Rol' ponyatiya «psikhicheskoye sostoyaniye» v ob'yasnenii protsessov ovladeniya inostrannym yazykom [The role of the notion «psychic state» in the explanation of the process of mastering a foreign language] // *Vmezhdunarodnaya multidistsyplinarnaya konferentsiya «Aktual'niye problem nauki XXI veka», 15 dekabrya 2015 goda* [Actual problems of science of the XXI century: V International Multidisciplinary Conference, December 15, 2015], Moscow, International research organization «Cogito», 2015, pp. 18–21. (In Russ.)

2. Zavalishina D. N. *Psikhologicheski analiz operativnogo myshleniya: eksperimentalno-tereticheskoye issledovaniye* [Psychological analysis of operational thinking: theoretical and experimental research]. Moscow, Nauka Publ. 1985, 220 p. (In Russ.)

3. Sapogova E. E. *Smyslovoye kodirovaniye ekzistentsyal'nogo opyta v avtobiograficheskikh tekstakh* [Semantic encoding of existential experience in autobiographical texts]. Scientific papers of the Wileton University of Applied Sciences in Legnica, 2015, no. 15(2), pp. 49–61. (In Russ.)

4. Kholodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence: research paradoxes]. Tomsk, Tomsk State University publ., 1997, 392 p. (In Russ.)

5. *Filosofskaya entsyklopediya* [Philosophical encyclopedia], in 5 vol., of vol. 4. Moscow, Soviet encyclopedia publ., 1967, p. 159. (In Russ.)

КУЛЬТУРА АРКТИКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 167.1; 811.511.12

О. Н. Иванищева

Холод как саамский культурный феномен

В статье описывается культурный феномен «холод» в кильдинском саамском языке и в произведениях саамского фольклора и литературы. Показано, что традиционная культура коренного малочисленного народа Севера формируется как результат его жизнедеятельности в определенных природных и социальных условиях и отражает особенности в том числе географических и климатических условий. Анализ культурного феномена «холод» в художественной картине мира саамского народа обнаружил, что этот феномен является объектом, обладающим высокой культурной значимостью. Опора на языковой материал тематической группы «холод» подтвердила идею о том, что язык является хранителем знаний, показателем культуры и духовности. Сопоставление обозначения явлений в научной и наивной (языковой) картине мира кильдинского саамского языка выявил соединение разных атмосферных явлений под одним названием (пурга, метель, снег) или неразличение разных атмосферных явлений (изморозь и изморось). В фольклорных и поэтических текстах саамского народа представлено позитивное восприятие холодного климата Кольского Севера.

Ключевые слова: культурный феномен, языковая картина мира, холод, кильдинский саамский язык

© Иванищева О. Н., 2019

O. N. Ivanishcheva. Cold as a Saami cultural phenomenon

The article describes the concept «Cold» in the Kildin Saami language, and and in the works of Saami folklore and literature. It is shown that the traditional culture of the indigenous people of the North is formed as a result of their livelihoods in certain natural and social conditions and reflects features including geographic and climatic conditions. An analysis of the cultural phenomenon of «Cold» in the Kildin Saami poetic picture of the world found that this phenomenon is an object of high cultural significance. The reliance on the language material of the thematic group «Cold» confirmed the idea that the language is the keeper of knowledge, an indicator of culture and spirituality. Comparison of the designation of phenomena in the scientific and naive (linguistic) picture of the Kildin Saami language revealed a combination of different atmospheric phenomena under one name (purga, metelj, sneg) or nondiscrimination of different atmospheric phenomena (izvorozj and izmorosj). The folklore and poetic texts of the Saami people represent a positive perception of the cold climate of the Kola North.

Keywords: cultural phenomenon, language world view, cold, the Kildin Saami language.

Введение

Культурный феномен и принципы его описания

Лингвистическое описание феноменов культуры опирается на лингвокультурологические принципы. Предметом лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре, а также те, которые отражают архетипические и прототипические элементы сознания, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, в фольклорных и религиозных дискурсах и художественных текстах. Кроме этого, лингвокультурология исследует также живые коммуникативные процессы, отражающие культуру и менталитет народа.

Полагаем, что суть лингвокультурологического описания феномена должно опираться на следующие принципы, выработанные нами и профессором А. А. Камаловой в процессе работы над проектом «Феномены российской культуры: проблемы лингвистического описания и лексикографирования» (2012–2013 гг.):

1. Один из важнейших принципов – опора на языковой материал; именно язык является хранителем знаний, показателем культуры и духовности, обеспечивая связь времен.

2. К описанию привлекаются феномены конкретного народа или конкретного региона, так как традиционная культура общества формируется как результат его жизнедеятельности в определенных природных и социальных условиях, представляя собой сложное и многослойное образование, отражающее особенности заселения, характерные промыслы, географические условия, этнолингвистические контакты и многое другое.

3. К лингвокультурологическому описанию привлекаются объекты, обладающие высокой культурной значимостью, что предполагает длительную историю существования, значимую роль в культурной, религиозной, экономической, социальной жизни народа или государства, или конкретного региона.

4. Описание духовной и материальной культуры опирается на актуальный материал, привлекаются также исследования, содержащие разнообразные сведения об объекте.

Теоретико-методологические принципы, изложенные выше, применяются в настоящей статье для описания такого феномена культуры коренного малочисленного народа саами и его языка, как *холод*.

Саамский язык: специфика языковой ситуации

Специфика ситуации такого коренного малочисленного народа Севера, как саамы, состоит в том, что саамский народ исторически разделен и проживает в 4 странах: России, Финляндии, Норвегии и Швеции. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область.

Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков. На основании фонетических и морфологических различий между группами саамов саамские диалекты (языки) делятся на следующие группы: западные диалекты (южносаамские диалекты в Швеции и Норвегии; диалекты *уме* в Швеции; диалекты *пийте* в Швеции и Норвегии; диалекты *лууле* в Швеции и Норвегии; северносаамские диалекты в Швеции и Норвегии); и восточные диалекты (инарский диалект в Финляндии; колтт-

ский диалект в Финляндии, Норвегии и России; бабинский диалект в России, кильдинский диалект в России, йоканьгский диалект в России). В настоящей работе кильдинский диалект саамского языка будет называться кильдинским саамским языком.

*Температура и пространство
в языковом сознании саамского народа*

Специфика онтологического подхода к исследованию культурного феномена состоит в учете именно специфики видения мира северного этноса. Эта специфика связана со своеобразным типом хозяйства саамов, в том числе с сезонными кочевками, зависящими от природных и климатических условий Европейского Севера. Главными занятиями саамов всегда были оленеводство и рыболовство. А цикл кочевания зависел от местного ландшафта, времени года и от биологических особенностей поведения объектов хозяйствования (олений, рыбы, промысловых животных и птиц).

По роду своих занятий лопарь был вынужден вести полукочевой образ жизни: с апреля до декабря он бродил по тундрам, около рыбных озер, следуя за стадом своих оленей. Лопари, имевшие семужьи тони при морских губах, отпуская оленей в тундры, сами с семьями переселялись в вежи на берега морских бухт и заливов на время семужьего лова, а затем с окончанием лова переходили в глубину тундр, к озерам и стадам [2, с. 67].

Мурманские краеведы отмечали особенность пространственной ориентации у саамского этноса.

Терминология стран света у саамов, по замечанию В. К. Алымова, не отличается устойчивостью: север у одних называется «тавал» /н, б/, у других – «выэрье» /т/, у третьих /к/ – «мер» (море). Восток называется «нуртэ» /к, е/, «нырта» /т/; юг – «совый» /к/, «сауй» /н/, «ныррте» /т/; запад – «варьял» /н/, «урьял» и «пай-варрь» /к/. Названия севера «тавал» и «мер» связаны с понятиями моря, морской глубины. Северный ветер называется «морской ветер», южный – «летний ветер» (кесс пинк /б/). «Север» терских «выэрье» – одного корня и почти одинаков с западом нотозерских и кильдинских саамов [1, с. 4 об].

В. К. Алымов подчеркивал, что «Мурманским концом» назывался берег к западу от Кольского залива и до Тромсе в Север-

ном Атлантическом океане (погосты «Кончанской лопи»). К востоку от Кольского залива, по морю, была «Русская сторона». Но направление «в Мурманский конец» не везде было направлением вдоль океанского берега на запад; на беломорском побережье полуострова оно считалось на восток, далее – горлом Белого моря – на северо-восток и север, а потом уже на запад. Для жителей Варзуги идти «в Мурманский конец» означало обогнуть Кольский полуостров по морю. От названия «Мурманский конец» произошло название «Кончанская лопь». В. К. Алымов отмечает, что кончанские погосты, удаленные от морского берега, назывались также погостами «Верхней земли» [1, с. 3 об-4].

Источники и методы исследования

Словари саамского языка как источник знаний о представлениях саамского народа

Кильдинская саамская переводная лексикография представлена тремя словарями: «Саамско-русский словарь» (1985) [13], «Словарь саамско-русский и русско-саамский» (1986) [9] и «Саамско-русский словарь» А. Антоновой (2014) [4]. Словарь Г. М. Керта содержит около 4 000 слов и предназначен для учащихся начальной школы. Цель данного учебного переводного словаря обозначена автором как успешное овладение учащимися родным (кильдинским) и русским языками. Словарь под ред. Р. Д. Куруч содержит 8 000 слов и предназначен для специалистов по финно-угорским языкам, этнографии и для всех интересующихся саамским языком. Словарь А. Антоновой появился в связи с ее переводом книги шведской писательницы А. Линдгрэн «Пеппи Длинный Чулок» на саамский язык. По словам участника редакторской группы Э. Шеллер, словарь является дополнительным вспомогательным инструментом для чтения книги («Пеппи Длинный Чулок» по-саамски). Качество лексикографической работы в словаре, однако, вызывает много нареканий специалистов. Этот словарь предназначен для всех, кто изучает кильдинский саамский язык, а также для носителей языка, которые хотят научиться писать и читать на родном языке, учителей и специалистов по саамским и другим финно-угорским языкам [4, с. 5].

Саамские сказки и саамская литература как источник знаний о представлениях саамского народа

Сборники саамских сказок отражают самобытность саамского народа. Форма саамского этноса – это предания, связанные с сейдами, исторические сказания, сказки о животных и легенды. Сказки саамов (майнс) – это лёгкий жанр. Их можно рассказывать и так, и этак [17, с. 41].

Саамская литература берет свое начало с произведений Октябрины Вороновой, впервые начавшей писать на саамском языке (йоканьгском диалекте). В настоящее время количество саамских писателей значительно (часть из них писала на русском, часть на саамском языках). Печатаются сборники и литературоведческие обзоры.

Методы исследования

В нашем исследовании применялся метод анализа словарных дефиниций, компонентный анализ, дискурс-анализ.

Обсуждение результатов

Тематическая группа «холод» в кильдинском саамском языке

Специфика онтологического подхода к исследованию лексической системы кильдинского саамского языка состоит в признании антропоцентричности этой лексической системы. Антропоцентричность языка коренного народа Севера основана в нашей работе на установлении того факта, что выделение смысла и оформление его в отдельное слово в кильдинском саамском языке непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека. Рассмотрим это положение на примере тематической группы «холод».

В кильдинском саамском языке тематическая группа, связанная с понятием «холод», содержит обозначения снега, мороза, льда, заморозка, инея, пороши, метели, вьюги, сугроба, мерзлоты, наста, изморози, холода, стужи, града. Эта лексика распределяется в подгруппы, которые выявляют значимость того или иного природного явления в жизни данного этноса.

Ключевое в тематической группе слово «холод» соотносится в сознании носителя саамского языка с прохладой и свеже-

стью. См.: **Холод** – *кэлмас* (*кэллмас*) (холод, стужа) [4, с. 146], *кэлмас* (холод, прохлада) [4, с. 134], *чуэццьк* (прохлада, свежесть) [4, с. 349]. В противопоставление лексеме «холод» лексема «мороз» обозначает «сильный холод». См.: **Мороз** – *мўнь* [4, с. 175; 13, с. 198], *пуэльтэй мўнь* (жгучий мороз) [13, с. 198], *чоївч* (мороз сильный, резкий, жгучий) [4, с. 340]. Разновидности атмосферных осадков, связанных с холодным (зимним) временем года, представлены лексемами **снег** и лексемами, обозначающими типы снега и его интенсивность (**пороша, наст, лёд, метель, вьюга, буран, иней, изморозь, град**). Такого разнообразия обозначений разновидностей снега, которые представлены в эвенкийском, например, языке, в кильдинском саамском языке не отмечено. Снег часто ассоциируется с легким и пушистым атмосферным явлением, с пургой и метелью, что отражается в толковании значения слова. См.: **Снег** – *вэдз* [4, с. 60], *алльм* (пурга, метель, снег) [4, с. 20], *куэллт* (снег (падающий, пушистый, легкий)) [4, с. 125; 13, с. 136], *сїббл* (мокрый снег) [4, с. 270; 9, с. 86]. Примечательно, что лексема *алльм* имеет еще значение «небо» [9, с. 12].

Сопоставление обозначения явлений в научной и наивной (языковой) картине мира кильдинского саамского языка дает новый материал для выявления специфики последней. Анализ языковых фактов показывает соединение разных атмосферных явлений под одним названием. Например, лексема *сульнь* может обозначать *заморозки*, а может *изморось*. Ср.: *сульнь* (заморозки (летние или осенние, сопровождающиеся густым стелющимся туманом)) [13, с. 331] и *сульнь* (изморось; туман) [4, с. 279]. При этом наблюдается объединение явления *изморось* с явлением *туман*, который является отличительным признаком *изморози*. В языковом материале отмечено неразличение понятий *иней* и *изморозь*: *сыннь* (иней, изморозь) [4, с. 284], что является логичным, так как *изморозь* – это рыхлые снегообразные кристаллы льда [7, с. 437], и иней тоже тонкий слой ледяных кристаллов [7, с. 449]. Обозначение **наста** чрезвычайно важно для жизни этноса, потому что северный олень зимой питается ягелем, доставая его из-под снега. А если наст крепкий, то оленю сделать это сложно: *наст крепкий, боюсь, олени не добудут пищу* [13, с. 232]. Лексема со значением «пороша» отсутствует в двуя-

зычных словарях кильдинского саамского языка или совпадает с лексемой со значением «снег», что также логично, так как **по-роша** – слой свежего, только что выпавшего снега; мелкий сухой снег, гонимый ветром [6] представлено в языке саамского этноса в виде отдельных лексем: **Метель** – *алльм* (пурга, метель, снег) [4, с. 20], (метель, вьюга) [13, с. 24], *пõррк* (метель, вьюга, буран) [4, с. 230; 13, с. 265]; **Вьюга** – *алльм* (метель, вьюга) [13, с. 24], *пõррк* (метель, вьюга, буран) [4, с. 230; 13, с. 265].

Понятие **мерзлота, мёрзлый** является существенным для жизни северного этноса Кольского полуострова. Вечная мерзлота – это реалия жизни арктических регионов. Для саамского народа наличие вечной мерзлоты (**мерзлота** – *туэллв* [4, с. 313]) дает возможность сохранения, например, продуктов питания: *чйгкэ* – закопать; закопать рыбу в землю (с целью ее сохранения в мёрзлой земле) [13, с. 392].

Примечательно, что названия месяцев в кильдинском саамском языке связаны по происхождению в основном с названиями зимних атмосферных явлений, жизнедеятельностью оленей и временами года. См., например: *пõррк мәнн* (февраль (месяц метелей)); *чåзь иңнлуввэм мәнн* (ноябрь (месяц ледостава)); *ко-амм ый мәнн* (декабрь (месяц полярной ночи)); *õдтыгкь мәнн* (январь (месяц нового года)); *вўзь кўннътэм мәнн* (апрель (месяц появления телят)); *кыдт мәнн* (май (месяц весны)).

Мотив дружбы-сотрудничества холода и тепла в саамских сказках

Мотив дружбы-сотрудничества холода и тепла – один из важных в саамском фольклоре. Основная мысль сводится к тому, что холод без тепла существовать не может. Это неразрывное единство, даже родство.

Так, в сказке «Узоры» Дед Мороз (Мунь Айя – букв. «дед (отца или матери, родной дедушка)» и «мороз») выпускает холодное дыхание и оставляет узоры на окнах. А в теплом доме Огонь – «веселый парень» – оставляет узоры на блинах. Оба рисуют узоры. Сказка заканчивается выводом, что внучка теперь знает, кто без рук рисует узоры [18, с. 14-15].

В сказке «Северное сияние – длинная рука» по небу бежит Воафсхэсс (Северное сияние) и смотрит на танцующих кадрили

девушек и парней. Сарафаны у девушек пышные с лентами, на головах красные ленты, украшенные разноцветным бисером, в косах ленты яркие вплетены. Воафсхэсс тоже захотел такие красивые ленты. Он потащил за волосы девушек на небо, те вырвались, а яркие ленты остались в руке Воафсхэсс. Девушки стали просить ленты обратно, но Воафсхэсс дразнил их и заманивал на небо лентами каждый раз, когда скучал по девушкам. В один день в сильный мороз девушки не вышли на улицу. Тогда Воафсхэсс позвал на помощь к себе двоюродного брата Соаййв пик – южного ветра. И тот ему помог наказать девушек: он свистел и дул так сильно, что от земли до неба поднимал снег и дверь жилища открыть не удавалось [18, с. 34–36].

Дружба Воафсхэсс (Северное сияние) и Соаййв пик (Южный ветер) представлена и в сказке «Невеста». Соаййв пик помогает донести думы Воафсхэсс красивой девушки – невесты Воафсхэсс [18, с. 40–41].

Саам связан и с Северным сиянием (холодом), и с Солнцем (теплом). Если у Северного сияния саамская девушка – невеста, то у Солнца она – дочь (см. сказку «Дочь Солнца» [14, с. 102–106].

Холод-друг в саамской поэтической картине мира

Говоря об образах в саамской поэзии, необходимо отметить в первую очередь позитивное восприятие саамами холодного климата Кольского Севера и его скудной природы.

У В. Смирнова, переводчика первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой, писавшей на саамском языке, читаем: *«Кто еще (кроме саамов. – О. И.) может найти прекрасное, скажем, в белой, голой, унылой тундре или в хилом полярном лесочке, когда снежный вихрь гнёт до земли и без того искривленные, корявые стволы берёз?»* [16, с. 172]. См. также у М. Мокеевой: *«Может показаться несовместимым: Север – суровый, холодный, и – эта радость, восхищение, тепло, звучащее в стихах...»* [12, с. 147]. А в творчестве первого саамского поэта, писавшего по-русски, Аскольда Бажанова холод и мороз воспринимаются как друзья человека: *Полярной ночью голос слышится / Еще неведомых миров! / В лесу декабрьском славно дышится: / Мороз, озон – и я здоров!* (А. Бажанов) [5, с. 58]; *Мне жаль тебя, только уж так повелось, / За осенью – зимы мгlistые. / И легкий наряд*

*свой ты все-таки сбрось: / В мороз тебе в нем не выстоять! /
Пройдут снегопады, укроются снежком, / Как шубкою, плечи де-
вичьи, / И будет мороз тебе верным дружком, / Галантейшим ко-
ролевичем!* (А. Бажанов) [5, с. 70]; *Выступает мороз по округе, /
Как жених, на гулянье маня* (О. Воронова) [3, с. 48]; *Мы привык-
ли и к морозам, и к снегам, / наши зимы невозможно не любить*
(А. Бажанов) [3, с. 98].

Зиме благодарны саамы: *Вот за эту белизну / Над лесной
грядой, / За зеленую сосну, / Ставшую седой, / За просторный
светлый мир / В снеговом лету* (О. Воронова) [3, с. 46].

Самые распространенные образы, связанные с понятием «холод» в художественном мире представителей саамского на-
рода, – это **снежные сугробы** (*шбйвьым* [9, с. 12]) и **белый цвет**
(*пъялдьк* (белый (об олене)) [4, с. 247; 13, с. 283; 9, с. 79]; *йввьй* (бе-
лый (об олене)) [4, с. 78]).

В книге О. Вороновой «Снежница» (1986) читаем: *Снег ле-
жит сугробом пышным, / Легкий, мягкий, словно пыжик... Срав-
нение с пыжиком* (оленёнок до 3–4 месяцев; мех его отличает-
ся мягкостью [15, с. 39]) имеет большое значение, потому что
олень и оленията являются особым предметом любви и внима-
ния саамского народа.

В. Санги пишет: *«так чувствовать Север может только
рожденный на Севере, для которого Север – не экстремальность,
не отчуждение, не край героического (и сурового!) покорения, а
дом родной – извечный, уютный, с мягкими, как пыжик, сугроба-
ми»* [11, с. 143].

Белый – это особый цвет в саамской культуре. Наибольшее
предпочтение саами отдавали белым оленям. Некогда эти оле-
ни приносились в жертву духу-хозяину. Белые олени часто пред-
назначались молодым девушкам и шли за ними в приданое [15,
с. 48]. Белизна цветовой гаммы – цвет снега, напрямую связан-
ный с погодными условиями саамов [10, с. 156].

Упоминание белого цвета присутствует в большинстве поэ-
тических произведений. Это основной цвет окружающего мира,
и он воспринимается саамским народом практически как един-
ственно возможный, независимо от времени года: *Север в мае
не блещет красками: / белой ночью на белый снег, / запряжен-
ная в нарты саамские, / тройка белый оставит след, / увозя па-*

стуха, гостившего / праздник мая в селе родном, / ночью белую загрузившего, / на полгода оставив дом (А. Бажанов) [5, с. 66]; *Я стою у крыльца / На пороге родимого дома. / Белизна, / Белизна без конца... / Как все это знакомо!* (О. Воронова) [3, с. 52]; *Ой, Отчизна-мать, тундра белая!* (А. Антонова) [3, с. 71]; *Какая белизна! / Нам послан снег с небес. / Он тропы порошит / И бок соболий белит – / Как будто чистый свет / Спускается на лес* (А. Антонова) [3, с. 74].

Даже полярная ночь, когда солнце не встает над горизонтом, у саамов-поэтов белая: *Ночь заполярная – / Белая тьма, / В диком безумстве / Ликует зима* (А. Антонова) [3, с. 70].

Заключение

Традиционная культура коренного малочисленного народа Севера формируется как результат его жизнедеятельности в определенных природных и социальных условиях и отражает особенности в том числе географических и климатических условий.

Холод как культурный феномен в представлении саамского народа предстает, как мы видим, как естественное состояние человека в этом суровом северном краю.

Опора на языковой материал тематической группы «холод» подтвердила идею, что язык является хранителем знаний, показателем культуры и духовности. Представление о холоде разнообразно и подчас взаимоисключает друг друга: холод как феномен в сознании саамского народа и прохладный (слабый), и жгучий (сильный, как мороз).

Сопоставление обозначений явлений в научной и наивной (языковой) картине мира кильдинского саамского языка дает новый материал для выявления специфики последней. Анализ языковых фактов показывает соединение разных атмосферных явлений под одним названием (пурга, метель, снег) или неразличение разных атмосферных явлений (изморозь и изморось). Последнее явление мы наблюдали и при анализе некоторых других тематических групп кильдинского саамского языка. Так, названия рыб определенных видов в нашем языковом материале отличались несоблюдением границ научной терминологии [8, с. 26].

Анализ культурного феномена «холод» в художественной картине мира саамского народа показал, что он является объектом, обладающим высокой культурной значимостью. В фольклорных и поэтических текстах саамского народа представлено позитивное восприятие холодного климата Кольского Севера.

Холод и тепло в художественном мире саамов – и друзья, и враги. Не случайно наиболее частотными образами в саамской поэзии являются снежные сугробы и белый цвет. Белизна – неотъемлемый атрибут холода и мороза, которые воспринимаются как признак дома родного – извечного и уютного.

Библиографический список

1. Алымов В. К. О географических названиях на Кольском полуострове. МОМ КП 15815/9. 1935. Л. 1–11.
2. Алымов В. К. Озерное рыболовство в Мурманском округе // Мурманское Общество Краеведения. Доклады и сообщения. Вып. II. Мурманск, 1928. С. 91–98.
3. Антология саамской литературы. Мурманск: Опимах, 2012. 384 с.
4. Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск: Изд-во «ЛЕМА», 2014. 376 с.
5. Бажанов А. Стихи и поэмы о саамском крае. Berlin: Norfeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009. 205 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1456 с.
8. Иванищева О. Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. Ч. 2. Животные. Птицы. Насекомые. 157 с.
9. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-е, 1986. 247 с.
10. Кутенков Б. В. В отсутствие лирического темперамента // Саамская литература: материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010. С. 156–158.
11. Лаврентьев М. В. В переводе на русский // Саамская литература: материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010. С. 141–145.
12. Мокеева М. Поэтесса окраинных земель // Саамская литература: материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010. С. 146–150.

13. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.
14. Семилетний стрелок из лука. Саамские сказки / обр. Е. Пация. Мурманск: Мурманское книжн. изд-во, 1990. 109 с.
15. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.
16. Смирнов В. Ночлег в пути // Саамская литература: материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010. С. 159–178.
17. Чарнолуцкий В. О саамах и их сказках // Саамская литература: материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010. С. 36–43.
18. Якимович С. Е. Саамские сказки / Пеййв кэннял. М.: Медхим-плюс, 2015. 99 с.

References

1. Alymov V. K. *O geograficheskikh nazvaniyakh na Kol'skom poluostrove* [About geographical names on the Kola Peninsula]. *Murmanskij oblastnoj muzej*. [Murmansk Regional Museum]. 15815/9, 1935, pp. 1–11. (In Russ.)
2. Alymov V. K. *Ozernoe rybolovstvo v Murmanskom okruge* [Lake fishing in the Murmansk region]. *Murmanskoe Obshchestvo Kraevedeniya. Doklady i soobshcheniya* [Murmansk Society of Regional Studies. Reports and messages], vol. II. Murmansk, 1928, pp. 91–98. (In Russ.)
3. *Antologiya saamskoj literatury* [Anthology of Saami literature]. Murmansk: Opimah Publ., 2012, 384 p. (In Russ.)
4. Antonova A. A. *Saamsko-russkij slovar'* [Saami-Russian dictionary]. Murmansk, LEMA Publ., 2014, 376 p. (In Russ.)
5. Bazhanov A. *Stihi i poehmy o saamskom krae* [Poems and poems about the Sami region]. Berlin, Norfeuropa-Institut der Humboldt-Universität, 2009, 205 p. (In Russ.)
6. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (In Russ.)
7. *Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'* [Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya Publ.; St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1456 p. (In Russ.)
8. Ivanishcheva O. N. *Materialy k slovaryu kil'dinskogo saamskogo yazyka* [Materials to the dictionary of the Kilda Sami language]. Moscow; Berlin, Direkt-Media Publ., 2018, Part. 2, 157 p. (In Russ.)
9. Kert G. M. *Slovar' saamsko-russkij i russko-saamskij* [Dictionary Saami-Russian and Russian-Saami]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1986, 247 p. (In Russ.)

10. Kutenkov B. V. otsutstvii liricheskogo temperamenta [In the absence of lyrical temperament]. *Saamskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Saami literature: Materials and research]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2010, pp. 156–158. (In Russ.)
11. Lavrent'ev M. V. perevode na russkij [Translated into Russian]. *Saamskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Saami literature: Materials and research]. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2010, pp. 141–145. (In Russ.)
12. Mokeeva M. Poehtessa okrainnyh zemel' [Poetress of marginal lands]. *Saamskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Saami literature: Materials and research]. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2010, pp. 146–150. (In Russ.)
13. *Saamsko-russkij slovar'* [Saami-Russian Dictionary]. N. E. Afanas'eva [i dr.]; Red. R. D. Kuruch. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985, 568 p. (In Russ.)
14. *Semiletnij strelok iz luka. Saamskie skazki* [Seven-year archer. Sami tales]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 109 p. (In Russ.)
15. *Slovar' leksiki tradicionnyh promyslov i hozyajstvennyh zanyatij kol'skih saamov (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo yazyka)* [Vocabulary of traditional crafts and economic activities of the Kola Saami (on the material of the Kildin dialect of the Saami language)]. O. N. Ivanishcheva, A. M. Ershtadt. Murmansk, MGGU Publ., 2014, 249 p. (In Russ.)
16. Smirnov V. *Nochleg v puti* [Overnight on the way]. *Saamskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Saami literature: Materials and research]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2010, pp. 159–178. (In Russ.)
17. Charnoluskij V. O saamah i ih skazkah [About Saami and their tales]. *Saamskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Saami literature: Materials and research]. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2010, pp. 36–43. (In Russ.)
18. Yakimovich S. E. *Saamskie skazki* [Saami tales]. Pejyv kehnyal. Moscow, Medhimpilyus Publ., 2015, 99 p. (In Russ.)

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Архипова Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия)

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Волкова Светлана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент по специальности «Философская антропология и философия культуры», доцент кафедры философии и культурологии ИИПиСН Петрозаводского государственного университета, докторант кафедры философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Воробьева Ольга Борисовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Теология» Самарского государственного университета путей сообщения (Самара, Россия)

Гурленова Людмила Викторовна – доктор филологических наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Данилов Борис Анатольевич – аспирант Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

Зюзев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто)

Иванищева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массо-

вых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия)

Измайлова Эмма Вячеславовна – аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия)

Карбачинская Наталия Борисовна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия)

Колик Алексей Валентинович – старший преподаватель кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Конова Ирина Генриховна – кандидат культурологии, учитель МАОУ «Гимназия им. А. С. Пушкина», преподаватель кафедры культурологии и педагогической антропологии Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Кузюрина Евгения Михайловна – аспирант Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Макарова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Максимова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры философии и этики института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Морозова Дарья Леонидовна – аспирант Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; научный сотрудник Муниципального учреждения культуры «Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Мосягина Ольга Валентиновна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия)

Позднякова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

Сажина Светлана Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и специальной педагогики института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Сердюк Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Трофимова Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Харитонова Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия)

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 1(31) 2019

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Тех. редактор *Т. В. Матвеева*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 20.03.2019. Дата выхода в свет 29.03.2019.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 12,3. Уч.-изд. л. 12,0.

Заказ № 48. Тираж 500 экз.

